Вестник Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

ISSN 1829-0450

(23)

Издательство РАУ

N 2/2016

Հայ-Ռուսական համալսարան

Լ Ր Ա Բ Ե Ր

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ

ՍԵՐԻԱ՝

ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(23)

ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 2/2016

Российско-Армянский университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(23)

Издательство РАУ

N 2/2016

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ РФ

Российско-Армянский университет, 2016г.

ISSN 1829-0450

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Юриспруденция

Психология

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СТРАН ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

П.С. Аветисян, М.И. Заславская, Г.Э. Галикян

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу перспектив формирования единого пространства высшего образования на территории стран ЕАЭС. На основании комплексного междисциплинарного исследования авторы пришли к выводу, что формирование единой образовательной платформы для стран-членов евразийского экономического пространства является необходимостью, поскольку способствует углублению интеграционных процессов в целом.

На пути к сближению образовательных систем уже реализованы некоторые шаги, что закреплено в нормативно-правовой документации стран ЕАЭС. Тем не менее, существует ряд факторов, препятствующих обозначенной авторами цели. Среди этих факторов можно выделить следующие: сложности преодоления «наследия» советской образовательной системы, слабость законодательной базы как на национальном уровне, так и на межгосударственном уровне, проблемы финансирования образования, а также отсутствие стратегий интеграции систем высшего образования стран ЕАЭС в единое пространство при сохранении специфики национальной идентичности.

По итогам исследования авторами выделены необходимые направления реформирования в деле создания ЕВОП в рамках ЕАЭС как с содержательной, так и с организационной точки зрения, например, необходимость создания Координационного Центра для реализации дальнейших шагов в направлении создания евразийского образовательного пространства на основе сетевой структуры, а не иерархической модели «центр-периферия».

Анализ особенностей образовательного рынка Армении, как одной из стран-участниц ЕАЭС, показал, что грамотный учет специфики каждого отдельного рынка образовательных услуг интегрирующихся стран способен решить целый ряд как внутристрановых проблем, так и вывести интеграционные процессы и в экономике, и в политике, и в образовании на новый уровень решения региональных проблем.

Ключевые слова: система высшего образования, единое образовательное пространство, интеграционные процессы, страны ЕАЭС.

Вопрос о создании единого образовательного пространства стран ЕАЭС – один из наиболее актуальных вопросов в рамках интеграции ЕАЭС – часто рассматривается как второстепенный по отношению к проблемам развития поли-

тического, военного и экономического сотрудничества. Между тем, понижение важности вопросов образования является во многом тормозящим фактором для эффективных интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Объединение образовательных систем является предпосылкой не только для дальнейшей координации экономического сотрудничества, но и той платформой, которая станет основой для дальнейшего культурного нормативно-ценностного взаимодействия в рамках политического и экономического объединения. Исследовательской группой Российско-Армянского университета был реализован ряд исследований, посвященных анализу особенностей *систем высшего образования* (СВО) в странах постсоветского пространства в контексте возможностей создания *единого образовательного пространства* (ЕВОП) в рамках ЕАЭС. Перед исследовательской группой стояли следующие задачи:

1. Проанализировать аргументы «за» и «против» создания ЕВОП в рамках ЕАЭС.
2. Выявить текущее положение на рынке образовательных услуг в странах ЕАЭС.
3. Выявить основные тренды модернизации СВО в странах-участницах ЕАЭС.
4. Оценить возможности и перспективы создания ЕВОП в контексте ЕАЭС.
5. Разработать предложения и направления реформирования СВО в деле создания ЕВОП в рамках ЕАЭС.

Более того, была проанализирована ситуация в Армении в рассматриваемом контексте и выявлены приоритетные направления реформирования СВО Армении в контексте ЕВОП.

В результате было реализовано комплексное междисциплинарное исследование в следующих плоскостях анализа: философского, социологического, экономического и управленческого. Был реализован качественный и количественный анализ документов, касающихся формирования ЕВОП, а также анализ ряда экспертных оценок ситуации в странах ЕАЭС, а также были использованы результаты некоторых исследований СВО в странах ЕАЭС.

Результаты исследований однозначно свидетельствуют о том, что необходимость объединения систем высшего образования стран-участниц ЕАЭС является аксиомой для успешного осуществления общих интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, залогом устойчивости и перспективности интеграционного взаимодействия. Между тем, анализ результатов предварительных исследований показал, что в дискурсе объединительной парадигмы систем высшего образования в рамках интеграции стран ЕАЭС превалирует в первую очередь осмысление тех трудностей, которые имеются в настоящее время в ходе реализации этих процессов. На втором месте по актуальности интериоризации находится осмысление приоритетных направлений и дальнейших шагов в деле реализации проекта. И, наконец, завершает проблематику объединительной парадигмы в работах участников проекта вопрос об имеющихся в настоящее время тенденциях рассматриваемых процессов.

Аргументы в пользу создания единого высшего образовательного пространства (ЕВОП) в рамках ЕАЭС

В рамках проекта были проанализированы аргументы и контраргументы в пользу создания ЕВОП. Как показал анализ, аргументы в пользу создания ЕВОП превалировали над контраргументами.

Аргументы были проанализированы на двух уровнях: на *общемировом* и *региональном*. Что касается *общемировых* тенденций, то экономико-управленческий анализ роли интеграции в развитии человеческого капитала стран ЕАЭС выявил необходимость развития взаимного сотрудничества в области высшего образования, которое должно учитывать происходящие процессы интеграции, а также глобальные тенденции в инновационном секторе экономики, развивающимся в ускоренном темпе. Процессы глобализации в общемировом масштабе способствуют объединению различных стран в единую глобальную систему, и объединение образовательных систем является неотъемлемой частью процесса. В частности, наиболее зримо проявляющаяся глобализация в сфере мировой экономики способствует свободному перемещению не только товаров и услуг, а также информации и знаний. Более того, так как процесс экономической интеграции актуализирует вопрос соответствующего кадрового обеспечения, а значит, и человеческого капитала, то вопрос сотрудничества в сфере образования становится одним из важнейших политических направлений межгосударственных отношений. Очевидно, что повышение образовательного уровня влечет за собой как экономическое развитие, так и восстановление человеческого потенциала стран, входящих в интеграционное партнерство, что, в свою очередь, может служить прочной основой дальнейшего укрепления в рамках евразийской интеграции.

В связи с этим резко возросла необходимость сглаживания дисбаланса между направлениями развития человеческих интеллектуальных ресурсов высших образовательных учреждений и потребностями в конкретных специалистах по экономическим секторам стран.

Развитие человеческого капитала тесно связано с улучшением качества образования, что должно служить одной из важнейших целей интеграции в образовательной среде и вести, соответственно, к улучшению качества и уровня жизни населения во всех странах, входящих в интеграционный союз, одним из путей достижения которой может являться, в частности, синхронизация образования в этих странах: развитие академического обмена, научного и образовательного сотрудничества, взаимопомощь в организационных процессах и т.п.

Сегодня вызовы глобализирующегося мира не оставляют шанса на развитие изолированных обществ, а объединительная парадигма дает возможность для совместного развития и продуктивного взаимодействия.

Более того, современные тенденции расширения миграционных процессов, обмен миграционными потоками, пронизывающими различные страны, наличие во многих странах внешних и внутренних диаспоральных общин ставят вопрос о

насущной необходимости единого образовательного пространства. Особенно актуален этот вопрос для постсоветского пространства, где миграционные потоки имеют весьма внушительные объемы.

Что касается *региональных* приоритетов в деле создания ЕВОП – то, прежде всего, наиболее очевидным и благоприятным последствием создания ЕВОП является расширение возможностей стран с точки зрения доступа к более емким рынкам. Кроме того, объединение систем высшего образования в рамках ЕАЭС позволит существенно повысить международный авторитет систем образования стран ЕАЭС, а также конкурентоспособность предоставляемых ими образовательных услуг. Наличие общих особенностей в развитии образовательных систем стран ЕАЭС – мощный фактор в пользу расширения интеграционных процессов в области высшего образования. Это обусловлено наличием единого образовательного и языкового пространства с устоявшимися традициями сотрудничества, существовавшего в течение более полувека, общими вопросами адаптации к новым социально-экономическим реалиям, общей методологической, организационно-структурной и методической основой становления и развития образования. В деле реформирования образовательных систем в странах ЕАЭС имеются пересекающиеся проблемы, связанные с переходом на трехуровневую систему (бакалавр-магистр-доктор), общие проблемы законодательного обеспечения дифференциации образования, проблемы гармонизации старой системы присуждения научных званий с новой.

Преимущества объединения в ЕВОП также прослеживаются в аспекте возможностей, открывающихся для развития системы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). Отметим, что «одним из ключевых показателей развития человеческого интеллектуального потенциала общества, создания и распространения знаний является система НИОКР, которая лежит в основе научно-образовательных учреждений, включая академические институты и учреждения, и крайне важна для инновационного курса в науке и экономике. В связи с тем, что в малых экономиках внутренний рынок недостаточно велик, чтобы обеспечить спрос, необходимый для поддержки национальных институтов и инновационных компаний, создающих знания, сотрудничество и взаимодействие в рамках научно-образовательного пространства ЕАЭС может создавать благоприятные и стабильные возможности для инновационного развития таких стран и всего евразийского пространства» [Аветисян, Геворкян, 2016]. Проблема финансирования и развития НИОКР также может получить определенное решение в рамках ЕАЭС, к примеру, в сентябре 2015г. был одобрен проект распоряжения Евразийского межправительственного совета «О порядке организации и финансирования совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агропромышленного комплекса государств – членов Евразийского экономического союза».

Таким образом, «Евразийское научно-образовательное пространство – это регионализация высших образовательных систем постсоветских стран, с целью создания межкультурной платформы на базе науки и образования для реформи-

рования образовательных систем, развития науки и преодоления вызовов XXI века» [Аветисян, Мовсисян, 2016]. По мнению М.И. Вишневского, цели формирования единого образовательного пространства Евразийского сообщества двояки [Вишневский, 2004]. Во-первых, они связаны с повышением общественной эффективности образования путем сложения и координации усилий всех субъектов данного процесса на пути приближения интегрированной образовательной системы к высшим мировым достижениям. В данном отношении образование выступает, прежде всего, как инструмент решения социально-политических, экономических, научно-теоретических, общекультурных задач, характеризующих жизнь общества в целом. Вторая группа целей вытекает из личностной направленности высшей образовательной деятельности, обеспечивая тем самым увеличение человеческого капитала.

Анализируя мнение М.И. Вишневского, можно заметить, что образовательный процесс с точки зрения становления образовательного пространства рассматривается, с одной стороны, как инструмент интеграции, а с другой – как важнейший фактор социального развития, который может обеспечить гражданам ЕАЭС необходимый уровень компетентности для ответа вызовам нового тысячелетия; помочь осознать общность ценностей и принадлежность к единому социальному и культурному пространству, как основы процветания региона [Вишневский, 2004. С.11].

Таким образом, целый ряд аргументов показывают насущную необходимость создания ЕВОП в рамках экономического сотрудничества ЕАЭС, что будет, с одной стороны, способствовать более тесному экономическому сотрудничеству стран-участниц и созданию единого, органически связанного экономико-образовательного рынка, а с другой стороны, позволит решить целый ряд проблем, связанных непосредственно с функционированием СВО, в частности, достижения в этой области позволят системам высшего образования, объединённых в рамках ЕАЭС, существенно повысить международный авторитет систем образования стран ЕАЭС, а также конкурентоспособность представляемых ими образовательных услуг, которая в настоящее время весьма проблематична.

Обратимся к анализу тех изменений, которые претерпевают СВО в настоящее время.

Анализ имеющихся тенденций в деле создания ЕВОП в рамках ЕАЭС

В контексте интеграционных процессов ЕВОП за последние годы в странах ЕАЭС был реализован ряд программ, в числе которых следует упомянуть «разработку общих подходов в вопросах развития единого образовательного пространства, обеспечение на практике равного доступа в образовательные учреждения всем гражданам государств-членов ЕАЭС, взаимное признание документов об образовании и ученых степенях и званиях, развитие корпорации в вопросах подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, открытость

информации о состояния деятельности национальных систем образования» [Аветисян, Мовсисян, 2016].

В частности, в 1998г. между правительствами некоторых стран СНГ (ныне входящих в ЕАЭС) было подписано соглашение о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях. К их числу относятся Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, к соглашению также присоединилась Республика Таджикистан и Республика Узбекистан[1].

Решением Совета глав правительств № 28 от 24 ноября 1998г. (Соглашение о предоставлении равных прав гражданам государств-участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года на поступление в учебные заведения от 24 ноября 1998 года) был создан орган сотрудничества – Совет по взаимному признанию и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях при Интеграционном комитете ЕАЭС для реализации упомянутого выше соглашения[2]. В область компетенции Совета входят: определение критериев взаимного признания и эквивалентности документов об образовании, проблемы унификации законодательных и нормативных правовых актов стран сообщества. В поле деятельности Совета также входят обсуждения о единых требованиях к системе аттестации научных кадров высшей квалификации; о создании единого макета образовательных стандартов высшей школы; о разработке модельного классификатора профессий, специальностей и квалификаций; о подготовке Концепции Единого образовательного пространства государств – членов ЕАЭС и другие. В своем докладе на международной конференции «Образование через всю жизнь: становление и развитие непрерывного образования в рамках единого образовательного пространства евразийского экономического сообщества» В.Н. Иванова отметила, что уже «…разработаны и рассмотрены предложения по унификации классификаторов по науке, единой номенклатуре специальностей научных работников; состоялся обмен информацией о современном состоянии образования в рамках наших государств, входящих в Евразийское экономическое сообщество» [Иванова, 2004].

Анализируя достигнутые результаты в деле сотрудничества стран ЕАЭС, можно утверждать, что фактически единое образовательное пространство в определенной форме уже существует. По словам министра образования и науки Казахстана Б. Жумагулова, «сближение в экономике создает надежный базис для формирования общего образовательного пространства, интеграции образовательных структур государств-членов ЕАЭС». Он также отмечает, что успешно

[1] Соглашение о предоставлении равных прав гражданам государств-участников Договора об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года на поступление в учебные заведения от 24 ноября 1998 года.

[2] Там же.

происходит процесс интеграции образовательных систем между теми государствами, где наблюдается экономическая миграция, поддерживаемая высшими политическими руководствами. Министр образования Белоруссии С. Маскевич отмечает, что «странам ЕАЭС удалось выбрать общие подходы в вопросах развития единого образовательного пространства. И это позволило существенно повысить международный авторитет систем образования стран ЕАЭС, а также конкурентоспособность представляемых ими образовательных услуг»[3].

В этой связи отметим, что в 2016г. был принят Меморандум по вопросам кадрового и научно-инновационного обеспечения экономической интеграции на пространстве Евразийского экономического союза между министерствами образования стран ЕАЭС, в котором стороны в целях реализации совместных научно-образовательных мероприятий в интересах развития экономической интеграции ЕАЭС приняли решение формировать консультативные советы в сферах высшего образования и научно-инновационных исследований на уровне представителей руководства, в том числе структурных подразделений, государственных органов исполнительной власти стран ЕАЭС в сферах высшего образования и науки.

На международной конференции «Образование через всю жизнь: становление и развитие непрерывного образования в рамках единого образовательного пространства евразийского экономического сообщества» Ж.К. Каниметов в своем докладе отмечает, что «вопрос создания единого общеобразовательного пространства на территории ЕАЭС можно рассматривать как один из важнейших аспектов решения вопроса реформы образования. Усилия по данному направлению, если они будут достаточно эффективными, могут позволить на практике реализовать межцивилизационный, межкультурный, межрелигиозный диалог в проекции межличностных отношений, обмениваться реальным опытом в сфере образования» [Каниметов, 2004].

Отметим, что в рамках современных интеграционных процессов стоит задача построения действенной системы взаимодействий между руководителями вузов как на интегрируемом пространстве, так и по всему миру. Примером такой системы партнерства может служить международная Ассоциация президентов университетов, являющаяся уникальной международной платформой, на которой руководители и ученые обмениваются профессиональным опытом. В рамках интеграционных процессов осуществлено создание таких межвузовских объединений, как сетевые университеты СНГ и ШОС, Евразийская Ассоциация Университетов (ЕАУ), а также на базе секции технических университетов ЕАУ по инициативе ведущих университетов РФ развивается Ассоциация технических университетов.

В настоящее время делаются шаги по созданию двусторонних Ассоциаций университетов стран, входящих в ЕАЭС, к примеру, России и Армении и других

---

[3] Общее образовательное пространство ЕАЭС [Электронный ресурс: http://presshunter.ru/article?id=8525].

стран партнерства, что стимулирует развитие постоянных студенческих обменов и обменов профессорско-преподавательского состава.

Однако, несмотря на конкретные шаги в деле создания ЕВОП, имеется целый ряд проблем и противоречий, которые тормозят развитие и укрепление ЕВОП.

Сложности и проблемы в деле создания ЕВОП в рамках ЕАЭС

Ряд экспертов выделяет следующие основные проблемы, осложняющие процесс евразийской интеграции систем высшего образования. К первой группе проблем эксперты относят преодоление «наследия» советской образовательной системы, традиционно характеризуя его как тормозящее процессы реформирования [Пирогов, 2008, стр. 20]. Ко второй группе проблем эксперты относят факторы, возникающие в процессе реформирования системы, а именно: отсутствие необходимой инфраструктуры, обеспечивающей модернизацию образования; слабость законодательной базы как на национальном уровне, так и на межгосударственном уровне, проблемы финансирования образования [Пирогов, 2008. С. 21]. Третью группу проблем можно отнести к специфике экономического и социального развития каждой из стран евразийского пространства и отсутствию единого подхода к реорганизации системы образования, а также отсутствию стратегий интеграции систем высшего образования стран ЕАЭС в единое пространство при сохранении специфики национальной идентичности [Пирогов, 2008. С. 20].

Следует отметить, что реформы в аспекте модернизации СВО проводятся чаще всего без скрупулезного анализа их последствий и оценки тех выгод и потерь, которые они дают. Отчеты по вопросам интеграции представляют собой чаще всего перечень договоров как на государственном, так и на институциональном уровнях без представления реальных результатов их реализации, носят во многом формально-показной характер» [Аветисян, Заславская, 2016].

Сам переговорный процесс по вопросам интеграции образовательных систем стран – участниц ЕАЭС также имеет свои трудности. Налицо – недостаточная продуманность шагов в деле организации этого процесса. Изменения в составе делегаций на заседаниях совета происходят чаще, чем принимаются какие-либо решения. Как следствие, отсутствует лидер – руководитель конкретной делегации, который был бы ответственен за принятие тех или иных управленческих решений, мог и желал возглавить движение страны к единому образовательному пространству.

Не менее актуален вопрос о формировании объективных критериев для оценки эффективности проводимых реформ, которые уже были реализованы в постсоветских странах, в частности, странах-участницах ЕАЭС. Можно констатировать, что база количественных и качественных исследований, результатов мониторинга последствий тех или иных реформ в системах образования явно недостаточна для дальнейшей разработки стратегического плана развития и координации систем образования и науки в странах ЕАЭС.

Серьезные вызовы по-прежнему стоят перед сферой образования и науки с точки зрения развития и сохранения человеческого потенциала стран. Согласно данным информационно-аналитического портала Центра гуманитарных технологий за последние 15–20 лет «Переходного периода» постсоветские страны, в том числе страны, объединившиеся сегодня в рамках ЕАЕС, после резкого сокращения объемов финансирования НИР и НИОКР по отношению к ВВП так и не достигли уровня 1990 года[4]. В частности, в Армении, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане в 2011г. этот показатель составил в среднем от уровня 1990г. лишь 16–18%, в Казахстане, Узбекистане – 30–33%. Относительно лучшее положение сложилось в Азербайджане и Беларуси, где данный показатель достиг, соответственно, 40,51% и 56% от уровня 1990г. В 2012г. в рейтинге стран мира по уровню расходов на НИОКР, согласно данным ЮНЕСКО, Таджикистан занял 81-е место из 91 стран, Кыргызстан – 74-е, Казахстан – 69-е, Армения – 64-е, Беларусь – 43-е, Россия – 32-е. К примеру, в 5-ти самых передовых в этом отношении странах уровень расходов на НИОКР составляет: Израиль – 4.40%, Финляндия – 3.88%, Южная Корея – 3.74%, Швеция – 3.40%, Япония – 3.60%[5]. Повышение уровня финансирования НИР и НИОКР в рамках развития евразийского партнерства и инновационного курса экономики страны, становится чрезвычайно важным, с точки зрения удержания наиболее ценного ресурса общества – человеческого капитала.

Несмотря на то, что большинство государств, вошедших в ЕАЭС, принадлежат к списку стран с наибольшим числом специалистов с высшим образованием, тем не менее, по числу исследователей имеют слабые позиции по сравнению с ведущими странами с инновационным курсом развития. К примеру, в Армении, по данным ЮНЕСКО, число исследователей в науке, включая обслуживающий и административный персонал на тысячу занятого населения, составило в 2013г. 3.4 (в 2000г. – 4.96), в Беларуси – 6.43 (в 2000г. – 6.13), в России – 9.47 (в 2000г. – 12.22), в Казахстане – 2.57 (в 2000 – 1.95), данные по Киргизии отсутствуют. Для сравнения, в Финляндии в 2012г. это число составляло 29.11, в Дании – 29.42, во Франции – 19.42, в Германии – 14.16, в Норвегии – 24.66, в Южной Корее – 22.01[6].

Остается актуальной проблема дисбаланса между направлениями подготовки человеческих интеллектуальных ресурсов высшими образовательными учреждениями и потребностями в конкретных специалистах по экономическим секторам страны. Данная проблема углубляется и требует исследований в связи со структурными изменениями экономик стран, интегрирующихся в ЕАЭС.

В рассматриваемых странах на низком уровне находится сотрудничество вузов с реальным сектором экономики. Это является очередным доказательст-

---

[4] Центр гуманитарных технологий. Информационно-аналитический портал [Электронный ресурс]. – URL: http://gtmarket.ru/ratings/research-and-development-expenditure/info (Дата обращения: 20.11.2015г.).

[5] Там же.

[6] Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – URL: http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?queryid=61 (Дата обращения: 23.11.15).

вом несоответствия продукции рынка образовательных услуг потребностям реального сектора. Рынки образовательных услуг, как правило, не ориентированы на потребности реального сектора. Низкий показатель затрат фирм на НИОКР свидетельствует о низкой степени взаимного сотрудничества: подобные оценки показывают, что бизнес не заинтересован в заказе кадров. Частный сектор экономики не заинтересован в том, чтобы делать заказ вузовской системе и платить за подготовку необходимых кадров [Аветисян, Аветисян, 2016].

В качестве одного из возможных решений модернизации СВО в контексте их интеграции, а также одного из действенных механизмов выхода из кризиса образовательных систем стран ЕАЭС и их интеграции на евразийском пространстве, чаще всего негласно рассматривается механизм их европеизации. Иными словами, евразийская интеграция часто априори связывается с унификацией образовательных систем через европейскую интеграцию. Рассмотрим особенности этих процессов на постсоветском пространстве.

Перспективы евразийской интеграции образовательных систем постсоветских странна основе их европеизации

С одной стороны, европейская интеграция, несомненно, является платформой для объединения систем высшего образования и имеет определенные преимущества в деле интеграции образовательных систем как в рамках ЕАЭС, так и в рамках Болонского процесса. По словам В.Н. Трояна: «Если страны ЕАЭС постепенно тоже подойдут к идее Болонского процесса, то этот мост, который осуществляет Россия и который, вообще говоря, является историческим мостом между Западом и Востоком, – этот мост будет действительно создан и реализован в виде включения стран ЕАЭС в Болонский процесс. Потому что здесь много положительного. И не от хорошей жизни Европа пришла к этой Болонской декларации. Прежде всего это связано с тем, что выпускники европейских вузов оказались на рынке образовательных услуг неконкурентоспособными с американцами. Поэтому проблема конкуренции здесь была очень и очень важной» [Троян, 2016].

Болонский процесс – это глобальная система, направленная на преодоление кризиса систем высшего образования в мировом масштабе. Уже в 1967г. о кризисе заговорил Ф.Г. Кумбс на Уильямсбургской конференции ЮНЕСКО в докладе «Всемирный кризис образования». По мнению Кумбса, прогрессирующее отставание содержания образования от современного горизонта развития науки и технологии, а также его несоответствие изменившимся условиям жизни общества стали постепенно приводить к девальвации ценности высшего образования [Philip, 1968].

Процесс реорганизации высшего образования на институциональном уровне в соответствии с Болонскими принципами идет практически во всех странах ЕАЭС. Отметим, что Болонские принципы, на первый взгляд, прописаны достаточно четко и сводятся в основном к таким положениям, как введение двухуровневого образо-

вания, введение кредитной системы, контроль качества образования, расширение мобильности, обеспечение трудоустройства выпускников, обеспечение привлекательности европейской системы образования [Кислицин, 2010].

Однако недостаточная продуманность национальных доктрин образовательной системы приводит во многом к простому копированию опыта европейских стран, подражанию управленческим решениям соседних стран без учета собственной социокультурной специфики, переводу проблем в системе образования на популистский уровень без достаточного научного анализа последствий принимаемых управленческих решений.

Возникает вопрос о целесообразности прямой интеграции образовательных систем стран-участниц ЕАЭС в европейское пространство. В результате проведенных исследований был выявлен целый ряд проблем в процессах модернизации СВО стран ЕАЭС в направлении их европеизации.

Имеется определенная разнонаправленность целевых установок реформирования систем высшего образования стран ЕАЭС, а именно: с одной стороны, реформирование направлено на взаимную в рамках постсоветского пространства интеграцию, с другой – реорганизация систем высшего образования направлена на европеизацию и интеграцию местных университетов в европейскую систему высшего образования в соответствии с Болонскими принципами, и, наконец, модернизация образовательных систем имеет целью сохранение национальной специфики и местных традиций. В результате отсутствия ясно сформулированного видения национальных доктрин образования, недостатка финансирования и экономической нестабильности в рассматриваемых странах, слабости законодательной, отсутствия необходимой инфраструктуры, обеспечивающей модернизацию образования базы, возникает хаотическая ситуация с точки зрения логики принятия управленческих решений в сфере высшего образования как на национальном уровне, так и на межгосударственном уровне.

Отметим некоторые проблемы, связанные с этими процессами.

Прежде всего, сами модели европейского высшего образования не универсальны: имеются по крайней мере, две основных модели европейского высшего образования: англосаксонская «атлантическая» (или американская) модель и «континентальная» европейская модель. Вопрос внедрения той или иной модели в систему высшего образования связан с весьма болезненным вопросом структуры финансирования этих систем. В европейских странах в рамках «континентальной» модели университеты финансируются в основном из государственного бюджета, обеспечивая, в частности, бесплатное образование, как в Германии, а в рамках «англосаксонской» модели – через сложную структуру налогообложения и поощрения меценатства [Аветисян, Заславская, 2016]. В странах ЕАЭС недостаточно продуманная финансовая политика в отношении образования, низкая конкурентоспособность местных университетов и завышенная плата за образование приводит к тенденции оттока талантливых студентов за границу, без аналогичной возможности создания притока иностранных студентов в страну. Это становится особенно актуальным с уче-

том того, что страны ЕАЭС в настоящее время не могут составить достойную конкуренцию университетам европейского пространства в аспекте вложений в систему образования, коммерциализация университетов в постсоветских странах стремительно развивается. Переход на платное высшее образование повлек за собой огромные потери в сфере поддержки человеческого капитала стран ЕАЭС. Значительное количество выпускников не может получить образование соответствующего уровня из-за финансовых проблем. Как результат коммерциализации вузов наблюдается снижение престижности в обществе статуса преподавателя, который по своей функциональности начинает приравниваться к статусу продавца знаний, а значит и снижается моральное право преподавателя как агента социализации.

Аналогичная проблема актуальна и в отношении внедрения систем академических степеней: в разных европейских странах имеется своя собственная система степеней, на получение которых в разных областях знания требуется разное количество лет обучения. Общее число таких степеней в разных системах высшего образования насчитывает более нескольких десятков [Аветисян, Заславская, 2016]. Согласно Д. Малешину, «получается, что двухуровневая система практически не имеет никакого отношения к улучшению качества образования. Это сугубо геополитический проект, выступающий скорее средством в международной конкуренции в образовательной сфере. Его предназначение – предоставление естественных конкурентных преимуществ вузам, осуществляющим образовательную деятельность на английском языке» [Малешин, 2015]. В этой связи обратимся к исследованиям, оценивающим результаты реформирования на качество образования. Отметим, что количество подобных исследований весьма скудно, и, несмотря на одну из целевых установок Болонского процесса – повышение качества образования, критерии оценки качества образования весьма спорны, слабо разработаны и расплывчаты. Анализ стран мира по Индексу уровня образования (Education Index), комбинированному показателю Программы развития Организации Объединенных Наций (UNDP)[7], показывает весьма удручающую динамику для многих стран ЕАЭС. Например, Армения с 2012 по 2013гг. снизила показатель уровня образования, спустившись с 56-го на 63-е место[8], Казахстан – с 35 на 44. Напротив, Беларусь, которая формально еще не присоединилась к Болонскому процессу, поднялась в рейтинге с 52-го на 21-е место; Россия улучшила свой показатель с 49-го до 36-го места[9]. Однако в самой России оценка проводимых реформ весьма противоречива. Например, согласно экспертному опросу, проведенному Центром научной политической мысли в сентябре 2015 года среди 154 представителей различных научных отраслей, кан-

[7] Индекс измеряет достижения страны с точки зрения достигнутого уровня образования ее населения по двум основным показателям: 1. Индекс грамотности взрослого населения (2/3 веса); 2. Индекс совокупной доли учащихся, получающих начальное, среднее и высшее образования (1/3 веса). См.: URL: http://nonews.co/directory/lists/countries/education

[8] См.: URL:http://nonews.co/directory/lists/countries/education

[9] Там же.

дидатов и докторов наук, профессоров, относительно качества подготовки выпускников учебных заведений до и после присоединения России к Болонской системе, эффективность системы образования ухудшились более чем в два раза[10].

Ярким и показательным примером является опыт внедрения кальки англосаксонской модели в систему высшего образования Грузии, в результате которой была упразднена академическая степень доктора наук, и все доктора и кандидаты были приравнены к степени доктора философии (PhD), в целях уменьшения уровня централизации высшего образования была упразднена Высшая Аттестационная Комиссия, присуждающая ученые степени, и эта функция была передана Ученым Советам действующих университетов [Аветисян, Заславская, 2016]. В результате сложилась ситуация, которую охарактеризовал в своем аналитическом обзоре чл.-корр. РАН Аскольд Иванчик следующими словами: «В Грузии, однако, как и в России, существует множество университетов, научный уровень которых ниже всякой критики, и эти университеты, как и все остальные, получили право присуждать степень. Очень скоро докторская степень в Грузии полностью утратила квалификационное значение, которое должна иметь. Напротив, авторитет степеней, полученных до реформы, возрос: говоря о степени своего коллеги, грузинские ученые теперь уточняют, когда она была получена. В результате в Грузии к настоящему моменту по сути дела есть лишь один диплом, имеющий квалификационное значение, – магистерский. Докторская степень сохраняет такое значение лишь формально: она полностью дискредитирована» [Иванчик, 2015].

Более того, реформирование евразийских вузов в целях повышения рейтинга в той или иной системе, не всегда способствует повышению эффективности их работы: «игра в рейтинги» у ведущих вузов ЕАЭС, стремление занять высшую строчку в ведущих мировых рейтингах чревата потерей «собственного лица», проблема самосовершенствования становится менее актуальной, уделяется меньше внимания контролю релевантности исследований, преподаванию, обучению и другим функциям высшего образования. Согласно мнению Пола Эшвина, методология измерения рейтинга университета далека от совершенства [Эшвин, 2016]. Более того, по мнению Эшвина, «составители рейтингов часто используют такие параметры для сравнения и в таких сочетаниях, что в выигрышном положении оказываются высокостатусные учебные заведения» [Эшвин, 2016. С. 27]. Тем самым университетам из пространства ЕАЭС весьма проблемно оказаться на вершине списка по подобным рейтингам. Конечно, с одной стороны, для постсоветского образовательного пространства погоня за рейтингами, возможно, единственная возможность вписаться в «мировую лигу» высшего образования. Но, с другой «игра в рейтинги» может иметь очень серьезные негативные последствия для постсоветского образовательного пространства. Подобная «игра в рейтинги» у ведущих вузов ЕАЭС чревата потерей «собственного лица» [Аветисян, Галикян, 2016]. Ричард Милтер, анализируя основные тенденции в мировом образовательном пространстве подчеркивает: «Попытка

[10] Источник: http://rusrand.ru/docconf/obrazovanie-kachestvennoe-ili-zlokachestvennoe

клонировать определенные процессы или структуры, которые используются лучшими университетами не является лучшим подходом к созданию настоящей предпринимательской культуры. На самом деле, чем больше времени и энергии тратится на то, чтобы играть по правилам, тем меньше университет может выработать новые подходы к соревновательной дифференциации» [Milter, 2015]. Одним из проявлений указанных тенденций является тенденция унификации списка «модных» дисциплин, рассчитанных на привлечение большего количества студентов, особенно в области бизнеса и менеджмента, который старается включить в свои учебные планы всякий университет, старающийся не отставать от модных сейчас трендов, безотносительно от реальных нужд и направленности университета.

В этой связи изобилие образовательных методов, технологий и целевых установок на постоянную их изменчивость и модернизацию вовсе не гарантирует качество профессиональной подготовки студента современного вуза; возникает противоречивая ситуация, связанная с «внутренним конфликтом институтов инновации и образования, поскольку институт образования по сути своей консервативен. Чтобы транслировать знание, необходимо достичь его определенной устойчивости» [Заславская, 2015]. В этом контексте примечательно мнение проф. А.М. Новикова, который считает, что «система образования по своей природе консервативна. Она не может и не должна «шарахаться» из стороны в сторону в зависимости от политической, экономической и т.п. конъюнктуры» [Новиков, 2011, стр. 151]. По мнению ученого, любые нововведения в процессе образования необходимо тщательно подготавливать, выверять и проводить согласно требованиям научного эксперимента [Новиков, 2011. С. 152]. А.М. Новиков считает, что «инновации должны быть продуманными, выверенными, научно обоснованными. А то, что мы имеем сегодня – это лишь мода, «трескотня» по поводу «инноваций», что ведет не к созиданию, а к разрушению» [Новиков, 2011. С. 157]. И действительно, «отсутствие тщательно продуманного понимания вектора трансформаций системы высшего образования ведет не к созданию собственной модели, а к разрушению старой устоявшейся модели со своими плюсами и минусами и созданию некого подобия модели образовательной системы, часто просто копирующую процедурные, формальные аспекты действующих моделей в других странах и акцентированию количественных показателей в деле реорганизации высшего образования» [Заславская, 2015. С. 27].

Резюмируя проведенный анализ основных проблем и трудностей, всех аргументов «за» и «против» в деле интеграции СВО стран-участниц ЕАЭС, можем сделать следующие выводы.

Необходимые направления реформирования в деле создания ЕВОП в рамках ЕАЭС

В результате проведенных исследований можно выделить следующие предложения в деле создания ЕВОП стран ЕАЭС.

1. *Основные векторы сотрудничества*

– Для построения реального экономического сообщества государств-членов ЕАЭС создание единого образовательного пространства является необходимостью. Сегодня образовательные системы, действующие на территориях Евразийского сообщества, несмотря на множество объединяющих их факторов, имеют немало и различий. Различия касаются, как принципов учреждения и организации работы учебных заведений, так и содержания образования. И поэтому необходимо формирование единых государственных образовательных стандартов и образовательных программ, а также требуется разработать соответствующее нормативное правовое обеспечение для гармонизации законодательств, что позволит эффективно использовать экономический и интеллектуальный потенциал государств для повышения уровня жизни народов.

– При гармонизации законодательств необходимо не просто сблизить законодательства пяти государств между собой, а вывести его на международный стандарт, имплементировать через Основы законодательства международные нормы и принципы, с тем чтобы последующие специальные законы были приведены в соответствие с Основами. Это значит, что международные стандарты и принципы подзаконного уровня будут имплементированы в национальную правовую систему, однако с приоритетным учетом регионального развития [Кубасова, 2004, стр. 43–47].

– Для того, чтобы образовательные системы стран ЕАЭС смогли согласовывать свои национальные интересы не только с принципами и критериями Евразийского научно-образовательного пространства, но и с другими образовательными пространствами, в которых они находятся, необходимо разработать формат межрегионального сотрудничества: конкретизировать цели и задачи, которые стоят перед созданием нового образовательного пространства, в целях согласования национальных интересов стран-участниц ЕАЭС не только в масштабе данной организации, но и в масштабе других образовательных пространств, в частности, в контексте единой классификационной таблицы уровней и ступеней образования в соответствии с международной стандартизацией и классификацией образования ЮНЕСКО.

– Интеграция стран ЕАЭС в сфере высшего образования должна, прежде всего, помочь им в создании образовательного рынка, который еще не сложился, и, следовательно, налаживание тесного продуманного сотрудничества между странами уже становится насущной необходимостью. Особенности каждого университета, его преимущества и недостатки, и главное – конкурентоспособность, становятся четко обозначенными приоритетами именно в контексте рынка. Касательно евразийского образовательного пространства сотрудничество по налаживанию образовательного рынка возможно если участники: во-первых, не удовлетворены нынешним положением вещей, во-вторых, имеют желание и возможность учиться, и, в-третьих, и это особенно важно, готовы к сотрудничеству через включение в международные сетевые профессиональные сообщества, с обязательным учетом того, что выбранные партнеры заинтересованы в опыте друг друга и готовы к открытому обмену инфор-

мацией и ресурсами, даже если информация негативного характера [Аветисян, Галикян, 2016].

– Учитывая специфику СВО стран-участниц ЕАЭС, целесообразно стимулировать интеграцию образовательных систем евразийского пространства не в направлении унификации образовательных услуг, а наоборот, *диверсификации* предметных областей образовательной сферы, которые должны коррелировать с основными нуждами рынка труда в конкретном регионе, отражать социально-культурную специфику региональной образовательной системы и представлять экономический интерес как для конкретного региона, так и в перспективе всего объединения в целом.

– Сегодня все постсоветские страны, в частности страны ЕАЭС, с идеей формирования единого образовательного пространства должны особое, можно даже сказать основное внимание уделить решению вопроса повышения конкурентоспособности как отдельных образовательных систем, так и всего объединения в целом. Поэтому Евразийское научно-образовательное пространство должно реально соответствовать задачам экономической интеграции и реальным потребностям общего рынка товаров, услуг и капитала региона. С учетом особенностей миграционных процессов в рамках ЕАЭС необходимо, чтобы векторы модернизации СВО обеспечивали реальное отражение в развитии общего рынка труда и упорядочении проблемы движения кадров в процессах трудовой миграции.

– В контексте проблемы рейтингов высших учебных заведений необходимо выработать совместную политику по отношению к проблемам международного рейтингования университетов с целью выработки приоритетных направлений трансформации образовательного пространства стран ЕАЭС с учетом как возможностей стран – участниц, результатов и достижений уже реализованных трансформаций, так и стимулирования перспективного развития университетов в едином образовательном пространстве.

2. *Организационный аспект*

Исходя из анализа результатов проведенных исследований можно заключить, что имеется целый ряд проблем в организационном аспекте интеграционных процессов.

– Во-первых, назрела необходимость создания Координационного Центра для реализации дальнейших шагов в направлении создания евразийского образовательного пространства на основе сетевой структуры, а не иерархической модели «центр-периферия». Для этого целесообразно, чтобы Центр функционировал, как представительство всех стран евразийского пространства на паритетной основе.

– Во-вторых, необходимо создание международной исследовательской группы по вопросам образования, целью которой будет исследование и предложение конкретных шагов по реорганизации образовательных систем в направлении их интеграции для каждой страны или региона евразийского пространства, оценка возможных рисков от их реализации и прогнозирование дальнейшего развития интеграционных образовательных процессов на евразийском пространстве.

Более того, следует стимулировать создание объединений профессионалов из 3-х социальных подсистем (наука и образование, экономика и финансы, органы государственного регулирования) в Ассоциации в рамках Евразийской интеграции образовательных систем. Одной из функций подобных Ассоциаций может быть обеспечение взаимодействия указанных сфер общества в деле регулирования дисбаланса физического и интеллектуального человеческого капитала путем перемещения людей между различными сферами деятельности, а также поиск механизмов стимулирования благотворительного и иного инвестирования в экономику и образование. Предполагается тесное сотрудничество в рамках подобных Ассоциаций между профессионалами и специалистами из сферы образования с производителями, потребителями и занимающимися торговлей и иной экономической деятельностью как в региональном измерении, таки в масштабах отдельных республик. Подобные ассоциации могут регулировать образовательный процесс исходя из настоящего и будущего запроса экономической жизни, одновременно привлекая инвесторов и сближая образование с практикой.

– В-третьих, несмотря на то, что в странах-членах ЕАЭС продолжается реформирование образовательных систем с учетом факта неоспоримого и преимущественного влияния качества образования на качество жизни населения страны, и скорость изменений, происходящих в системах образования стран-партнеров, весьма высока, необходимо создание структур, ответственных за мониторинг результатов реформирования. Создание подобных структур тем более необходимо, принимая во внимание проблему неравных возможностей в сфере высшего образования в странах ЕАЭС, а также учитывая тот факт, что в режим трансформирования переходит не вся система образования какой-либо страны в целом, а только отдельные ее подсистемы. Необходима разработка методологических и методических основ мониторинга модернизации СВО с точки зрения успешной интеграции в ЕВОП.

Особенности потенциала СВО Армении в контексте создания ЕВОП

Армения, как и большинство стран мира, взяла курс на создание и развитие наукоемкой экономики, так называемой «экономики знаний», основу которой и составляет система высшего образования [Саргсян, 2015]. Это особенно важно для таких стран, как Армения отличающихся ограниченным ресурсным потенциалом и неблагоприятным геополитическим расположением [Аветисян, Аветисян, 2016].

С точки зрения *внутристрановых* перспектив членство Армении в ЕАЭС открывает перед рынком образовательных услуг новые возможности. Наиболее очевидным благоприятным последствием является расширение возможностей с точки зрения доступа к более емким рынкам. Одним из перспективных для Армении направлений является стимулирование дальнейшей интеграции образовательного пространства стран ЕАЭС с выходом страны на общий рынок труда через разработку и внедрение совместных образовательных программ.

Вместе с тем, определение конкурентных преимуществ Армении позволяет

выявить новые перспективы развития взаимных торгово-экономических отношений на *региональном* уровне.

Будучи страной с ограниченными ресурсами, находящейся в сложной геополитической ситуации, Армения, тем не менее, обладает двумя преимуществами перед остальными странами ЕАЭС. Данные преимущества позволяют Армении выступать в качестве моста, соединяющего ЕАЭС с Европой, США и рядом других стран [Аветисян, 2013].

Во-первых, Армения как страна с большой западной диаспорой, тесно связанной со страной происхождения, представляет собой инвестиционный мост между потенциальными инвесторами – армянами диаспоры и странами евразийского экономического союза. Связано это с тем, что для представителей западной армянской диаспоры Армения в контексте интеграционных процессов представляет своеобразный инвестиционный мост между внешним миром и странами, входящими в Евразийский экономический союз, незнакомыми им с точки зрения рынка, но представляющими интерес с точки зрения его емкости. Таким образом, с точки зрения инвестиций в образование и науку также открываются новые горизонты, учитывая, что экспорт услуг, тем более – образовательных, наиболее целесообразен в условиях частичной блокады. Подобная гипотеза имеет место быть, поскольку в Армении уже сейчас функционируют образовательные проекты, не имеющие аналогов в регионе: международная школа UWC Dilijan College[11] и TUMO[12] – центр креативных технологий.

Во-вторых, Армения – единственная из стран ЕАЭС, пользующаяся выгодами режима Генеральной системы льгот (GSP+) со странами Евросоюза. При этом с 1 января 2014г. Армения перешла на новый этап улучшенного режима GSP+[13]. Это означает, что вывоз товаров армянского происхождения в страны ЕС осуществляется по льготным тарифам или на условиях беспошлинного ввоза. В свете текущих внешнеполитических тенденций этот фактор представляется довольно выгодным для стран ЕАЭС – путем перенесения производственного процесса в Армению они получают возможность доступа к европейским режимам по льготным условиям. В свою очередь, перспектива перенесения ряда производств в Армению приведет к росту производного спроса на услуги труда – то есть, на соответствующие образовательные услуги. Решением, способствующим дальнейшей интеграции образовательного пространства стран ЕАЭС с выходом на общий рынок труда в данном контексте может послужить разработка и внедрение совместных образовательных программ [Аветисян, Аветисян, 2016].

[11] См.: http://www.uwcdilijan.org/

[12] См.: https://www.tumo.org/

[13] См.: Delegation of the European Union to Armenia, http://eeas.europa.eu/delegations/armenia/eu_armenia/trade_relation/pref_reg_gsp/index_en.htm

В-третьих, одним из важных конкурентных преимуществ Армении является ее исторически сложившееся еще со времен СССР лидирующее положение в сфере компьютерных технологий[14].

После приобретения независимости страна сохранила свои традиции в данной отрасли и стала специализироваться в программном обеспечении, аутсорсинге и IT услугах. Конкурентными преимуществами Армении в данной области являются:

i исследования мирового уровня в сфере информатики, физики и математики;

ii высококонкурентная стоимость рабочей силы и низкие эксплуатационные расходы в вышеуказанных сферах;

iii содействие армянских общин Европы и Северной Америки;

iv опыт работы с межнациональными корпорациями (значительная часть спонсирования осуществляется такими известными фирмами, как Synopsys, National Instruments, MentorGraphics и VMware)[15].

Одним из импульсов к развитию цифровой индустрии стало открытие частных местных фирм, таких как PicsArt и Inlight[16]. По оценкам многих экспертов, Армения располагает всеми необходимыми данными для приобретения высокого статуса в мире информационных технологий [Grigorian, 2014], включая, в частности, и азиатский регион, благодаря таким проектам, как Enterprise Incubator Foundation (EIF), одного из крупнейших региональных технологических бизнес инкубаторов и консалтинговых компаний, и проекта EastInvest по упрощению региональных инвестиций и торговли в рамках европейской инициативы Восточного партнерства [Аветисян, Аветисян, 2016]. Вместе с тем, необходимо отметить, что существенной проблемой для развития отрасли остается нехватка квалифицированных кадров, и с этой точки зрения создание ЕВОП в рамках ЕАЭС может способствовать решению как внутренних проблем образовательного рынка Армении, так и стимулирования развития Евразийского единого рынка образовательных услуг, которые в перспективе могут стать конкурентными как на региональном, так и мировом уровнях.

Резюмируя вышеприведенный анализ, можно заключить, что создание ЕВОП в рамках ЕАЭС – уже становится насущной необходимостью в деле стимулирования развития региональных процессов в аспекте перспективы включения в мировые процессы в качестве полноправных партнеров. Анализ особенностей образовательного рынка Армении как одной из стран-участниц ЕАЭС показал, что грамотный учет специфики каждого отдельного рынка образовательных услуг интегрирующихся стран способен решить целый ряд как внутристрановых проблем, так и способность вывести интеграционные процессы и в экономике, и в политике, и в образовании на новый уровень решения региональных проблем.

---

[14] Enterprise Incubator Foundation. 2009. “ARMENIAN INFORMATION TECHNOLOGY SECTOR SOFTWARE AND SERVICES.”Industry Report: 11.

[15] См. там же.

[16] См. там же.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аветисян А.Г.* Роль качественного образования в процессе развития экономики Армении // Проблемы современного образования: материалы IV научно-практической конференции 10–11 сентября 2013г. Прага. Издательский центр «Социосфера», 2013. 192 с., СС.13–16, ISBN: 978-80-87786-56-7.
2. *Аветисян П.С., Аветисян А.Г.* Рынок образовательных услуг в РА: современное состояние и перспективы развития в контексте интеграционных тенденций/ «Экономика и управление: научно-практический журнал» № 3/2016. Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. С. 66.
3. *Аветисян П.С., Галикян Г.Э.* Особенности институциональных изменений в высшем образовании в контексте интеграционных процессов (на примере постсоветских стран)» / “Alma Mater”, № 6, 2016г. СС. 13–17.
4. *Аветисян П.С., Геворкян Н.М.* Человеческий капитал – ключевой фактор развития евразийских интеграционных процессов» // «Экономика и управление», СПб, 2016.
5. *Аветисян П.С., Заславская М.И., Галикян Г.Э.* О некоторых п-роблемах реформирования сферы высшего образования в странах постсоветского пространства в свете евразийской интеграции» / Сборник совместных научных трудов СпбУУиЭ и ЕГУ, 2016.
6. *Аветисян П.С., Мовсисян М.* Осмысление становления и перспективы развития евразийского научно-образовательного пространства в контексте мировых интеграционных процессов» // «Научный потенциал», 2015, 3(20). СС. 3–9.
7. *Вишневский М.И.* Непрерывное мировоззренческое образование как интегративная черта евразийского сообщества: от рынка к культуре // Образование через всю жизнь: становление и развитие непрерывного образования в рамках единого образовательного пространства евразийского экономического сообщества: материалы докладов участников междунар. конф., Т. 2 СП-б.: Издательский дом «Петрополис», 2004. СС. 11–15.
8. *Заславская М.И.* Особенности преподавания количественных методов в социологии // Вестник ЕГУ. Социология, экономика, № 3 (18), Ер.: ЕГУ, 2015. СС. 21–29.
9 *Иванова В.Н.,* Единое образовательное пространство – путь к реальной интеграции // Образование через всю жизнь: становление и развитие непрерывного образования в рамках единого образовательного пространства евразийского экономического сообщества: материалы докладов участников междунар. конф., Т. 2. СП-б.: Издательский дом «Петрополис», 2004. СС. 19–26.
10. *Иванчик А.И.* Реформы образования и науки в России и в Грузии: кому надо и кому не надо подражать [URL: http://archives.colta.ru/docs/14183].
11. *Каниметов Ж.К.* Создание единого образовательного пространства как элемент демократизации образования // Образование через всю жизнь: становление и развитие непрерывного образования в рамках единого образовательного пространства евразийского экономического сообщества: материалы докладов участников междунар. конф., Т. 2., СП-б.: Издательский дом «Петрополис», 2004. СС. 30–34.
12. *Кислицын К.Н.* Болонский процесс как проект для Европы и для России // «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 11, «Высшее образование для XXI века».
13. *Кубасова И.А*. Институциональные основы формирования единого образовательного пространства в рамках евразийского экономического сообщества // Образование через всю жизнь: становление и развитие непрерывного образования в рамках единого образовательного пространства евразийского экономического сообщества: материалы докладов участников междунар. конф., Т. 2., СП-б.: Издательский дом «Петрополис», 2004. СС. 43–47.

14. *Малешин Д.* Магистральное заблуждение: О кризисе юридического образования и глобальной конкуренции. Новая Газета. № 87, 14.08.2015. [URL:http://www.novayagazeta.ru/comments/69543.html].
15. *Новиков А.М.* Инновации в образовании: «за» и «против» // Инновационное образование: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 дек. 2011 г. / редкол.: С.А. Аксючиц и др. Минск: АПО, 2011. 571 с. СС. 149–158.
16. *Пирогов А.И., Краснова Г.А., Филиппов В.М.* Тенденции развития реформ высшего образования в странах СНГ. М.: РУДН, 2008.
17. *Саргсян С.А.* Высшее образование является базой для формирования ориентированного на науку общества // Армянское новостное агентство “Armenpress”, 14/05/2015. http://armenpress.am/rus/news/805357/viysshee-obrazovanie-yavlyaetsya-bazoiy-dlya-formirovaniya-orientirovannogo.html
18. *Троян В.Н.* Проблемы непрерывного образования и участие России в болонском процессе // Образование через всю жизнь: становление и развитие непрерывного образования в рамках единого образовательного пространства евразийского экономического сообщества: материалы докладов участников междунар. конф., Т. 2., СП-б.: Издательский дом «Петрополис», 2004. СС. 78–83.
19. *Эшвин П.* Может ли университетское образование изменить человека? // «Вопросы образования». 2016. № 1, СС. 21–34.
20. *Grigorian, S.* (2014). “Armenia as a Technology Hub?” The Armenian Weekly, April 22. http://armenianweekly.com/2014/04/22/armenia-technology-hub/
21. *Milter R.* (2015) The Impetus for Change: Why Entrepreneurial Universities will Transform the Future //eds. Dailey-*Hebert*A., Dennis K.S.«Transformative Perspectives and processes in Higher Education», Springer, Switzerland, P.P. 15–30.
22. *P. H. Coombs*. (1968) The World Education Crisis- a System Analyze, Oxford University Press, 241 p. PP. 56–112.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION OF THE EAEC COUNTRIES IN THE CONTEXT OF THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF UNITED EDUCATIONAL SPACE

P. Avetisian, M. Zaslavskaya, G. Galikyan

SUMMARY

In the article the authors analyzed the prospects of the formation of a higher education common area in the territory of the EAEC countries. Based on complex interdisciplinary research, the authors concluded that the formation of a common educational platform for all members of the Eurasian Economic Space countries is a need, because it contributes to the deepening of the integration process overall.

On the way to the approximation of educational systems some steps have already been implemented which was enshrined in the regulatory and legal documentation of the EAEC countries Nevertheless, there are several factors that hinder the objectives set forth by the authors. Among these factors are the followings: the difficulties of overcoming the "heritage" of the Soviet educational system, the weakness of the legal framework at both the national and international levels, the problems of education funding, as well as the lack of the integration strategies of EAEC countries higher education systems integrate to the common area by maintaining the specificity of national identity.

According to the results the authors have highlighted the needed directions in terms of content and in terms of organization of the reforms in the process of formation of Eurasian higher education area in the frame of the EAEC, for example, the need for establishing a Focal Point for the implementation of further steps towards the setting up the Eurasian educational area based on network structure rather than a hierarchical "center-periphery" model.

Analysis of features of the education market of Armenia, as one of the participants country of the EAEC, showed that the accurate records of each integrating country individual market of the educational services will get an opportunity to solve a range problems at both country and regional levels, which will be able to bring the integration processes a new level of solutions of regional problems in the economy, in the politics, in the education.

Keywords: higher education system, integration processes, EAEC countries, common educational platform.

ԵՏՄ ԵՐԿՐՆԵՐԻ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԵՐԻ ԱՐԴԻԱԿԱՆԱՑՄԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ԵՎ ՀԵՌԱՆԿԱՐՆԵՐԸ ՄԻԱՑՅԱԼ ԿՐԹԱԿԱՆ ՏԱՐԱԾՈՒԹՅԱՆ ՍՏԵՂԾՄԱՆ ԵՎ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Պ. Ավետիսյան, Մ. Զասլավսկայա, Գ. Գալիկյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է ԵՏՄ երկրների տարածքում մեկ միասնական բարձրագույն կրթության տարածքի ձևավորման հեռանկարների վերլուծությանը: Հեղինակները, հիմք ընդունելով ամբողջական միջառարկայական հետազոտությունը, եզրակացնում են, որ մեկ միասնական կրթական հարթակի ձևավորումը Եվրասիական տնտեսական տարածքի անդամ երկրների համար անհրաժեշտություն է, քանի որ այն ամբողջության մեջ վերցրած նպաստում է ինտեգրացիոն գործընթացների խորացմանը:

Կրթական համակարգերի մերձեցման ճանապարհին արդեն իրականացվել են որոշ քայլեր, որոնք ամրապնդվել են ԵՏՄ երկրների նորմատիվ իրավական փաստաթղթերում: Այնուամենայնիվ առկա են բազմաթիվ գործոններ, որոնք խանգարում են հեղինակների կողմից նշված նպատակներին: Այդ գործոնների շարքում կարելի է առանձնացնել հետևյալը. սովետական կրթական համակարգի «ժառանգության» հաղթահարման դժվարությունները, օրենսդրական հենքի թույլ լինելը, ինչպես ազգային, այնպես էլ միջպետական մակարդակի, կրթության ֆինանսավորումը, ինչպես նաև ազգային ինքնության առանձնահատկությունները պահպանելով՝ ԵՏՄ երկրների բարձրագույն կրթության համակարգերի մեկ միասնական տարածք ինտեգրվելու ռազմավարությունների բացակայությունը:

Հետազոտության արդյունքնում հեղինակները կողմից ընդգծվել են անհրաժեշտ բարեփոխումների ուղղությունները, ինչպես բովանդակային, այնպես էլ կազմակերպչական տեսանկյունից,

ԵՏՄ շրջանակներում Եվրասիական բարձրագույն կրթության տարածքի ստեղծման գործում, օրինակ՝ համակարգող կենտրոնի ստեղծման անհրաժեշտությունը, որ իրականացվեն հետագա քայլերը եվրասիական կրթական տարածքի ստեղծման ուղղությամբ ցանցային կառուցվածքի բազայի վրա, այլ ոչ թե հիերարխիկ մոդելի «կենտրոն-ծայրամաս»:

Հայաստանի՝ որպես ԵՏՄ մասնակից-երկրի կրթական շուկայի առանձնահատկությունների ուսումնասիրությունների վերլուծությունը ցույց տվեց, որ ինտեգրվող երկրներից յուրաքանչյուրի կրթական ծառայությունների շուկայի առանձնահատկությունների գրագետ հաշվառումը կլուծի մի շարք, ինչպես ներերկրային խնդիրներ, այնպես էլ հասցնել ինտեգրվող գործընթացները և տնտեսական, և քաղաքական, և կրթական դուրս բերել ռեգիոնալ խնդիրների լուծման նոր մակարդակի:

Հիմնաբառեր՝ բարձրագույն կրթության համակարգ, եվրասիական բարձրագույն կրթության տարածք, ինտեգրացիոն գործընթացների, ԵՏՄ երկրներ:

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА КАЧЕСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)

Л.А. Аветисян

АННОТАЦИЯ

Глобализация и сопровождающая ее свобода передвижения человеческих ресурсов воздействуют на высшее образование двояко. Наряду с расширением спектра предоставляемых образовательных услуг и их доступности, снижением межнациональных барьеров, повышением сопоставимости квалификаций, существует также угроза снижения качества предоставляемых услуг, миграции квалифицированных специалистов, ослабления роли государства в управлении национальной системой образования и т.п.

В унисон процессам, происходящим в сфере образования в мире, система образования Армении также находится сегодня на стадии интенсивных реформ, одной из целей которых является интернационализация высшего образования и ее интеграция в общеевропейское образовательное пространство. Образовательная миграция в Армении находится сегодня на стадии зарождения. Именно на этой стадии необходимо выявить ее роль в обеспечении качества образования и препятствия на пути ее интенсивного развития, в чем и состоит цель данного исследования.

Ключевые слова: глобализация, миграция, мобильность, образование, стипендии.

Образовательная миграция становится все более весомым видом миграционных процессов в мировом масштабе. Число студентов, обучающихся за рубежом, в 2012г. перешло за отметку 4,5 миллиона человек (см.: Рисунок 1). Уровень мобильности, при этом, остается относительно стабильным с 1980 года, а в 2012г. составил рекордные 2,4%. При анализе темпов роста количества иностранных студентов в мире и темпов роста общего количества студентов можно заметить, что с 2000 по 2012гг. первый показатель неизменно опережает второй (см.: Рисунок 2), при этом оба показателя остаются положительными на протяжении всего рассматриваемого периода (в среднем, наблюдается около 6% ежегодного прироста). Иными словами, количество студентов в мире растет с каждым годом, равно как и население планеты, однако количество студентов, обучающихся за рубежом растет еще быстрее, что говорит о предполагаемой положительной динамике показателя уровня мобильности в ближайшее время. Вместе с масштабами образовательной миграции растет ее значимость в контексте государственной политики многих стран мира.

Числовое выражение оценки качества высшего образования наилучшим образом может быть представлено в виде результатов ряда международных рейтингов университетов. О существовании взаимосвязи между показателями академической мобильности и качества образования свидетельствуют результаты рейтинга лучших университетов мира QS. В методологию расчета данного рей-

тинга включены как показатели интернационализации (иностранные студенты и преподаватели), так и показатели качества образования (академическая, или научно-исследовательская репутация, мнение работодателей, образовательная деятельность, индекс цитируемости).

Рисунок 1. Академическая мобильность в мире (1980–2012гг.)

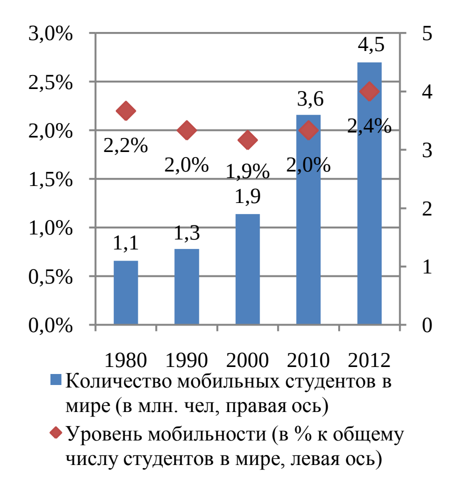
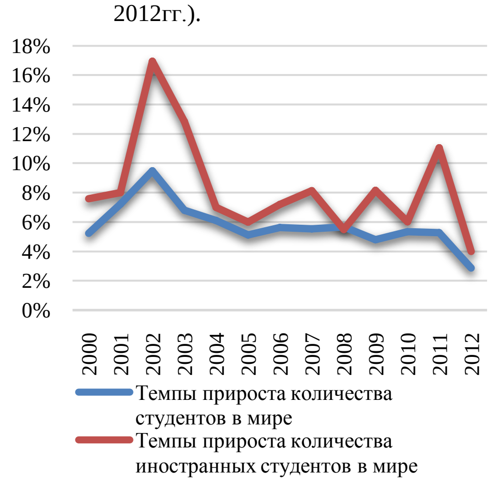

Рисунок 2. Темпы прироста общего количества студентов и количества иностранных студентов в мире (2000–2012гг.).

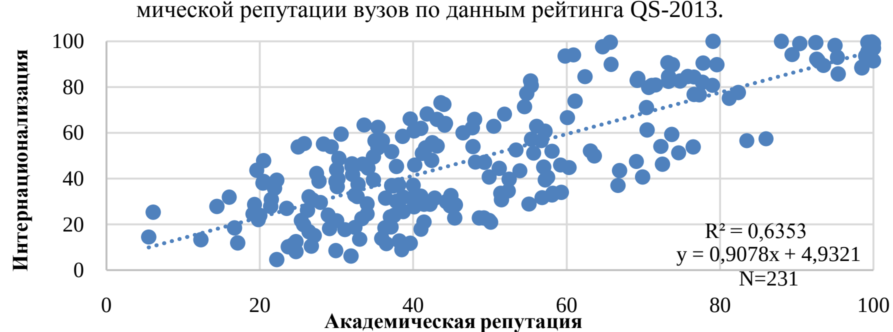

Источник: база данных ЮНЕСКО [17].

В связи с этим, целесообразным представляется сопоставление результатов по отдельным составляющим рейтинга. При этом, в качестве показателя интернационализации взят средний балл показателей иностранных студентов и иностранных преподавателей, присутствующих в рейтинге с равными весами – по 2,5%. На рисунке 3 представлена взаимосвязь между показателями интернационализации и академической репутации вузов по данным рейтинга QS за 2013г.

Как нам известно, показатель академической репутации рассчитывается по результатам ежегодного глобального экспертного опроса представителей международного академического сообщества и является одной из самых весомых составляющих рейтинга QS (40%) и, одновременно, его уникальным параметром (наряду с показателем репутации среди работодателей), отличающим данный рейтинг от всех остальных. Как мы видим, наблюдается тесная взаимосвязь между показателями. Коэффициент детерминации R^2 равен 0,6353, зависимость линейная, прямо пропорциональная.

Рисунок 3. Взаимосвязь между показателями интернационализации и академической репутации вузов по данным рейтинга QS-2013.

Источник: база данных рейтинга QS [18].

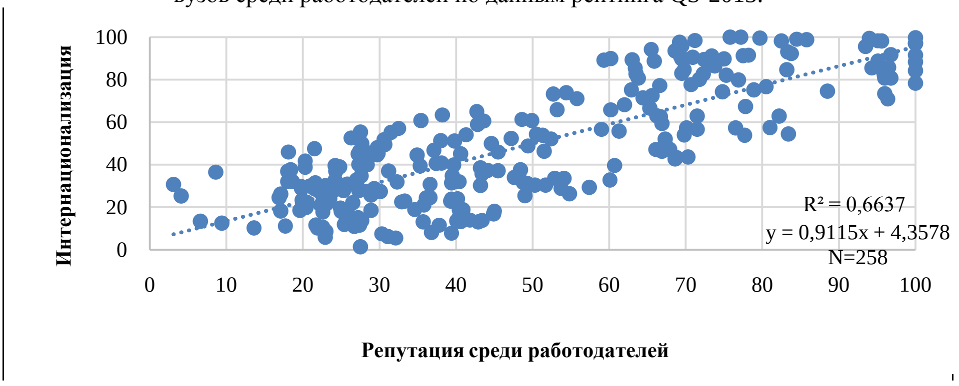
Таким образом, в вузах с наибольшей академической репутацией наблюдается наибольшее количество иностранных студентов и иностранных преподавателей.

Важным фактором при выборе вуза назначения является также репутация вуза среди работодателей и карьерный потенциал, обеспечиваемый выпускникам вуза (подробнее см. выше). Так, анализ результатов рейтинга QS за 2013г. показывает, что между показателями интернационализации и репутации вузов среди работодателей, рассчитываемый рейтинговым агентством также на основании результатов глобального опроса, существует еще более тесная взаимосвязь (см.: Рисунок 4). Коэффициент детерминации R^2 равен 0,6637.

Как известно, с математической точки зрения наличие определенной взаимосвязи в регрессии ничего не говорит о направлении выявленной связи, иными словами, судить о том, какой показатель является зависимым от другого, некорректно. Образовательная миграция является одновременно следствием качественного образования и ее причиной, как было отмечено выше. Однако ключевым аспектом, на который стоит обратить внимание в данной связи, является то, что приведенный выше анализ относится к странам назначения образовательной миграции.

Индекс интернационализации отражает количество иностранных студентов и преподавателей, обучающихся в данном вузе, но ни в одном из рейтингов не присутствуют показатели, отражающие количество студентов или преподавателей, отправленных учиться за рубеж. Если в случае со странами назначения происходит экспорт образовательных услуг, признанный сегодня одним из наиболее эффективных его статей, как было отмечено ранее, то в случае импорта образовательных услуг выгоды носят абсолютно иной характер. Что же происходит с качеством образования в вузах и, в целом, в странах, отправляющих своих студентов и преподавателей обучаться за рубеж?

Рисунок 4. Взаимосвязь между показателями интернационализации и репутации вузов среди работодателей по данным рейтинга QS-2013.

Источник: база данных рейтинга QS [14].

Для ответа на поставленный вопрос обратимся к некоторым параметрам качества образования с точки зрения отправляющего вуза и влияния академической мобильности на эти параметры:

– *образовательные программы* – синхронизация образовательных программ и признание дипломов в мировом масштабе делает выпускников более конкурентоспособными на мировом рынке труда;

– *ППС* – влияние академической мобильности на данный критерий качества образования происходит прямым образом в результате обучения, переквалификации и опыта преподавания ППС в лучших зарубежных вузах мира;

– *источники информации; материальные ресурсы* – доступ к электронным библиотекам и другим информационным платформам вузов назначения; с точки зрения самих вузов появляется необходимость совершенствования информационных систем, в частности, веб-сайтов университетов, расширения доступа и доступности информации о вузе и предлагаемых им программах академической мобильности;

– *финансы* – обмен опытом и расширение контактов с зарубежными вузами является предпосылкой к развитию международного сотрудничества и реализации совместных проектов, в том числе с привлечением финансовых ресурсов; с другой стороны, наличие совместных программ расширяет возможности вуза самому принимать иностранных студентов, что также связано с притоком дополнительных финансовых ресурсов.

В подтверждение наших рассуждений о положительном влиянии академической мобильности на качество образования вуза-отправителя свидетельствует ряд исследований как на институциональном [3, 4, 6], так и на индивидуальном уровнях [7]. Таким образом, в зависимости от того, по какую сторону от мобильности находится вуз (отправляющий или принимающий), механизмы влияния образовательной миграции на качество высшего образования и, наоборот, работают по-разному. Но во всех случаях положительная взаимосвязь имеет место: в странах с высоким уровнем образовательной миграции наблюдается высокое качество образования.

Следуя глобальным тенденциям, система образования в Армении находится на стадии интенсивных реформ, ключевым этапом которых стало присоединение страны к Болонскому процессу 19 мая 2005г. подписанием Бергенского коммюнике. С развитием форм международного сотрудничества и ростом числа международных программ, всячески поощряющих академическую мобильность, растет также вовлеченность студентов в подобные программы и формы сотрудничества. Об этом свидетельствует резко возросший уровень мобильности студентов Армении с начала нулевых до начала 10-ых годов нашего столетия. Как видно на рисунке 5, уровень мобильности возрос с 2% до 3–3,5%, опередив стабильный среднемировой показатель (см.: Рисунок 1).

Отметим, что относительное снижение количества студентов в Армении в 2011–2012гг., наблюдаемое на графике, объясняется объективными причинами. Дело в том, что в этом году в вузы поступали выпускники школ, рожденные, преимущественно, в 1993–1995гг. – в годы демографического кризиса в Армении и резкого спада рождаемости в эти годы, связанного с военными действиями в Нагорном Карабахе 1992–1994гг. и разрушительным землетрясением 1988г. Таким образом, число абитуриентов этих лет уступало числу абитуриентов предыдущих лет, однако оно было дополнено большим потоком абитуриентов, не поступивших в вузы в предыдущие годы.

Рисунок 5. Динамика числа студентов и уровня мобильности в Армении (2001–2013гг.).

4,00% 3,50% 3,00% 2,50% 2,00% 1,50% 1,00% 0,50% 0,00%
160000 140000 120000 100000 80000 60000 40000 20000 0
2001 2002 2003 2004 2005 2006 2007 2008 2009 2010 2011 2012 2013
Число студентов в Армении (правая ось, чел.)
Уровень мобильности (левая ось, %)

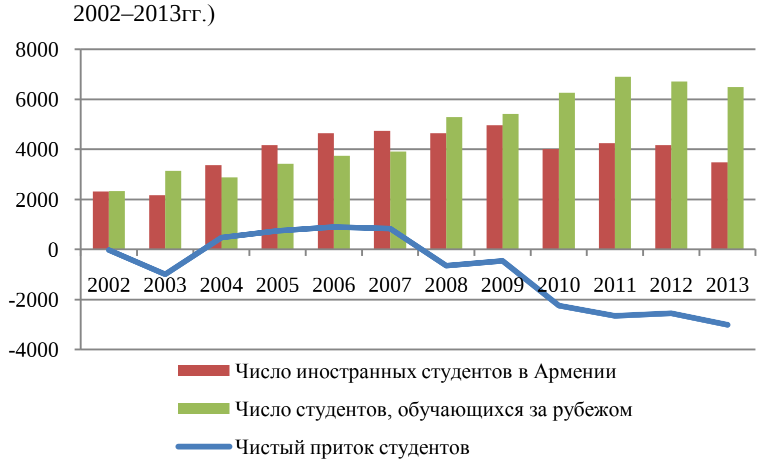
Источник: база данных ЮНЕСКО [17].

Наряду с ростом числа студентов из Армении, обучающихся за рубежом, снижается также чистая мобильность, или чистый приток студентов в Армению, рассчитываемый как разница между иностранными студентами, приехавшими обучаться в Армению, и студентами, уехавшими из Армении обучаться за рубежом.

Как видно из Рисунка 6, начиная с 2008г. показатель чистой мобильности отрицателен, и его величина продолжает расти из года в год. Так, в 2013г. чистый отток

студентов из Армении составил более 3000 чел., тогда как в 2008г. данный показатель был равен 652 чел.

Рисунок 6. Динамика чистой академической мобильности в Армении (чел., 2002–2013гг.)

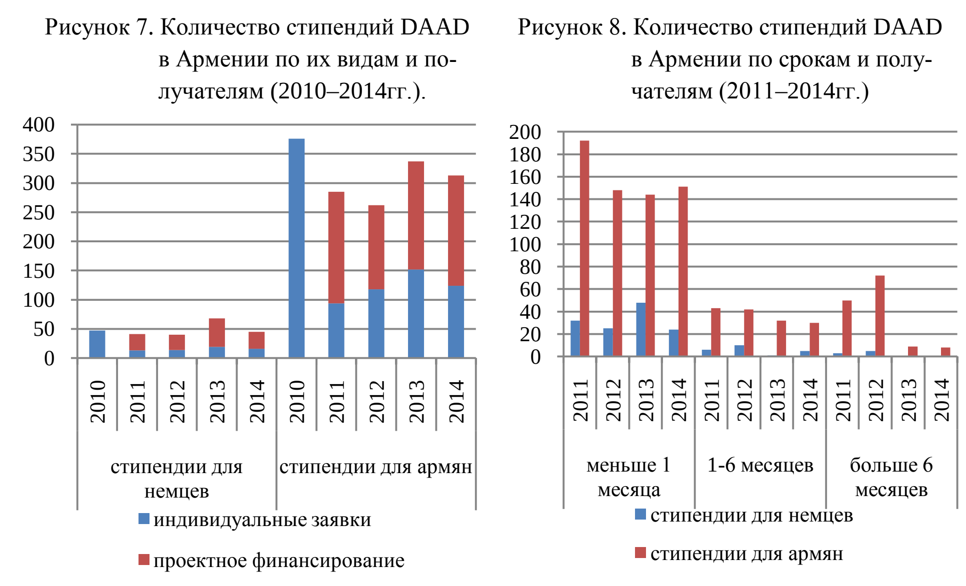
Источник: база данных ЮНЕСКО [17].

Таким образом, Армения сегодня является страной-импортером зарубежных образовательных услуг. Тенденции, изображенные на Рисунке 6, можно объяснить появлением в 2008–2009гг. ряда новых возможностей для студентов Армении обучаться за рубежом с условием возврата на родину. Среди них программы, предлагаемые Германской службой академических обменов DAAD [13], а также армянский фонд “Luys” [18], деятельность которого направлена на стимулирование обучения студентов Армении в лучших вузах мира. С 1990г. по сегодняшний день DAAD профинансировало обучение почти 3000 армян за рубежом [13]. На Рисунке 7 приведена разбивка общего количества профинансированных заявок по их видам и получателям за 2010–2014гг., а на соседнем Рисунке 8 – количество стипендий DAAD в Армении по их срокам и получателям.

Что касается программы Erasmus Mundus, здесь также наблюдается положительная динамика числа профинансированных заявок участников из Армении. Важную роль в этом сыграл существенный рост количества профинансированных проектов с участием Армении (Action 2). Так, если с 2004 по 2011гг. Армения участвовала не более, чем в одном совместном проекте с вузами ЕС, то в 2012г. было отобрано уже 9 проектов с участием Армении, а в 2013г. общее число реализуемых проектов достигло 18.

Рисунок 7. Количество стипендий DAAD в Армении по их видам и получателям (2010–2014гг.).

Рисунок 8. Количество стипендий DAAD в Армении по срокам и получателям (2011–2014гг.)

Источник: база данных DAAD [13].

Как мы видим из Рисунка 9, если на первом этапе программы (2004–2008гг.) общее число участников из Армении было 18 человек, то уже на втором этапе программы (2009–2013гг.) число выданных стипендий составило 59, причем 4 из них – стипендии для докторантуры. Однако, несмотря на положительную динамику, порядок этих цифр настолько мал, что оказывает слабое воздействие на общую картину академической мобильности в Армении. Отметим, что с 2014г. программа Erasmus Mundus, наряду с рядом других программ, финансируемых со стороны ЕК, прекратила самостоятельное существование в результате конгломерации 7 существующих отдельных программ в области образования и профессиональной подготовки молодежи в общую программу Erasmus+.

Рисунок 9. Динамика количества стипендий Erasmus Mundus, предоставленных участникам из Армени (чел., 2004–2013гг.).

Источник: база данных EACEA [12].

Значительную роль в стимулировании внешней академической мобильности в Армении сыграл фонд “Luys”, основанный в 2009г. как некоммерческая организация, призванная всячески поддерживать инициативы студентов и молодых ученых из Армении обучаться в зарубежных вузах, занимающих первые места в мировых рейтингах университетов. В качестве миссии фонд провозгласил:

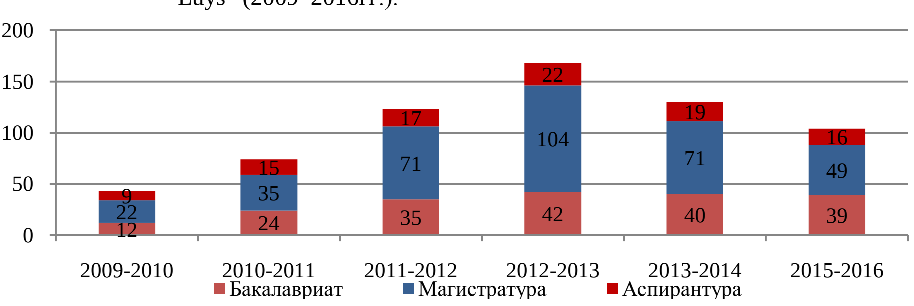
– формирование поколения креативно и критически мыслящей молодежи в Армении путем финансирования и методической поддержки их обучения в лучших вузах мира;

– разработку программ, способствующих практическому применению контактов, опыта и знаний, полученных стипендиантами “Luys”, с пользой для Армении, посредством их постоянного учета и систематизации.

Стипендианты фонда обязуются вернуться на родину после завершения обучения. Как видно из Рисунка 10, стипендиантами “Luys” становятся преимущественно студенты магистратуры. Однако в программе задействованы все три ступени высшего образования. За все 6 лет существования фонда было профинансировано обучение 642 армян в ведущих зарубежных вузах мира.

Важно отметить, что фонд ведет большую работу с армянской диаспорой по всему миру и активно финансирует также обучение армян по национальности вне зависимости от их гражданства и места проживания с условием наличия со стороны стипендианта обоснования того, что результаты обучения или проделанного исследования за рубежом будут впоследствии применены на практике с целью развития Армении. Наибольшее количество таких стипендий предоставляется гражданам США (24%), России (4%), Канады (1%), Ливана (1%), Сирии (1%) и др. армянам по национальности [18]. Главными же странами назначения стипендиантов “Luys” стали США, Великобритания, Канада, Швейцария, Россия, Австралия и т.п.

Рисунок 10. Динамика количества стипендий, предоставленных фондом “Luys” (2009–2016гг.).

Источник: база данных фонда “Luys” [25].

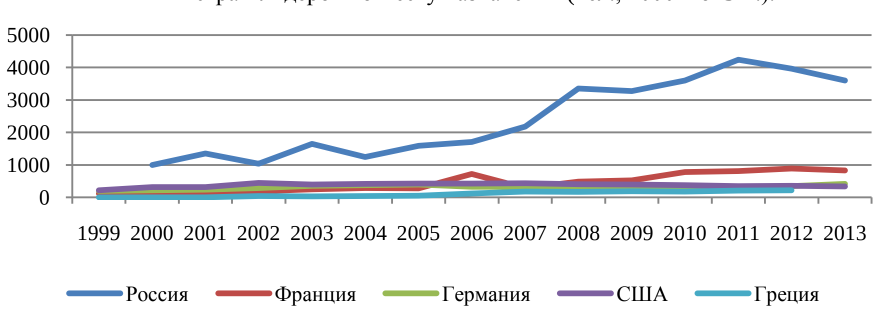
На Рисунке 11 показана динамика числа студентов, обучающихся в этих пяти странах-лидерах по приему студентов из Армении – России, Франции, США, Германии и Греции. Представленная картина отражает явную тенденцию роста удель-

ного веса России и говорит о высокой вероятности сохранения ее лидерства в ближайшие годы. Наблюдаются также возрастающие темпы прироста числа студентов, обучающихся во Франции.

Данные тенденции объясняются факторами, влияющими на выбор университета/страны назначения. Среди них, помимо качества образования и рейтинга вуза, в случае с Арменией важное место занимают величина армянской диаспоры в стране назначения, обеспечивающая наличие знакомых, а иногда и членов семьи за рубежом, географическая близость, а также языковая и культурная общность. Действительно, страны-лидеры по приему студентов из Армении являются также лидерами по общему числу армян, проживающих на территории данных стран. Большая численность армянской диаспоры несет в себе огромный нереализованный потенциал развития как для академической мобильности и развития международного сотрудничества в образовательной среде, в частности, так и для всей социально-экономической среды в Армении.

Как мы выяснили, развитие академической мобильности может стать своего рода инструментом обеспечения качества высшего образования. Несмотря на все достижения в сфере развития академической мобильности в мировой образовательной среде, остается еще множество барьеров и проблем, обусловленных, в частности, спецификой национальных образовательных систем, разногласиями в законодательстве разных стран, политическими и социальными преградами и т.п. Специфика опыта Армении заключается в том, что за отсутствием каких-либо существенных запасов природных ресурсов и весьма невыгодным геополитическим расположением, люди сегодня – самые ценные ресурсы, имеющиеся в распоряжении экономики страны.

Рисунок 11. Динамика числа студентов из Армении, обучающихся в пятерке стран-лидеров по месту назначения (чел., 2000–2013гг.).

Источник: база данных ЮНЕСКО [17].

Исходя из этого, повышение качества этих ресурсов является стратегически важной задачей для Армении, а качественное образование – необходимым условием для выполнения данной задачи. Учитывая, что культура академической мо-

бильности находится на стадии формирования, наряду с самой культурой качества образования, их развитие может оказаться взаимообусловленным.

К числу основных препятствий на пути развития академической мобильности в Армении можно отнести все 11 вышеперечисленных аспектов, характерных для стран-участниц Болонского процесса. Отдельно следует отметить отсутствие или асинхронность информации, т.к. с этим препятствием мы сталкивались сами в ходе данного исследования. Отсутствует полная систематизированная информация о всех возможностях академической мобильности, предоставляемых студентам, исследователям и преподавателям Армении, а исследователи собственно проблемы самой академической мобильности сталкиваются также с отсутствием статистической базы необходимых данных с детальной и полной информацией о мобильности в Армении. Преодоление существующих барьеров и дальнейшее стимулирование академической мобильности станет одним из ключевых факторов обеспечения качества ВПО в Армении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Education at a Glance 2014: Highlights / OECD Publishing, 2014.
2. Guidelines for Quality Provision in Cross-border Higher Education / UNESCO, Chief, Section for Reform, Innovation and Quality Assurance, Division of Higher Education. Paris, 2005.
3. Higher Education on the Move: New Developments in Global Mobility // Global Education Research Report 2. Institute of International Education, 2009.
4. International Students and Global Mobility in Higher Education. National Trends and New Directions" / International and Development Education // Edited By Rajika Bhandari and Peggy Blumenthal. 2013.
5. Realising the European Higher Education Area / Communiqué of the Conference of Ministers responsible for Higher Education,Berlin, 2003; The European Higher Education Area.
6. Student Mobility and the Internationalization of Higher Education. National Policies and Strategies from Six World Regions. Institute of International Education, 2011.
7. Grencikova A. Factors Affecting Quality of Educations. Trencin, Slovak Republic, 2008.
8. *Damme D.-V.* Internationalization and quality assurance: Towards worldwide accreditation? European Journal for Education Law and Policy/ 03-2000, V 4, Issue 1. PP. 1–20.
9. *Damme D.-V.* Quality issues in the internationalization of higher education. Higher Education/ June 2001, V 41, Issue 4, PP. 415–441.
10. *Mechtenberg L., Strausz R.* The Bologna process: how student mobility affects multi-cultural skills and educational quality. International Tax and Public Finance/ April 2008, Volume 15, Issue 2, PP. 109–130.
11. *Арутюнян Г., Косьян Н., Саргсян А.* / Состояние транснационального образования в Армении // Национальный информационный центр по признанию и мобильности, 2008.
12. Официальная страница программы ERASMUS MUNDUS: http://eacea.ec.europa.eu/erasmus_mundus/
13. Официальный сайт DAAD в Армении: http://www.daad.am/
14. Официальный сайт исследования QS World University Rankings: http://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings
15. Официальный сайт Министерства образования РА: http://www.edu.am/

16. Официальный сайт статистической службы “Statistics for all” / Lifelong Learning Program European Statistics: http://www.statisticsforall.eu/
17. Официальный сайт статистической службы UNESCO: http://www.uis.unesco.org/
18. Официальный сайт фонда «Luys»: http://www.luys.am/

THE IMPACT OF EDUCATIONAL MIGRATION ON THE QUALITY OF HIGHER EDUCATION (ON THE CASE OF ARMENIA)

L. Avetisyan

SUMMARY

Globalization and accompanying freedom of human resources’ affect the higher education ambiguously. Together with the enlargement of range of educational services and their accessibility, decrease of international barriers, improvement of comparability of qualifications, there is also a threat of reduction of provided services’ quality, migration of high-skilled specialists, reduction of the role of the government in national educational system management, etc.
Following the worldwide processes, education system in Armenia is also on the stage of intensive reforms, one of the aims of which is the internationalization of higher education and its integration into European Higher Educational Area (EHEA). Educational migration in Armenia is nowadays on the birth stage. Right on this stage it is necessary to find out its role in the quality assurance of education and obstacles on the way of its intensive development, which is the aim of the current research.
Keywords: globalization, migration, mobility, education, scholarships.

ԿՐԹԱԿԱՆ ՄԻԳՐԱՑԻԱՅԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՈՐԱԿԻ ՎՐԱ (ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ)

Լ. Ավետիսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Գլոբալիզացիան և մարդկային ռեսուսների ազատ տեղափոխումները երկկողմանի ազդեցություն ունեն բարձրագույն կրթության վրա: Կրթական ծառայությունների և նրանց հասանելիության ընդլայնման, միզազգային արգելքների նվազեցման, որակավորումների համադրելիության բարելավման հետ մեկ տեղ կա նաև ծառայությունների որակի նվազեցման, բարձր որակավորված մասնագետների արտազաղթի և ազգային կրթության համակարգի կառավարման մեջ պետության դերի նվազեցման վտանգ:
Կրթության ոլորտում համաշխարհային գործընթացներին համահունչ, Հայաստանի կրթական համակարգը նույնպես գտնվում է ինտենսիվ բարեփոխումների շրջանում, որոնց կարևորագույն նպատակներից է բարձրագույն կրթության միջազգայնացումը և նրա ինտեգրումը Եվրոպական բարձրագույն կրթության տարածաշրջան: Կրթական միգրացիան Հայաստանում այսօր գտնվում է կայացման փուլում: Հենց տվյալ փուլում էլ անհրաժեշտ է ի

հայտ բերել նրա դերը կրթության որակի ապահովվման գործընթացում, ինպես նաև այն խոչնդոտնորը, որոնք խանգարում են նրա ինտենսիվ զարգացմանը՝ ինչում և կայանում է տվյալ հետազոտության նպատակը:

Հիմնաբառեր՝ գլոբալիզացիա, միգրացիա, շարժունակություն, կրթություն, կրթաթոշակներ:

ПОЛИТОЛОГИЯ

НЕКОТОРЫЕ ПОСТУЛАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

О.Л. Саркисян

sarkishov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье постулируются тезисы, которые могут быть исходными для исследования национальной идентичности в условиях современных социально-политических и культурно-цивилизационных трансформаций. Выделяются проблемы методологического характера. Обосновывается та идея, что сохранение национальной идентичности не является самоцелью, а ее осмысление – средство для эффективного развития. Ставится проблема разработки общей стратегии и конкретных механизмов конструирования и развития единой общеармянской идентичности.

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, синтетичная идентичность, мультиидентичность, конструирование идентичности.

Проблема идентичности выдвинулась на первый план в научных исследованиях в последней четверти прошлого века и вскоре стала одной из важнейших в целом ряде социально-гуманитарных наук. Это было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, это процесс глобализации, в условиях которой стали «размываться» границы между национальным и наднациональным. В условиях современных глобализационных процессов становится необходимым переосмыслить традиционные установки и представления. Эти процессы бросают новые вызовы государствам и нациям – с одной стороны, сохранить собственное лицо, идентичность, а с другой, не изолироваться от магистральных путей развития человечества. Во-вторых, это распространение новой системы ценностей, которую иногда характеризуют как постмодернистскую. Данные ценности сверхиндивидуалистичны и призывают индивида вырваться из рамок всяких «тотализирующих» идентичностей.

Не случайно, что сразу же стали говорить о «кризисе идентичности», совершать новые рефлексии над собственным «Я» и пытаться ответить на главный

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Осмысление национальной идентичности как фактора обеспечения общественного прогресса», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016гг.

вопрос – «Кто мы?». В государствах с полиэтничным населением на первый план выдвинулись проблемы соотношения национально-этнической и гражданско-государственной идентичности. В странах и регионах, где сильна религиозная традиция, все более актуальным становится проблема соотношения этнической, гражданской и конфессиональной идентичности. В новоявленных вследствие резких геополитических изменений государствах пошел масштабный процесс конструирования собственной идентичности.

С точки зрения современных глобальных и региональных процессов, становления и развития армянской государственности, особо важным является научное описание армянской национальной идентичности, раскрытие тенденций ее развития. Важнейшей задачей является сохранение национальной идентичности армянской диаспоры, обеспечение единой идентичности всего армянства. Проблема идентичности приобретает новое значение в контексте современных региональных интеграционных проектов. И наконец, критическое осмысление собственной наличной идентичности является основой дальнейшего эффективного развития нации. *От осмысления собственной идентичности зависит понимание своего места в мире, масштабы собственных амбиций – от локальных до глобальных*.

Успех современных исследований феномена идентичности зависит, во-первых, от **концептуализации теоретико-метододологических оснований исследования**. Исследователи поняли, что проблема идентичности по своей сути *междисциплинарна*, находится на стыке исследований ряда социально-гуманитарных наук: философии, политологии, психологии, социологии, культурологии, энографии и т.д. Междисциплинарным характером исследований обусловлены некоторые трудности методологического характера. Например, это относится к языку исследований, где очевидна необходимость разработки унифицированной терминологии исследований идентичности, осмысления и кристаллизации основного понятийно-категориального аппарата.

С точки зрения теоретико-методологических основ исследования считаем важным постулирование тезиса о необходимости исследования исторического прошлого с целью выяления моделей и механизмов сохранения и развития национальной идентичности. Кроме этого, в случае армянской идентичности особо важно исследование того, как в ходе исторического развития национальная культурно-цивилизационная идентичность совмещалась с гражданско-государственной тех державных образований, в которые был включен армянский народ. С этой позиции крайне актуально понять, как происходит переход от «советской» гражданской идентичности к формированию идентичности собственного национального государства.

Важно также осознание того факта, что *национальная идентичность не есть нечто окостенелое, а находится в постоянном развитии*: либо это происходит спонтанно, стихийно, либо развитие носит программно-стратегический характер, имея целью корреляцию наличной идентичности с магистральными тенденциями развития человечества.

На фоне высокой мобильности современного общества, особенно в виде миграционных процессов, смешивания и взаимовлияния культур и цивилизаций, результатом чего является пестрая палитра идентичностей, особо актуальным становится исследование феноменов *мультиидентичности и наслоения идентичностей*.

Следующая группа выдвигаемых постулатов связана с тезисом, что **осмысление и развитие идентичности является условием эффективного развития.** С этой позиции особо значимо ясное и четкое осознание того, что *сохранение национальной идентичности не есть самоцель*. Абсолютизация наличной идентичности и стремление сохранить ее во что бы то ни стало есть начало стагнации, замыкания в себе, отстранения от передовых путей интенсивного развития. *Осмысление идентичности является условием, средством для эффективного развития индивида и общества, нации и государства.*

Осознание идентичности, как развивающегося феномена, предполагает рассмотрение моделей и механизмов этого развития. С этой точки зрения особо важна четкая *демаркация искусственного конструирования и стратегического развития идентичности*, что предполагает сравнительный анализ процесса развития (конструирования) идентичности у разных народов. В этом контексте целесообразно *рассмотрение национальной идентичности сквозь призму концепции стратегической культуры*, так как развитие и конструирование идентичности есть составляющая стратегической культуры национальных элит, а сама эта культура, в свою очередь, есть выражение осознания собственной идентичности, его материализация.

В контексте выдвинутого тезиса важное значение приобретает исследование проявления специфики национальной идентичности в разных сферах общественной жизнедеятельности (экономика, политика, социальные отношения, духовная сфера), осмысление тех черт идентичности, которые способствуют развитию, и тех, которые тормозят его.

Чтобы выявить те черты национальной идентичности, которые могут стать условием и основой прогрессивного развития, необходим всесторонний анализ исторического материала. Такой анализ в случае армянской нации позволяет выявить главную особенность, специфику армянской национальной идентичности – ее *синтетичный характер*. Под данным термином мы понимамем уникальную способность воспринимать внешние цивилизационные и культурные воздействия, не механически, а органично их впитывать, не теряя собственной самобытности, обогащать собственную идентичность.

Необходимо отметить также, что национальную идентичность необходимо осмыслить не только с позиции эффективного развития собственного общества (направленность во внутрь), но и с позиции представления себя миру и включенности в современные процессы глобального развития (направленность вовне).

Тот факт, что большинство армянства живет вне Республики Армения, делает актуальной проблему **разработки общей стратегии и конкретных механизмов**

сохранения и развития общеармянской идентичности. Данная задача усложняется тем, что сама диаспора достаточно разношерстна: языковой аспект, гражданско-государственный, церковно-конфессиональный, культурно-цивилизационный и др. Хотя необходимо осознать, что пестрота идентичности, с одной стороны, действительно создает проблемы, связанные с сохранением единства нации, но с другой, данное многообразие может стать источником развития.

Пестрота армянской идентичности в диаспоре делает актуальным исследование соотношения и совместимости, с одной стороны, национальной (этнической) и гражданской, а с другой, национальной и конфессиональной идентичности.

В контексте сформулированной задачи первостепенное значение приобретает выявление тех ментальных символов, которые могут стать стержнем общеармянской идентичности. Мы считаем, что, наряду с другими, главным идеальным символом на современном этапе развития армянства должна быть идея армянской государственности. Без осознания этого армянство как «культурная нация» с тысячелетними традициями не может претендовать также на статус «политической нации».

Наконец, последняя группа постулируемых идей связана с осмыслением **национальной идентичности в контексте современных глобализационных и интеграционных процессов.** Это, в первую очередь, предполагает исследование различных сторон и тенденций современных глобальных и региональных трансформаций и их влияния на национальную идентичность. С позиции тех интеграционных процессов, в которые включена Республика Армения, особое значение приобретает изучение проблем национальной идентичности в рамках становления евразийского интеграционного проекта. Необходимо исследование, направленное на выявление пласта общей идентичности народов, включенных в данный интеграционный проект, и разработка стратегии развития трансрегиональной идентичности.

В данном контексте, по нашему мнению, снова актуально осмысление армянского историко-культурного наследия как фактора сохранения национальной идентичности в контексте современных глобализационных и и нтеграционных процессов. На основе исследования исторических интеграционных и глобальных «проектов» (ахеменидский, эллинистический, христианский и др.), в которые был включен армянский народ, можно выявить ту модель развития армянской идентичности, которая позволяла сам глобализирующий элемент превратить в источник собственного развития, а не замыкаться в себе, выживать через автаркию. Данную особенность армянской идентичности выше мы назвали «синтетичной идентичностью».

Исходя из синтетичной сути армянской идентичности, необходимо сместить акцент исторических исследований – показать роль и значение армянского фактора в глобальных культурных, цивилизационных, политических проектах. Тем самым отказаться от ущербного видения истории армянского народа как постоянного выживания, акцентируя аспект цивилизационного созидания.

Наконец, считаем необходимым также исследование взаимосвязи национальной идентичности и национальной безопасности в условиях современного «мирового беспорядка».

Таким образом, исследование национальной идентичности на современном этапе требует трехступенчатой реализации: 1. Осмыслить армянскую идентичность: исторические основания и современное состояние – как залог преемственного развития; 2. Раскрыть механизмы сохранения того стержня идентичности, которое гармонично будет сочетать традиционные исторические основания и тенденции глобального цивилизационного развития; 3. Указать тенденции стратегического развития национальной идентичности, направленные на идеал гармоничного развития индивида и общества, нации и государства.

SOME POSTULATES TO INVESTAGITION OF NATIONAL IDENTITY UNDER THE CONTEXT OF MODERN SOCIAL-POLITICAL AND CULTURAL-CIVILIZATIONAL TRANSFORMATIONS

H. Sargsyan

SUMMARY

The article postulates the ideas which can be original to investigation of national identity under the conditions of modern socio-political and cultural-civilizational transformations. The work defines the problems which have methodological character. It underpins the idea that the perseverance of national identity should not be only for its own sake, whereas the comprehension of the latter is a mean for effective development. The article addresses the problem of elaborating a general strategy and concrete mechanisms of constructing and developing a single all-Armenian identity.

Keywords: identity, national identity, synthetic identity, multi-identity, constructive identity

ԱՐԴԻ ՍՈՑԻԱԼ-ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԵՎ ՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ-ՔԱՂԱՔԱԿՐԹԱԿԱՆ ՁևԱՓՈԽՈՒՄՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ ԱԶԳԱՅԻՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇ ԿԱՆԽԱԴՐՈՒՅԹՆԵՐ

Հ.Լ. Սարգսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում դրույթներ են առաջադրվում, որոնք ելակետային կարող են լինել արդի սոցիալ-քաղաքական և մշակութային-քաղաքակրթական ձևափոխումների պայմաններում ազգային ինքնության ուսումնասիրության համար: Հիմնավորվում է այն գաղափարը, որ ազգային ինքնության պահպանումը ինքնանպատակ չէ, իսկ նրա իմաստավորումը՝ միջոց արդյունավետ զարգացման համար: Ձևակերպվում է միասնական համահայկական ինքնության զարգացման ընդհանուր ռազմավարության և կոնկրետ մեխանիզմների մշակման հիմնախնդիրը:

Հիմնաբառեր՝ Ինքնություն, ազգային ինքնություն, համադրական ինքնություն, բազմաինքնություն, ինքնության կառուցում:

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК КАК ПЕРВООСНОВА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАЦИИ (политико-философский аспект)*

Р.А. Мирумян

Они рождаются, чтобы доказать
Что конец где-то становится началом…
Наши разделенные на части земли
Это только он вновь свел воедино
И соединил –но уже в нашей мысли.

Паруйр Севак

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье формулируется и обосновывается идея о том, что национальная письменность и основанная на ней богатая духовная культура являются предусловием исторического существования и критерием цивилизованности нации. Национальный язык является главным фактором самопознания (идентификации) нации. Создание армянской письменности явилось мощным фактором духовно-интеллектуального развития армянского народа. Такое духовное перерождение нации определяется как следствие осознания ею себя как некой органической целостности со своей историей, национальным характером, нравственным обликом, мироощущением, смысложизненными установками. На основе созданной Месропом Маштоцем национальной письменности в раннем средневековье была выстроена уникальная модель национального бытия, ставшая мощным инструментом самозащиты нации. На протяжении многих веков армянские письмена стали важнейшим символом национальной идентичности.

Ключевые слова: новый миропорядок, язык нации, национальная идентичность, национальная идеология, национальная культура, национальная письменность.

Наблюдаемые сегодня во всепланетарном масштабе тектонические цивилизационные сдвиги, сопровождающиеся разрушением старого и появлением нового миропорядка, в очередной раз актуализировали проблему самоидентификации нации. При этом, если для новоформирующихся наций (недавно приобретших политическую независимость народов) данная проблема упирается в необходимость формулировки объединяющих эти нации культурных концептов, то для имеющих долгую культурную (и некогда еще и политическую) историю наций эта проблема сводится к потребности переосмысления оснований собственной культуры. Именно в культуре отражается свойственный каждой нации

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Осмысление национальной идентичности как фактора обеспечения общественного прогресса», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016 гг.

своеобразный способ постижения Истории, а именно: определение собственных возможностей в историческом пространстве.

Идентификация есть высшая форма социализации человека, главное средство утверждения им своей внутренней, духовной связи со смыслами национальной истории и культурными ценностями нации. Человеку свойственно стремление к обеспечению целостности собственного бытия, возможное лишь через осознание истоков национальной истории и сохранение специфики своего культурного пространства. Идентификация, по существу, коррелятивна историческому (философско-историческому) сознанию нации. Историческое (философско-историческое) сознание каждой нации есть форма ее самосознания, то есть самопознания, направленного на осмысление ею собственной истории, культуры, наличного в каждую эпоху ее бытия и на основе этого – выстраивание перспективы своего существования и развития. Однако наличное бытие нации есть, собственно, ее культура, которая дает возможность определить факторы исторического развития нации. В основе культуры каждой нации лежат исторически сформированные ею некие жизненные ориентиры, тип мирочувствования, что в каждой период исторического существования нации отражает уровень ее самосознания. Культура обеспечивает необходимую для единства нации связь, что порождает историческую память народа и сохраняет ее. Система культурных ценностей нации коррелирует всему духовному строю носителей этой культуры. Формирование духовной культуры нации (от фольклора до философии и науки) коррелятивно формированию и развитию исторического сознания нации. Соответственно, исследование духовной культуры нации делает возможным обнаружение границ постепенного развертывания внутренней, духовной жизни нации, а тем самым – основы и направленности ее исторического сознания[1]. Определяющим же историческое сознание нации фактором является национальный язык.

***

Язык нации – важнейшее средство проявления ее духовного потенциала и критерий ее развития. Потеряв свой язык, нация лишается своей духовной специфики и умирает. Язык – главный фактор формирования и единства нации, предусловие создания национальной идеологии и основа сохранения национальной идентичности. Посредством национального языка создается пространство духовной культуры нации. Объясняется это тем, что язык содержит в себе мировоззрение нации, ее идеи и ценности. Национальный язык развивается главным образом посредством национальной письменности и литературы. История духовного развития и цивилизации нации непосредственно связана с процессом развития языка этой нации. Согласно утвердившейся в классической научной традиции точке зрения наличие национальной литературы и обусловленная этим степень внесенного в мировую культуру вклада – главный критерий историчности (цивилизованности) нации.

Язык и письменность являются важнейшими составляющими социального бытия нации. Национальная идея и стратегия выживания и развития нации необходимым образом предполагает определенное отношение к главному фактору ее самопознания – национальному языку. История свидетельствует о том, что древние и известные нации (в том числе и древние армяне) прилагали большие усилия к разработке, сохранению и развитию собственных национальных языков. Эти нации воспринимали национальный язык как символ нации, духовный «завет», доставшееся от предков священное наследство, в котором воплощается национальная идея – условие создания и сохранения национальной государственности. Отмеченное находит свое объяснение в мироощущении этих народов, согласно которому от природы говорящие на одном языке люди составляют один народ. Язык выражает все своеобразие мышления народа, границы и степень его духовного развития, что отличает его от других народов и придает ему собственный «облик». Поэтому лишь говорящий на собственном языке народ представляет собой отдельную нацию. Лишь нации или «языки» могут жить собственной жизнью (иметь историю) и совершать достойные памяти дела.

Подобное мироощущение проявилось и в том, что границы древних государств обозначали не только некие (постоянно изменяющиеся) административные территории, но и ареал распространения национального языка. Так, в монументальном труде «отца» армянской историографии Мовсеса Хоренаци «История Армении» написано: «… Багарат.., первый с готовностью посвятил себя (служению) Валаршаку. Кроме того (он назначается), наместником западного края (западные границы Армении – Р.М.) до тех пределов, где кончается **армянская речь,** предводителем десятков тысяч (воинов)». В «Истории Армении» встречается и следующее выражение: «А в восточном краю (восточные границы Армении – Р.М.), вдоль границ **армянской речи** (он назначает) двух наместников-десятитысячников»[2].

Формирование письменного языка делает более ощутимой роль национального языка в организации и трансформации социального пространства нации. Этим обусловлено стремление «прописанных» в истории цивилизации наций к созданию собственного письменного языка. Однако, если история утвердила ту закономерность, что создание письменного языка весьма способствовало укреплению и сохранению национальной государственности, а зачастую этот процесс был прямо поставлен на службу государственным интересам, то та же самая история утвердила для армянского народа другую – «исключительную», закономерность. Создав национальную письменность, армянский народ тем самым обеспечил свой духовный «суверенитет», благодаря чему ему удалось сохраниться в истории как нация в условиях отсутствия национальной государственности.

Каждая из отмеченных мною закономерностей основана на определенной традиции понимания понятия «нация»: современной западной и древней армянской.

1. Сложившаяся в контексте европейской просветительской философии и «апробированная» Великой Французской революцией первая (западно-европей-

ская) традиция предполагает внутреннюю связь между нацией и государственностью, государственным строем. Такой подход выражается идеологемой «Нация-Государство» (Nation-State), что, естественно, определяет политический смысл понятия «нация».

2. Берущее свое начало в Древнем мире и отшлифованное в армянской христианской традиции понятие «нация» интерпретируется как понятие этнокультурное. В базирующейся на созданной «первоучителем» армянского народа Месропом Маштоцем армянской письменности (405г.) и нашедшей свое наивысшее выражение в философско-исторической концепции Мовсеса Хоренаци армянской национальной идеологии нация определяется, в первую очередь, наличием своего богатого исторического и культурного наследия и осознанием последнего, а также общенародной заботой о судьбе национального сообщества. Это самосознание, собственно, и порождает нацию, в то время как государственность, если и отсутствует по какой-то причине, представляет для нации историческую перспективу, к реализации которой стремится коллективное сознание нации и обусловленные этим сознанием коллективные усилия последней. Начиная, как минимум, с V в. такая трактовка нации легла в основу национального самосознания армянского народа и армянской национальной идеологии.

Создание армянской письменности оказалось мощным фактором духовно-интеллектуального развития армянского народа. «Беспрецендентный расцвет литературы и науки, начавшийся непосредственно после создания Месропом Маштоцем армянского алфавита (405 г.) для многих исследователей был и остается загадкой, феноменом без исторических аналогов. Обилие произведений оригинальной и переводческой литературы данной эпохи не укладывается в обычные представления о поступательном развитии новорожденной письменности. В связи с этим некоторые исследователи даже считают оправданной постановку вопроса о существовании армянской письменности в домаштоцевскую эпоху. Однако анализ конкретных исторических условий, в которых находилась Армения в IV–V веках, и сохранившийся фактологический материал опровергает это предположение и проливает свет на ту идейно-политическую атмосферу, которая обусловила как создание алфавита, так и невиданный взлет духовной культуры в целом… В данном случае… вырисовываются контуры очень своеобразной древней культурной революции, всколыхнувшей весь духовный мир народа»[3].

Вместе с тем следует обратить внимание и на тот факт, что в духовном пространстве бытия народа подобные революции могут иметь место, если народ прошел долгий и плодотворный путь исторического, культурного и, возможно, политического развития. На протяжении всей христианской истории существования армянской нации отмеченная мною установка была стержневой в армянских идеологических концепциях (Мовсес Хоренаци – армянские национальные идеологи конца XIX – начала XX веков).

Иллюстрацией к этому может послужить, к примеру, идеологическая концепция армянского либерального мыслителя II половины XIX века Степаноса Па-

ласаняна. Определяя язык как синоним нации, мыслитель утверждает, что в соответствии с изменениями условий жизнедеятельности наций изменяются и их языки. А поскольку историю может иметь лишь то, что изменяется (совершенствуется), то лишь нации или «языки» могут иметь историю. Причем, если не имеющий отдельного языка народ не может иметь историю, то это само по себе еще не означает, что для того, чтобы иметь историю, достаточно иметь свой собственный язык. «Нет не имеющих собственного языка наций, но есть не имеющие историю народы. Историческая нация не только имеет свой собственный язык, но и может так использовать его, чтобы, во-первых, при помощи устной литературы, а затем и письменности, дойти до способности создания письменной литературы»[4]. Историческое бытие нации, таким образом, связано с письменностью. Историческая жизнь нации начинается с формирования ее самосознания, высшим проявлением которого является создаваемая на определенной ступени развития собственная письменность. Необходимые для создания армянской письменности предусловия Ст. Паласанян наблюдает в доисторическом периоде, когда армянский народ создал свой язык, мифологию, законы, обычаи и традиции – духовно-нравственные основы жизнедеятельности армянской нации: «Все элементы национальной принадлежности (определяющие ее идентичность этнокультурные факторы – Р.М.), которые присутствовали в народе до исторических времен, переходя из уст в уста, передавались последующим поколениям как некое священное наследие»[5].

И, действительно, рассматриваемая эпоха представляет собой некую демаркационную линию в почти трехтысячелетней истории армянского народа. До этой линии армянский народ прошел долгие века этнического и социально-экономического развития, формирования и расцвета мощной национальной государственности, создания и накопления богатой системы культурных ценностей. За этой линией нация переживает упадок политической жизни, ослабление и потерю национальной государственности и вместе с тем – мощный подъем самобытной национальной культуры, обусловленный созданием самобытной системы письма, и быстрое распространение ее цивилизующего влияния на соседние страны. Такой духовный подъем, воистину мощное духовное возрождение, точнее сказать – «перерождение», является следствием осознания армянским народом себя как некой органической целостности со своей исторической судьбой, специфическим национальным характером и нравственным обликом, мироощущением и миропониманием, памятью о подвигах и деяниях своих лучших представителей, своим неизменным отношением к собственному жизненному укладу.

Восшествие на персидский престол династии Сасанидов (227 г.) ознаменовалось возрождением древнеиранского зороастризма, сопровождавшимся активным искоренением эллинистических традиций как в Иране, так и в Армении. Усиливающееся противоборство соседних могущественных держав региона – Ирана и Римской империи, отражающееся и на их политике в отношении стратегически важной для них Армении, поставило под вопрос не только сохранение целостности Армянского государства, но и само существование национальной государственности.

Ответом на подобный вызов эпохи оказалось принятие армянским царем Трдатом III Великим в 301 г. христианства в качестве государственной религии Армении. Армения оказалась первым в истории христианским государством, хотя христианство в ней не было широко распространено и тем более еще не было организационно оформлено. Тем не менее христианизация Армении не только обеспечила духовный и идеологический «суверенитет» армянского народа, но и предопределила ее историческую судьбу.

В 387 г. государство Великая Армения было разделено между Сасанидским Ираном и Восточно-Римской империей. Через два года, после смерти царя Аршака III, царство в Западной (римской части) Армении было упразднено. В восточной же (иранской части) Армении царство номинально просуществовало до 428 года, когда, использовав существующие между армянскими нахарарами разногласия, персы превратили страну Армению в одно из своих марзпанств. Этим объясняется переориентация армянской духовной и светской элиты с проблемы укрепления «центральной царской власти и сохранения государственного суверенитета на проблему национальной самозащиты, сохранения самобытности национального бытия, остатков государственности...»[6]. Решение этой задачи выпало на долю Армянской Апостольской церкви.

Идеологическая система христианства, несмотря на столетнее существование в Армении в качестве государственной религии, не стала мощной идеологической силой и, по сути, не превратилась в общенациональную религию. Причина видится в том, что богослужение в Армянских церквах велось не на родном языке, а на принятых Армянской церковью, но непонятных народу греческом и сирийском языках. Эта ситуация способствовала проникновению в Армению чужеродного духовенства – проводника чуждых политических влияний. Лишь незначительная часть армянского народа, владеющая греческим и сирийским языками, осознавала сущность христианской религии. С другой стороны, Византия и Иран активно проводили политику идейной и религиозной ассимиляции, проявляющейся, в том числе, и в сфере языковой политики. В персидской части Армении был запрещен греческий язык – официальный язык Армянской Апостольской церкви, образовательной системы и т.д., а в византийской части – сирийский и персидский. Таким образом, эти державы через языковую политику решали актуальные для них вопросы идейно-политического характера.

«Арменизация» христианства, что в современном богословии выражается термином «христианская инкультурация» (inculturation), была осуществлена в V в. благодаря созданному Месропом Маштоцем армянскому алфавиту и борьбе армянского народа против проводимой соседними державами политики культурной ассимиляции. По свидетельству Корюна – ученика Месропа Маштоца и автора первой книги на армянском языке, в которой изложена биография создателя армянской письменности и история создания армянского алфавита, вардапет Маштоц создал армянские письмена главным образом с целью проповедования христианства[7]. В своей «Истории Армении» Мовсес Хоренаци подчеркивает

политическую причину создания армянской письменности: «Месроп, воспитанный и получивший образование при Нерсесе Великом (около 329–373, Католикос Армян с 353 – Р.М.) видя, что Армянскому царству наступил конец, воспринял бедствие как испытание своему терпению... Однако во время своего проповедничества блаженный Месроп испытывал немало трудностей, ибо он был одновременно и чтецом, и переводчиком. Если же читал кто-либо другой, а его при этом не было, то народ ничего не понимал за отсутствием переводчика. Поэтому он замыслил изобрести письмена для армянского языка и, всецело отдавшись этому делу, тяжко трудился, перебирая разные способы»[8]. По существу, и Корюн, и Мовсес Хоренаци акцентировали внимание на две составляющие проводимой армянскими политическими деятелями и духовной элитой того периода национальной политики. Суть же последней сводилась к следующему: укрепление позиции Армянской Апостольской церкви и проповедуемого ею христианского вероучения, обеспечение духовного заслона на пути идеологической и религиозной экспансии Ирана и притязаний «спонсируемой» им сироязычной церкви, придание Армянской церкви национального характера – условия проведения самостоятельной церковной политики.

Открытие Месропа Маштоца явилось выражением осознания армянством триединства религии, языка и национальной идентичности. В средневековой Армении христианство стало символом национального единства, что побуждало персидский двор периодически предпринимать попытки приобщения армян к зороастризму. И не случайно, что всенародная борьба против иранского владычества протекала в форме религиозной войны. На созванном в Арташате Всеармянском церковном соборе (449 г.), на котором присутствовали высшее духовенство и знать, армяне отказались принять зороастризм. Борьба против зороастризма и вообще против иранского культурного засилья продолжалась около 70 лет. Значительный вклад в эту борьбу привнес сподвижник Месропа Маштоца, один из наиболее активных членов «школы переводчиков» Езник Кохбаци (около 380–450 гг.). Принято считать, что после смерти своего учителя (440 г.) Езник Кохбаци в течение десятилетия был «главным» идеологом нации. Дошедшее до нас произведение Езника Кохбаци «Опровержение лжеучений» («Եղծ աղանդոց»), завершенное накануне войны 451 года, явилось продолжением идейной борьбы против враждебных христианству религиозно-философских учений. Кроме того, Езнику Кохбаци принадлежит также «Ответ персам», официально направленный в 449 году Арташатским собором в ответ на эдикт Михрнерсеха, в котором от имени персидского двора и царя Иездигера от армян требовалось отказаться от христианства и принять маздеизм. Этот ответ сохранился лишь в «Истории» Егише. Мамиконяны и Гевондяны – наследственные спарапеты (главнокомандующие) Армении – с оружием в руках сражались против персидской тирании и в Аварайрской битве (26 мая 451 г.) пожертвовали своей жизнью во имя Иисуса и Родины. В формировании исторической памяти армянской нации Аварайрская битва и предшествовавшие ей события сыграли огромную

роль. В течение многих веков «война варданидов» воспринималась как центральное событие национальной истории. Не случайно, что посвященное этому восстанию сочинение армянского историка V века Егише («О Вардане и войне армянской») занимает особое место среди памятников древнеармянской литературы.

После Аварайрского сражения армянский народ под предводительством Мамиконянов еще 33 года вел партизанскую войну против персов. Лишь в 484 году, в период царствования Валахша, Сасанидский Иран Нварсакским (Гер гавар) договором признал свободу совести и религии армян.

В 553–555 годах, когда II Двинский собор опроверг принятую Халкедонским Вселенским собором резолюцию, Армянской Апостольской церкви удалось освободиться и от угнетающей византийской политики, окончательно «национализировалась» и превратилась в хранителя армянских искусств, культуры и национальной идентичности. Таким образом, для «армянства христианство стало мировоззрением, цивилизацией и искусством жизни»[9].

Армянские письмена явились той матрицей, на которой в V–VI веках была построена уникальная духовная модель национального бытия, ставшая мощным инструментом самозащиты нации на протяжении всех последующих веков существования армянского народа как народа христианского. Тремя важнейшими составляющими этой модели являются национальная письменность и литература, сплетенные с Армянской Апостольской церковью.

Создание армянского алфавита оказало большое влияние на всю дальнейшую историческую судьбу нации. «Изобретение месроповских букв составляет новую эпоху в летописях армянской нации: с него начинается то удивительное движение, которое распространяется не только на V век, но и на последующие века и которое своим величием достойно более счастливых времен»[10]. Будучи следствием высокого развития самосознания нации, создание армянской письменности существенным образом способствовало распространению в Армении христианства и основанию монастырей, началу национального просвещения и возникновению богатой национальной литературы, тем самым сформировав мощную духовную структуру самозащиты нации. Примечателен тот факт, что процесс духовного развития армянского народа в этот период был непосредственно связан с христианской религией. При этом направленность влияния последнего была коррелятивна духовному строю нации, что, в сущности, и сделало возможным создание национальной (христианской) духовной культуры. Этот процесс был, в первую очередь, осуществлен в учебно-просветительской и литературно-творческой деятельности, в которой особое значение приобрел перевод Библии. Последний, отразив «уже достигнутый высокий уровень развития армянского языка, стал одним из важных средств в его превращении в общенациональный литературный язык, дал официальное признание живому разговорному языку и тем самым придал ему силу национального письменного языка...»[11]. Войдя в число других литературных языков эпохи, армянский язык стал мощным заслоном перед иноземным духовным влиянием.

В арменистике принято считать, что созданием армянского алфавита были заложены основы искусства создания книги и армянской письменной литературы. Первой книгой, написанной новосозданными армянскими буквами, был текст Библии. Вначале перевод был сделан с сирийского образца. После Эфесского Вселенского собора, когда армянские вардапеты-Переводчики вернулись из Константинополя, они привезли с собой безупречный греческий образец Библии, при помощи которой переведенный с сирийского текст Библии был пересмотрен под руководством Святого Саака[12] и Святого Месропа. В 435 году окончательно отредактированный текст перевода Библии был готов к использованию служителями Армянской Апостольской церкви.

Армянский перевод Библии в европейской филологии по праву был назван «Царицей переводов» (Лакроз, Сен-Мартен, Шредер, Геттингер и др.). Перевод был максимально близок к греческому образцу и точно передавал его содержание. Первой фразой, написанной армянскими буквами, было начальное предложение, которым начинаются Притчи Соломоновы: «Познать мудрость и наставление, познать изречения разума». Перевод Библии способствовал дальнейшему духовно-интеллектуальному развитию армянского народа, поскольку она (Библия) охватывала все формы общественного сознания того времени: нравственно-правовую и политико-философскую. Библия оказала большое влияние на рождающуюся армянскую письменную литературу (теологические и философские трактаты, шараканы и т.д.). Важна роль Библии и в развитии армянской историографии. Источником и питательной средой для всех многочисленных форм армянского искусства, вплоть XVIII века, была христианская религия и, в особенности, Новый Завет. «Армянский народ по праву гордится, в частности, миниатюрой, архитектурой и музыкой; произведения в этих областях как по количеству, так и по высокому качеству и самобытности могут конкурировать с лучшими византийскими и европейскими аналогами»[13].

После падения в 428 г. Армянского царства Армянская Апостольская церковь стала тем духовным мостом, который связывал персидскую и византийскую части Армении, а армянский литературный язык благодаря целенаправленной деятельности той же Церкви продолжал выполнять роль общенационального языка. Национальная письменность быстро распространяется при помощи основанных по всей стране школ и монастырей, вовлекая в ареал духовной жизни разные слои армянского общества и давая начало мощному культурному движению, ставшему выражением высокоразвитого самосознания армянского народа. Создание национальной письменности и возникновение богатой духовной культуры явилось следствием осознания Месропом Маштоцем и его последователями идеологической сущности духовной культуры. Последняя представляет собой определенную систему ценностей, обусловливающую идентичность нации и определяющую границы развертывания ее духовного потенциала.

Внутренняя логика национальной культуры V в. воспроизводится в образовательной системе – главном механизме вписывания армянского народа в национально-культурные традиции. Сформированная в результате создания на-

циональной письменности Национальная школа была призвана вместе с Армянской Апостольской церковью обеспечить идентичность армянской нации, тем самым способствуя осознанию ею необходимости создания (вернее: воссоздания) в исторической перспективе национальной государственности. Национальные чувства, самосознание и самопознание нации являются основой ее политических устремлений, которые, в свою очередь, зависят от степени ее образования и воспитания. Отмечу, что как в V в., так и во всех последующих веках, идеологи армянской нации осознавали, что предусловием национального просвещения является создание национальной письменности. Так, армянские мыслители XIX–XX веков (религиозный мыслитель Магакия Орманян и либерал Степанос Паласанян) полагали, что между созданными в IV в. Григорием Просветителем и его последователями школами и основанными в V в. учебными заведениями существовала большая разница. Созданные в IV в. в Армении школы решали весьма ограниченную задачу, а именно: подготовку служителей Армянской церкви. Между тем основанные в V в. школы были храмами всеобщего (всенародного) образования, национальными учебными заведениями в подлинном смысле слова, что было обусловлено умонастроением эпохи и замечательным изобретением Месропа Маштоца.

Развернувшееся в результате создания армянской письменности мощное духовно-интеллектуальное движение V в., которое армянские мыслители XIX в. назвали Золотым веком армянской культуры, по свидетельству самих европейцев (Карл Риттер) сопоставимо с развитием в Европе XV в. наук и искусств. Это свидетельствует о высокой культурной зрелости армянской нации, что в исторической перспективе могло стать гарантией обеспечения ею своего места в сообществе наций.

Золотой век армянской культуры предопределил границы культурного космоса нации, особенности и вектор развития национальной культуры. Через много веков, в условиях отсутствия национальной государственности, армянский народ переживает период национального Возрождения (конец XVIII – начало XX веков), когда духовно-интеллектуальная элита нации развертывает плодотворную деятельность в направлении сохранения, исследования и развития национальной культуры. Особую роль в этой деятельности сыграл основанный Мхитаром Себастаци в XVIII в. в Венеции Орден. В Программе общенационального возрождения Мхитара Себастаци особое место занимает вопрос обновления армянского языка. Мхитарианцы исходили из идеи о том, что древнеармянский (грабар) и новоармянский (ашхарабар) есть исторически сформировавшиеся формы языка нации. Этим объясняются их усилия по сохранению грабара и развитию ашхарабара. Величайшим памятником национальной культуры этой эпохи является составленный Мхитаром Себастаци «Айказян бараран» (тт. 1–3, Венеция, 1749–1769 гг.) – толковый словарь армянского языка, вобравший в себя все содержащиеся в сохранившихся на тот период древнеармянских рукописях слова. Почти век спустя тремя представителями Ордена (Мкртич Абегян,

Габриел Айвазовский, Хачатур Сюрмелян) был издан словарь новоармянского языка «Новый Айказян» (тт.1–2, Венеция, 1836-1837 гг.), а также многочисленные двуязычные словари. Первый из таких словарей был армяно-латинский словарь (1621 г.). Словарь «Новый Айказян» переиздан и сегодня используется армянскими учеными, преподавателями, писателями и переводчиками. В контексте языкового обновления была создана богатая армянская научная литература и особенно новая армянская историография, в которых проявилась тенденция сохранения национальной идентичности. Так, развивая основанную еще в V в. Мовсесом Хоренаци линию, Микаэл Чамчян создает в своем фундаментальном труде – трехтомной «Истории Армении от начала мира до 1784 года Христова» (тт. 1–3, Венеция, 1784–1786 гг.), обширную историческую панораму, тем самым способствуя развитию национального самосознания (воспитанию патриотизма и вере в историческую перспективу нации). Отмеченные работы мхитарианцев по праву считаются лучшими памятниками европейской филологической и исторической науки того времени.

Намеченные мхитарианцами тенденции были воплощены в XIX веке – веке второго армянского Просвещения. Армянская духовная культура и в этом веке осуществляла функцию духовного объединения нации (политически разделенной теперь уже между османской Турцией и царской Россией). Духовное возрождение нации армянские идеологи этого периода связывали прежде всегос развитием в новых историко-культурных условиях заложенных еще в V в. Месропом Маштоцем и Сааком Партевом традиций национального просвещения. Осуществление такой программы способствовало восприятию нацией своей внутренней, духовно-нравственной сущности, чем обусловливается специфика ее наличного бытия и возможность существования в истории.

Идейным стержнем программы национального просвещения (образования и воспитания) этого периода являлось убеждение армянской духовно-интеллектуальной элиты в том, что национальное просвещение должно быть направлено на сохранение и укрепление национального чувства, в противном случае меняется сама суть Просвещения. Для оживления и сохранения национального чувства (чувства национальной принадлежности) национальное просвещение должно «гармонизировать» с первоосновами национального бытия. Последнее, в свою очередь, предполагает необходимость изучения в Национальной школе историю христианской религии и Армянской Апостольской церкви, историю армянского народа и армянский язык.

Согласно идеологам нации этого периода человек и нация «живут» в языке. Конструкты языка нации определяют границы восприятия ею разнообразия мира и исторически обусловленную специфику собственного бытия. Национальный язык – символ духовного единства нации и самое сильное средство обеспечения ею своей духовной независимости, первичный элемент национальной культуры.

Отмеченные мною концептуальные установки армянских мыслителей данного периода (как консервативного, так и либерального направлений) коррели-

руют с защищаемым ими принципом постепенного развития языковых форм и их преемственности. Этим объясняется их стремление сохранить древнеармянский язык (грабар) в богослужебной практике Армянской Апостольской церкви, а также в учебной программе Национальной школы. Использование грабара в богослужебной практике считалось строго необходимым для сохранения чистоты «святой веры» – проповедуемого ещё армянскими Апостолами, принятого и сохраненного в течение многих веков Армянской Апостольской церковью христианского учения. Неизменная вера предполагает и неизменный язык. Во всеобщем или вселенском союзе – Церкви, необходим всеобщий язык, чтобы сохранить всеобщее братство и единство веры. Такой подход объясняется самой природой религии. До настоящего времени Католическая церковь использует латынь, в греческих церквах используется древнегреческий, в русских – древнерусский. Армянская Апостольская церковь, естественно, использует древнеармянский, свой первоначальный «первородный» язык: «…язык, такой же древний, как само человечество, по своему благородству – неземной и по совершенству – несравненный»[14]. Исходя из такой характеристики армянского языка, армянский религиозный мыслитель XIX века, глава армянского патриаршего престола в Константинополе (1888–1894 гг.) Хорен Ашыгян выступает против всяческих попыток «корректировки» армянского языка (от униатов XIV века до протестантов и армянских либералов XIX века) и вместе с тем призывает Национальный Учебный совет принять меры по обеспечению чистоты армянского языка. Свою позицию Армянский патриарх объяснял тем, что отношение к армянскому языку самих армян коррелятивно отношению других наций и иностранных правительств к этому языку.

Более того, идеологи нации полагали, что каждый армянин должен владеть грабаром, поскольку грабар, как древний вариант армянского языка, «способен» сформировать и развить мышление армянина, а также способствовать развитию новообразованного ашхарабара. Закономерной в этом отношении является мысль армянского религиозного мыслителя XIX века Ованеса Тероенца, идеи которого оказали глубокое влияние на умонастроение целой эпохи, о том, что армянское общество не должно следовать за европейцами, которые в известное время отказались от преподавания латыни в школах, стали разрабатывать национальные языки и включать их в учебные программы своих школ. Вопрос в том, что для европейца латынь всего лишь классический язык, с помощью которого он соприкасается с духовной культурой классического мира. Иное дело грабар. Сформированный еще в древности письменный язык армянской нации, наследником созданной на этом языке богатой духовной культуры которой является та же самая армянская нация, этот язык стал зеркалом духовно-интеллектуального потенциала армянской нации. Изучение национального языка и созданной на этом языке богатейшей духовной культуры, а также сохранение благоговейного отношения к национальному языку и национальной культуре есть первичное условие сохранения национальной идентичности[15]. На протяже-

нии многих веков (уже 1611 лет) армянская нация относится к созданному в 405 г. Месропом Маштоцем армянскому алфавиту как к национальной святыне. В менталитете нации закрепилось убеждение в том, что созданные Месропом Маштоцем буквы ангелы-хранители всего армянства.

Общеизвестным является тот факт, что в мире существует всего 14 систем письма, каждая из которых (кроме одной системы) используется принадлежащими к разным языковым «семьям» языками. Самым ярким примером является латинская система письма, которой пользуется большинство языков мира. Существуют народы, которые на протяжении веков не имели своей системы письма и лишь в начале XX века приняли принадлежащую другому языку систему письма. Для таких народов принятая ими система письма не вписывается в «структуру» исторической памяти народа, и потому является всего лишь «записывающим» язык инструментом.

Армянская система письма создана с целью фиксации именно армянского языка. Это система представляет собой истинный шедевр. Она «построена настолько удачно, что дала армянской нации наиболее полное выражение фонетической системы.., которая до сегодняшнего дня («работает» – Р.М.) без каких-либо изменений, без потребности совершенствования, потому что она изначально была совершенна»[16]. Более того, существует глубинная, внутренняя связь между армянским языком, армянской системой письма и культурным самопознанием армянского народа. Упакованный в самобытную систему письма армянский язык стал воистину символом национальной идентичности армянского народа, самым существенным признаком, формирующим и утверждающим национальную идентичность. «... если в течение трагических веков армянская нация смогла сопротивляться, если она смогла сохранить идентичность своей культуры и христианскую веру, то это было осуществлено благодаря гениальному делу Св. Саака и М. Маштоца, которые сделали несокрушимой веру армян и национальную идентичность»[17].

Самобытные армянские письмена, по существу, превратились в матрицу национального самосознания армянского народа. «... с того самого дня, когда армяне приобрели свои собственные алфавит и литературу, свою собственную религию, с того дня они почувствовали, что составляют самобытную нацию и (выступают – Р.М.) против всякого рода ассимиляции»[18]. Об этом свидетельствовал еще Корюн: « Заметим... взяв грамоты с благими вестями.., пустился (Маштоц – Р. М.) в обратный путь. Благополучно проехав много поселений, с радостной душой прибыл в Армению, в края Айраратской области.., в шестом году (царствования) Врамшапуха, царя Великой Армении. Даже великий Моисей не так ликовал, спускаясь с горы Синайской; не скажем, что больше, а гораздо меньше (радовался). Он (Маштоц – Р. М.), сам собой преисполненный духовного утешения, полагался на одобрение принимающих и в надежде на радостный прием остановки по пути (казались) ему приносящими благую весть… И вот, когда достойный памяти приблизился к престольному городу, оповестили [об этом]

царя и святого епископа (Саака Партева – Р.М.). Они (царь и епископ) в сопровождении многих знатных нахараров выступили из города, встретили блаженного на берегу реки Рах (Ерасх – Р.М.), и после любезных приветствий вернулись оттуда в город с возгласами радости, духовными песнями и громогласными величаниями. Так они все провели несколько дней в праздничном ликовании»[19].

Во время геноцида 1915–1918 гг. и изгнания армянского народа в сирийскую пустыню Дейр Дзор, армянские матери писали пальцем на песке месроповские буквы и обучали им своих детей, чтобы они оставались армянами, если останутся в живых, и оставались армянами даже в том случае, если умрут. Сегодня в разбросанных по всему миру армянских общинах растет уже четвертое поколение переживших геноцид армян. Жизненная среда этого поколения находится вне пределов культурных границ армянской нации. Предусловием сохранения этим поколением своей национальной идентичности, важнейшим оружием против угрозы ассимиляции является обучение этого поколения чтению и письму на армянском языке. В Армянской диаспоре на сегодняшний день наиболее актуальным является следующий девиз: «Я ощущаю себя армянином, потому что умею писать и читать на армянском языке».

По сути, и в начале V века, и в начале XX века, как и в начале XXI века каждая буква армянского алфавита была и осталась «непобедимым воином», которая, как непробиваемая броня, предотвратила уничтожение и ассимиляцию армянской нации, как это произошло с десятком древних народов Ближнего Востока.

На основе вышеизложенного можно сделать утверждение о том, что процесс самопознания армянской нации (ее идентификации) осуществлялся и осуществляется согласно принципу преемственности. Это можно представить следующей схемой ее духовного развития: армянский эпос → обусловленная изобретением Месропом Маштоцем армянской письменности духовная революция V в. → основанное на политике обновления национального языка Мхитара Себастаци национальное Возрождение → порожденное реалиями современного бытия нации движение «Одна нация – одна культура». Отмеченные этапы свидетельствуют о наличии в историческом бытии армянской нации большого капитала культуры, то есть высоком статусе духовных ценностей в пространстве жизнедеятельности моего народа на протяжении всей известной истории существования его как нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Միրումյան Ռ.*, Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ. Մեթոդաբանական վերլուծություն, Եր., Նոյյան տապան, 2003, էջ 58; См. ее же: Սեն Արևշատյանի պատմափիլիսոփայական հայեցակարգի մեթոդաբանական տեսանկյունները / Հայ իմաստասիրությունը հոգևոր մշակույթի համակարգում: Պրակ 5, Եր., Նոյյան տապան, 2004, էջ 11; Ոսկեդարից Զարթոնք (հայ ազգային-մշակութային ավանդույթների ձևավորման շարժընթացի դիտարկման փորձ)/ Միջազգային գիտաժողով՝ նվիրված Հայ գրերի գյուտի 1600-ամյակին. Զեկուցումների ժողովածու, Եր., ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2006, էջ 177; Армянское культурное на-

следие как механизм самозащиты нации в условиях глобализации (к вопросу о политической концепции культуры)/ Материалы международной научной конференции «Армения в диалоге цивилизаций», 28 апреля 2011 г., Нижний Новгород, Деком, 2011. С. 83; Историческое сознание как фактор преодоления темпорального растворения национальной идентичности (концептуальный аспект) / Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты)/ Материалы международной научной конференции. Ер., Изд-во РАУ, 2015. СС. 274–275; Խորեն Աշըգյան («Իմաստասէրք հայոց» մատենաշարից»), Եր., ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատ., 2015, էջ 9:

2. *Хоренаци Мовсес.* История Армении/ Пер. с древнеарм. языка, введение и примечания Г. Саргсяна; Ред. С.С. Аревшатян. Ер., Айастан, 1990, С. 59, 63.
3. *Аревшатян С.С.* Формирование философской науки в Древней Армении (V–VI вв.), Ер., Изд-во АН Арм. СССР, СС. 5–6.
4. *Պալասանեան Ստ.*, Պատմութիւն հայոց գրականութեան, հ. 1, Թիֆլիզ, 1865, էջ 77–78.
5. Там же С. 40.
6. *Мирумян К.А.* Изобретение армянских письмен как фактор борьбы за культурную самобытность и национальную безопасность/ԿրթությունըԱրցախում 405–2015 թթ., Եր., «Անտարես», 2005, с. 264; См. его же: Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ер., «Զվարթնոց» հրատ., 1994. С. 46.
7. См.: История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его, вардапетом Корюном / Կորյուն, Վարք Մաշտոցի, Երևանի համալսարանի հրատ., Եր., 2005. էջ 37:
8. *Хоренаци Мовсес*. История Армении. СС. 186–187.
9. *Գրիգորեան Մեսրոպ*, Մեսրոպ Մաշտոց. զինուորական ծառայութենէ հոգեւոր ծառայութեան / Միջազգային գիտաժողով՝ նվիրված Հայ գրերի գյուտի 1600-ամյակին. Զեկուցումների ժողովածու, էջ 389:
10. *Պալասանեան Ստ.*, Հայոց մտաւոր շարժողութիւնը Երդ դարում// «Փորձ», Թիֆլիզ, 1877/1878, № 3. էջ 33.
11. *Аревшатян С.С.* Формирование философской науки в Древней Армении (V–VI вв.), С. 35.
12. Святой Саак Партев (387–439 гг.) армянский католикос, последний потомок Святого Григора Лусаворича (Просветителя), армянского католикоса (301–312 гг.), который вместе с армянским царем Трдатом III Великим провозгласил христианство государственной религией. Святой Саак содействовал созданию Месропом Маштоцем армянских письмен, принимал активное участие в переводе Библии и был назван «равным» или «равнозначным» Месропу Маштоцу по значимости своей деятельности.
13. *Գրիգորեան Մեսրոպ*, Մեսրոպ Մաշտոց. զինուորական ծառայութենէ հոգեւոր ծառայութեան / Միջազգային գիտաժողով՝ նվիրված Հայ գրերի գյուտի 1600-ամյակին. Զեկուցումների ժողովածու. էջ 400:
14. *Աշըխեանց Խ.* Կրօնի վարդապետութեանց մեջ զրոց հին լեզուն// (Յարմաշ), 1869, № 37. էջ 307:
15. См.: *Միրումյան Ռիմա, Հովհաննես Տերոյենց* («Իմաստասէրք հայոց» մատենաշարից), Եր., «Սարվարդ» հրատ. էջ 197–200:
16. *Մեյե Ա.* Եզնիկ Կողբացու երկը հրատարակելու մասին / Ա. Մեյե, Հայագիտական ուսումնասիրություններ, Եր., 1978. էջ 508:
17. Grousset, Histoire de l’ Arménie des origins à 1071 (2e è*dit*), Paris, 1973, P. 176
18. *Macler F.* Quatre conférences sur I’ Arménie faites en Hollande. Suivies d’une note sur La Hollande et les Arménienes, Paris, P. 233

19. История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его, вардапетом Корюном. СС. 140–141.

NATIONAL LANGUAGE AS A FOUNDATION OF NATIONAL IDENTITY

(political-philosophical perspective)

R. Mirumyan

SUMMARY

The language of a nation is a means of its spiritual immanence expression and its development criterion. The loss of language deprives the nation from its spiritual peculiarity causing its death. Language is a major factor of nation building and unity, a prerequisite of national ideology formation and a basis of national identity preservation. The field of nation's spiritual culture is formed through national language since the latter incorporates the worldview, ideas and values nation adheres to. National language is primarily developed through national script and literature. The spiritual development of a nation and the history of its civilization are directly linked with the development course of the same nation's language.

Keywords: national language, national identity, national ideology, national culture, national education, new world order.

ԱԶԳԱՅԻՆ ԼԵԶՈՒՆ ՈՐՊԵՍ ԱԶԳԱՅԻՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՀԻՄՔ

(քաղաքական-փիլիսոփայական տեսանկյուն)

Ռ.Ա. Միրումյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ազգի լեզուն նրա հոգևոր ներունակության դրսևորման միջոցն ու զարգացման չափանիշն է: Կորցնելով իր լեզուն՝ ազգը զրկվում է իր հոգևոր առանձնահատկությունից և մեռնում: Լեզուն ազգի ձևավորման և միության գլխավոր գործոնն է, ազգային գաղափարախոսության ստեղծման նախադրյալն ու ազգային ինքնության պահպանման հիմքը: Ազգային լեզվի միջոցով է ստեղծվում ազգի հոգևոր մշակույթի դաշտը, քանզի լեզուն բովանդակում է ազգի աշխարհայեցողությունը, գաղափարներն ու արժեքները: Ազգային լեզուն զարգանում է գլխավորապես ազգային դպրության և մատենագրության միջոցով: Ազգի հոգևոր զարգացման և քաղաքակրթության պատմությունն անմիջականորեն կապված է նույն ազգի լեզվի զարգացման ընթացքի հետ:

Հիմնաբառեր՝ ազգի լեզու, ազգային ինքնություն, ազգային գաղափարախոսություն, ազգային մշակույթ, ազգային դպրություն, նոր աշխարհակարգ:

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Н.А. Дунамалян

n.dunamalyan1991@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу некоторых концептуальных проблем политической науки в контексте исследования национальной идентичности. Проблема национальной идентичности рассматривается в связи с изучением исторического измерения идентичности на примере истории армянской нации и возможного конструирования трансрегиональной общности на евразийском пространстве. Подчеркивается важность определения и уточнения понятийно-категориального аппарата проблематики национальной идентичности.

Ключевые слова:идентичность, нация, глобализация, политическая наука.

Динамика современных социальных и политических процессов подсказывает важность выработки новых подходов к исследованию проблем национальной идентичности в контексте интеграционных процессов и становления новой картины международных отношений. Политические категории и концепции, возникшие в области западной политико-философской мысли, были подвергнуты **«концептным натяжкам»** в процессе расширения ареала влияния западной цивилизации, что, в конце концов, сделало невозможным объяснение социально-политических процессов в незападных регионах мира, имеющих иное историческое развитие и специфическое социокультурное устройство. Итальянский философ и политолог Дж. Сартори в своей статье «Искажение понятий в сравнительной политологии», опубликованной в 1970г., предупреждал: «...чем громаднее мир, тем активнее мы прибегаем к растяжению концептов, или концептным натяжкам, т.е. к расплывчатой, аморфной концептуализации» [1]. Проблема концептуализации и уточнения многих методологических особенностей изучения национальной идентичности является одной из актуальных проблем на данный момент. Кризис политической науки, вызванный трудностями объяснения сложных, разнородных политических процессов на локальном и глобальном уровнях, ставит проблему формулировки и уточнения ряда новых понятий и концепций, отражающих особенности незападной политической действительности.

С развитием современной политической науки, основанной на опыте исследований в рамках западной цивилизационной модели, целый ряд разнородных

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Осмысление национальной идентичности как фактора обеспечения общественного прогресса», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016гг.

явлений и предметов стал рассматриваться научным сообществом как одно ясно концептуализируемое явление или предмет изучения. В то же время политическая наука, развиваясь в контексте западной цивилизации, достигла больших успехов в исследовании социально-политических процессов. Постепенные попытки нейтрализации западных политических категорий в ценностном отношении с целью универсализации понятий привели к большему утверждению «натяжек» и использования данного подхода в практической плоскости, отразившегося в процессах глобализации и модернизации. Именно поэтому расширение «мира политического» формирует необходимость создания новых концепций и понятий, отражающих политическую действительность в различных регионах мира, отличающихся уникальным историческим развитием, традициями, политической системой и другими особенностями. Новые политологические дисциплины пытаются преодолеть концептуальные недостатки современной политологии, сузив предметную область до изучения конкретных политических процессов и институтов для получения более объективной картины, но использование старых понятий и недостаточная концептуализация новых, которые сами по себе обладают низкой познавательной ценностью и неадекватно отражают политическую реальность, делают данные попытки неэффективными. Подобная ситуация касается также и изучения проблем национальной идентичности и наличия различных подходов в данном аспекте в современных условиях.

Термин «идентичность» (на латыни “identitas” означает «тождественность») начал использоваться в политологической литературе относительно недавно, что связано с интенсивностью глобализационных процессов в последние десятилетия. Содержание понятия «идентичность» пересекается с таким смысловым рядом, как самобытность, подлинность, самость, тождественность самому себе. Представляется, что идентичность призвана упорядочить внутренние механизмы развития социальной реальности, так как глобализация трансформирует также и политические институты, которые не успевают адаптироваться к новым условиям, формируя, в терминологии английского социолога Э. Гидденса, дисперсию (рассеивание) социальной реальности, что, в свою очередь, влияет на политическую и социальную модель поведения индивида. В широком понимании ***«идентичность»*** *обозначает принадлежность индивида или группы лиц к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям*, но использование данного термина в других контекстах (варьируясь от бытового до общенаучного) говорит об отсутствии категориальной ясности и наличии большой социальной нагрузки понятия «идентичность». Поэтому проблема национальной идентичности и многие сопутствующие ему понятия и категории должны быть подвергнуты серьезному методологическому разъяснению.

Выявление проблем и перспектив исследования национальной идентичности может быть продемонстрировано на примере развития армянской национальной идентичности и ее состояния в современных условиях социально-полити-

ческих трансформаций. Все древние народы, которые сохранили свою самобытность по сей день, сформировали определенные политические и культурные механизмы сохранения своей идентичности на протяжении многих столетий. Уникальность формирования и сохранения армянской нации заключается в способности уберечь армянскую культуру от идеологического влияния крупных империй на фоне утраты государственности в различные периоды мстории. Примечательна мысль профессора К. Мирумяна о значении культуры для истории армянской нации. Армянская культура с древности была возведена «в ранг государственной, а в условиях отсутствия государственности и политической независимости – национальной политики» [2]. Важность «политической концепции культуры», предложенной профессором Мирумяном, заключается в концептуализации исторического опыта формирования национальной идентичности армянского народа. Данная концепция рассматривает армянскую культуру в одном ряде с политическими решениями армянской элиты древности, направленными на сохранение армянской нации, чему способствовало принятие христианства и создание армянской письменности. С другой стороны, армянская культура представляет собой синтез античного и средневекового наследия, открытый для развития и привнесения новых культурных элементов.

В период современных социально-политических изменений возникает вопрос жизнеспособности национальной идентичности в новых условиях, способности трансформации идентификационного кода нации с целью реагирования на основные глобальные и локальные вызовы. Исторический анализ формирования национального самосознания и его соотношения с современными трактовками национальной идентичности касается только одного из многочисленных пластов научной проблематики данного явления, так как современное видение проблем идентичности связано с интенсивным процессом глобализации и рефлексии над взаимовлиянием глобальных и национальных проектов. Таким образом, перед исследователями стоит задача междисциплинарного исследования проблем национальной идентичности в срезе исторического измерения данного феномена и определения теоретико-методологических основ проблематики национальной идентичности (определение понятийно-категориального аппарата, обновление терминологической базы научных дисциплин и т.д.).

Влияние глобальных проектов древности (эллинизм, христианство и др.) и участие армянской нации в процессе синтеза культурного наследия различных цивилизационных центров делает культурный фактор одним из значимых элементов армянской национальной идентичности и ставит проблему включения различных культурных смыслов в процесс формирования армянского национального самосознания. В этом случае понятие «смысл» понимается как сущность феномена, оправдывающая его существование и наделяющего его конкретным предназначением, целеполаганием [3]. Смысл является одним из основных понятий в исследовании культуры и ее влияния на другие сферы жизнедеятельности человека, в том числе политику. Культурный синтез различных элементов глобальных проектов на почве

армянского самосознания был направлен на обеспечение культурной автономности и сохранения армянства. Сохранение национально-культурной самобытности в условиях включенности в разнородные по этническим и конфессиональным признакам образования (разные державы, империи) сделало культурный фактор главным средством сохранения самоидентификации армянского народа. Кроме этого, развитие сферы образования с начала эпохи раннего средневековья и общий доступ к знаниям для армянской молодежи создали предпосылки для формирования высокого уровня армянского самосознания. Важно отметить, что внутренний потенциал армянской культуры, который включал элементы универсальных культурных моделей, в дальнейшем имел свойство влиять на другие культуры и участвовать в формировании уникальных социокультурных феноменов. Одним из таких примеров влияния армянской культуры могут послужить памятники литературы, написанные посредством армянской письменности, но на иных языках (тюркские памятники, печатные издания на армяно-кыпчакском языке)[4], свидетельствующие о высоком уровне влияния армянской культуры на другие этносы и способности армянского элемента интегрироваться в более глобальные социокультурные проекты.

В современных условиях армянская национальная идентичность может быть рассмотрена в контексте глобальных изменений и места армянского культурного и политического факторов в трансформации современной реальности. «Концептные натяжки» не позволяют адекватно выразить особенности социальных, политических и культурных процессов в незападном мире, поэтому регионы, обладающие богатым историческим и культурным наследием, а также с особой спецификой политического развития, должны противостоять концептуальной универсализации «глобализацией смыслов». Под «глобализацией смыслов» мы понимаем раскрытие внутреннего содержания и возможное влияние исследования универсальных элементов армянской культуры на другие социокультурные проекты на цивилизационном уровне. История и будущее армянской нации и государства могут быть рассмотрены в глобальном контексте развития всего человечества, так как самоизоляция ведет к снижению важности и адекватной оценки роли армяского фактора в глобальных процессов прошлого, что может стать основой для активного участия в конструировании глобальных проектов в будущем. В этом случае необходимо созадние механизма переноса методологических установок проблем армянской национальной идентичности на глобальный уровень теоретизации, направленный на утверждение армянской проблематики для мировой научной повестки дня и синтеза различных научных подходов в исследовании национальной идентичности во избежание «концептных натяжек» и неадекватного отражения политической и социальной действительности того или иного региона. Выход из кризиса политической науки может быть связан также и с выработкой определенных ценностных ориентиров для исследователя, так как нужно признать, что современная политическая наука находится под влиянием западных ценностей и отражает специфический взгляд на мир, а новые подходы могут быть разработаны только в контексте особого политико-философского осмысления современных глобальных процессов.

Представляется, что изучение армянской идентичности также должно идти по пути «глобализации смыслов», заложенных в историко-культурном аспекте национальной идентичности, и необходимости реагирования на современные вызовы и угрозы политического, экономического, культурного и научного характера. Проблема трансформации армянской идентичности в новой среде, при наличии государственности, ставит ряд задач перед исследователями: 1. систематизация и презентация научных трудов прошлых лет, касающихся формирования и развития армянской нации и ее участия в цивилизационных проектах; 2. корреляция основных элементов современного этапа развития общеармянской идентичности и места армянской диаспоры в судьбе армянского народа и государства; 3. позитивное рассмотрение армянской идентичности в контексте новых интеграционных проектов и *конструирования трансрегиональной идентичности* на евразийском пространстве.

«Глобализация смыслов» не должна преследовать цель противостояния западной научной традиции, так как это приведет к еще большему кризису, а к дополнению многих научных аспектов для построения адекватной картины мира, что важно и в практической плоскости исследования идентичности на уровне интеграционных процессов на евразийском пространстве. Поскольку создание общих интеграционных проектов нуждается также и в осмыслении общего понимания мировых процессов и точек соприкосновения между государствами-партнерами, в том числе и в научной и теоретико-методологической плоскости. «Необходимо понять, что объединяет и что разъединяет народы и государства, которые хотят вступить в союз, понять шкалу их национальных интересов и взаимосовместимость этих интересов» [5].

На данный момент идет определение возможности конструирования глобальной социокультурной идентичности на евразийском пространстве, но подобный научный процесс не может быть доведен до логического завершения без уточнения концептуальных основ исследования данной проблемы. В российской политологической и социологической литературе распространены термины и классификации типов идентичности по возрастанию глобальности идентичности: национальная, региональная, кроссрегиональная, макрорегиональная, интеррегиональная и т.д., – но эти термины трактуются по-разному и могут обозначать различные предметы и области исследования, отличные по территориальному, статусному и другим признакам. В вопросе конструирования глобальной социокультурной и цивилизационной общности на евразийском пространстве возможно использование термина **«трансрегиональная идентичность»**, так как, как показал Д. Кузнецов, это понятие подчеркивает определеную совокупность без акцентирования на типе акторов и определяет характер взаимодействия, обозначая сотрудничество регионов как акторов международной системы и отдельных государств, стремящихся преодолеть географические границы взаимодействия в целях обеспечения интересов и создания для этого новых экономических, политических и социальных пространств [6]. Данный вопрос также

стоит на повестке исследователей проблем национальной идентичности, поскольку современные интеграционные проекты нуждаются в легитимизации и создании уникальной площадки для культурного и цивилизационного единения.

Современные социально-политические изменения создают предпосылки для переосмысления устоявшихся понятий и разработки новых методов исследования действительности. В то же время существует необходимость формирования новой научной картины мира, которая будет основана на внедрении новых ценностей и установок в сферу научных исследований. Изменяющийся мир создает условия и необходимость для изменений в различных сферах, и, в частности, в сфере политической науки, так как гуманизация знания и глобальные мировые тенденции ведут к ценностному пересмотру основ современного общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сартори Д.* Искажение концептов в сравнительной политологии (I). Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 69.
2. *Мирумян К.* Культурная самобытность в контексте национального бытия. Ер., 1994. С. 8-9.
3. См.: *Шрейдер Ю.* Смысл // Новая философская энциклопедия. М.: «Мысль», 2000.
4. См.: *Гаркавец А.Н.* Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата: «Наука», 1987.
5. *Саркисян О.Л.* Осмысление победы в Великой Отечественной войне в контексте современных интеграционных процессов // «Вестник РАУ». 2015. № 1. С. 14.
6. См.: *Кузнецов Д.А.* Феномен трансрегионализма: проблемы терминологии и концептуализации. Сравнительная политика. 7(2(23)), М., 2016. СС. 14–24.

CONCEPTUAL ASPECTS OF THE STUDY OF NATIONAL AND TRANS-REGIONAL IDENTITY

N. Dunamalyan

SUMMARY

This article analyzes some conceptual problems of political science in the context of national identity studies. The problem of national identity is considered in connection with the study of the historicaldimension of identity on the example of the history of the Armenian nation and the possible construction of trans-regional community in the Eurasian space. It emphasized the importance of defining and clarifying the conceptual and categorical apparatus of national identity issues.

Keywords: identity, nation, globalization, political science.

ԱԶԳԱՅԻՆ ԵՒ ԱՆԴՐՏԱՐԱԾԱՇՐՋԱՆԱՅԻՆ ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՄԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԱՅԻՆ ԱՍՊԵԿՏՆԵՐԸ

Ն. Ա. Դունամալյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Այս հոդվածը նվիրված է քաղաքական գիտության որոշ հայեցակարգային խնդիրների վերլուծության ազգային ինքնության խնդրի ուսումնասիրման շրջանակներում: Ազգային ինքնության խնդիրը դիտարկվում է ինքնության պատմական չափման ուսումնասիրման՝ հայ ժողովրդի պատմության օրինակի հիման վրա և անդրտարածաշրջանային միության հնարավոր կառուցման հետ կապված: Կարևորվում է հայեցակարգային ապարատի սահմանումը և հստակեցումը ազգային ինքնության խնդրի համատեքստում:

Հիմնաբառեր՝ ինքնություն, ազգ, համաշխարհայնացում, քաղաքագիտություն:

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (на примере России, Казахстана и Армении)*

А.А. Акопян

hakobyanaelita@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье освещаются некоторые аспекты трансформации национальной идентичности на постсоветском пространстве. Выдвигается тезис, что в России приоритетным является синтез идентичностей этнических групп и гражданской российской идентичности. Константируется, что Казахстан стоит пред дилеммой конструирования казахской либо казахстанской надэтнической идентичности. Армении же стоит перед проблемой наслоения на имеющуюся национальную (этническую) идентичность пласта государственно-гражданской идентичности.

Ключевые слова: Идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, государственная идентичность.

Распад Совестского Союза, наступивший идеологический вакуум запустили механизм поиска собственной идентичности у стран и народов бывшего СССР. Начался активный поиск себя и формирование новых, отличных от старых подходов путей становления национальной идентичности, в которых доминирующую роль стал играть фактор этничности, что породило конфликты на постсоветском пространстве, а с другой стороны, иным образом оказывали воздействие на формирование национальной идентичности постсоветского пространства глобализационные процессы. Идеи интернационализма и дружбы народов исчезли с распадом Советского Союза, а культурно-цивилизационные процессы современности стали сопровождаться ростом нетерпимости, терроризма, религиозного экстремизма, обострением межнациональных отношений и иными негативными явлениями. Проблема идентификации, стоящая перед независимыми государствами постсоветского пространства, играет важную роль в основных проявлениях социально-культурной жизни, например, таких, – как организация и функционирование горизонтальных общественных структур, образ мышления и поведение индивидов, огромный спектр социальных трендов и процессов.

Мы попытаемся осветить некоторые аспекты развития идентичности в условиях социально-политических трансформаций в России, Казахстане и России.

Проблема исследования и разработки подхода к национальной идентич-

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Осмысление национальной идентичности как фактора обеспечения общественного прогресса», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014-2016 гг.

ности находится в центре винмания современного российского академического сообщества. Идентификационные процессы в Российской Федерации протекают достаточно сложно. Государство решает проблему выбора цивилизационного пути развития, перед которой она стоит на протяжении практически всей своей истории. На этот выбор влияет фактор многонациональности и поликонфессиональности России. К тому же сказываются трудности осваивания обществом быстрых политических и социально-экономических изменений. Все это позволяет говорить о своеобразном кризисе российской идентичности.

Как отмечает Н.Н. Федотова, «смысл кризиса идентичности в России не в том, что утрачено монистическое восприятие своей самотождественности и возобладал плюрализм, а в том, что отсутствует плюрализм как совместимость позиций и преобладают осколки самопонимания, не связанные между собой» [1]. Академик В. Тишков, говоря о российской идентичности, отмечал, что главным фактором создания мощного государства является построение гражданской нации ввиду многонациональности Российского государства. Речь идет именно о российской идентичности, а не о русской (в этническом смысле). Россия видится ему как национальное государство с многоэтничным российским народом. Для обеспечения единства разных народностей, необходимым условием является недопущение игнорирования терминов «народность», «народы» и т.д. Но, неприемлемым, на наш взгляд, является позиция Тишкова в построении гражданской нации на основе заимствования примеров других государств мира. В отличие от многих других государств, где проживают представители различных этносов, которые являются эмигрантами и не сливаются с местным населением, где существует идея титульной нации, в России народности в основном являются исконными обитателями данных территорий. Он трактует нацию как территориально-политическое образование, с едиными социокультурными системами. Но говоря о России, не следует забывать о 180-ти народах, населяющих ее, из которых 18 обладают автономией. По мнению Тишкова, поддержка и развитие языков и культур народов России не противоречит признанию российской нации и российской идентичности как основополагающей для граждан страны [2].

Трансформацию российской идентичности наиболее ярко демонстрирует опрос, где на вопрос: «О каких из перечисленных групп вы можете сказать “Это – мы”?» следующая динамика ответов в течение 9 лет [3]:

Время и масштаб опроса	Мы – граждане России
Начало 1992 г.	24 %
2002 г.	63 %
2006 г.	65 %
2008 г.	68 %
2011 г.	95 %

Судя по данным, можем предположить, что российское общество удачно проходит процесс как социально-политической трансформации, так и трансформации идентичности. Заметим, что первый фактор оказывает непосредственное влияние на второй. Как показывает Таблица, на начальном этапе, после развала Советского Союза, гражданская идентичность слабо воспринималась со стороны российского общества, но в течение девяти лет гражданско-государственная идентичность стала значимее в общественном сознании.

Таким образом, в Российской Федерации на уровне гоударственной поддержки академическим сообществом ведется поиск наиболее удачной модели конструирования идентичности и ее плавной траснформации от модели разработанной в советский период к гражданской идентичности, которая не предполагает единой культуры, ценностной единой ориентации или единого национального мифа, в отличие от этнической или государственной идентичности.

Другой страной постсоветского пространства, которая занимается проблемой конструирования и трансформации идентичности является Казахстан. В современном Казахстане стоит проблема сплочения разных народов (этнических групп) в казахстанскую нацию. После распада СССР в результате кризиса идентичности начался массовый отток славян, проживающих в Казахстане, обострились многие социальные проблемы в регионе. Конфликты между представителями тюркских народов продемонстрировали несостоятельность устойчивых связей и отношений в тюрко-мусульманском мире и Казахстан оказался перед проблемой поиска идентичности. Идеологический вакуум, возникший после крушения советского режима, породил в Казахстане такое явление, как активное позиционирование статуса этнических групп, что стало причиной осложнения в трансформационных процессах казахстанской идентичности.

Сложность поиска и становления казахстанской или казахской идентичности состоит в дуалистическом подходе к идее конструирования идентичности, которая исходит из противоречий среди интеллекутального сообщества и политических элит. Первая группа является сторонником имплементации казахстанкой идентичности в тюркскую идентичность, другая – европеизации казахстанской идентичности, одновременно обеспечивая консолидацию всех этнических групп, населяющих Казахстан.

Поиском соответствующих концептуальных-методолигических средств анализа для разрешения этой задачи занимается казахстанское академическое сообщество. При выборе между примордиалистским подходом и конструированием идентичности по объективным причинам выбор останавливается на втором. В современную эпоху при анализе военно-политических и социально-экономических проблем, а также в деле трансформации идентичности все большее место уделяется фактору культуры. Так, Казахстан, провозгласив свою независимость, объявил о становлении на путь модернизации, а для этого необходимо изменение общественного сознания, которая, в свою очередь, ограничивается этническим фактором. Этническая и культурная составляющие воздействуют и направляют стратегию раз-

вития государства. Становление на новый путь и формирование новых подходов в деле изменения общественного сознания и трансформации национальной идентичности Казахстана получило институциональный характер. Так, президент Казахстана Н. Назарбаев в своей програмной статье «Ключи от кризиса» отмечает: «для начала радикального обновления нам надо обновить все наше мышление – понятия, категории, теории, схемы, концепты мышления и термины, обозначающие факты и явления нового мира» [4], что подразумевает модернизацию сознания.

Стоит отметить, что в современной казахской научной литературе, связанной с идентификационной проблематикой, преобладающим является подход, представленный М. Шайкемелевым: «Казахская идентичность как самосознание открытой, синкретичной и толерантной культуры – наследницы древнетюркской цивилизации – должна стать основополагающим звеном, скрепляющим множество этнокультурных элементов полиэтничной мозаики, существующей в пределах нашей республики. Но пока она сама находится на стадии определения, становления и преодоления внутренней неопределенности, как отражение полиаспектно обусловленной социокультурной дифференцированности и разобщенности» [5]. Можем добавить, что процесс трансформации казахской идентичности находится еще в процессе, и наиболее оптимальным для ее становления ялвяется модель национально-государственного строительства, где государствообразующей нацией будут считатся этнические казахи, культура и язык котрых должны сыграть роль консолидации общества, и влиять на формирование национальных интересов. В формировании новой казахской идентичности преобладающими являются ценности открытой и толерантной культуры. Вышесказанное является не только теоретической методологической установкой, но носит также практический характер, что закреплено в качестве основных принципов конструирования казахской нации в официальной концепции модернизации этого государства.

Позиция граждан относительно пути развития и становления Казахстана, в свою очередь, демонстрирует самоидентификацию граждан. Так, результаты социологических опросов, организованных Ассоциацией социологов и политологов Казахстана (АСиП) в рамках опроса, проведенного в начале 2016г. казахстанцам была предложена анкета с вопросом: «Каким, на ваш взгляд, должен быть путь развития Казахстана?». В среднем, по массиву опрошенных 35,2 % придерживаются мнения, согласно которому у Казахстана должен быть свой национальный путь развития, учитывающий традиции и менталитет народа; 34,5 % склоняются к мысли, что Казахстан должен объединиться с Россией; 13,4 % считают, что Казахстан должен следовать западному пути развития; 15,2 % затруднились ответить [6]. Данные соцопросов показывают неоднозначное отношение рядовых граждан к проблемам национальной и государственно-гражданской идентичности в Казахстане.

Мононациональность, моноконфессиональность, богатое культурно-историческое наследие, механизмы сохранения самобытности, разработанные в течение многих веков, когда у Армении не было государственности являются мощным стержнем сохранения идентичности. Перед Россией и Казахстаном стоит задача консоли-

дации различных этносов, населяющих эти территории, соответственно, необходима разработка механизмов эффективного функционирования государственно-гражданской идентичности, тогда как Армения нуждается в пересмотре ранее существовавших механизмов, направленных на сохранение этнокультурных ценностей и традиций, и переориентации их на курс развития и модернизации. Конечно, в силу вызовов современной эпохи некоторые факторы, которые эффективно действовали в период Средневековья, на данный момент не в состоянии проявить себя с той же действенностью, но сказать, что они исчерпали себя тоже не можем, так как по сей день они функционируют. Учитывая исторический богатый опыт, мы должны не отчуждаться от процессов, присущих современному миру, чтобы не отставать от прогрессирующего мирового сообщества, не изолироваться, а использовать основные достижения современной цивилизации, что может стать обоснованием трансформации современной армянской идентичности.

Если в предыдущие века разработку механизмов для сохранения армянской идентичности и их претворение в жизнь брала на себя церковь, то сегодня, безусловно, эту роль должно выполнять государство, которое способно использовать разные рычаги и ресурсы. Именно под юрисдикцией государства должны находиться и координироваться все механизмы, разработанные под его же покровительством для координации действий всех армян, проживающих в мире. Одним из ресурсов можем считать армянскую диаспору. В Армении специально учреждено Министерство диаспоры, которое должно разрабатывать программы, посредством которых должна поддерживаться связь между армянской диаспорой и армянами, проживающими в РА. На наш взгляд, армянская идентичность может сохраниться и развиваться на пути перехода от «сохранения самобытности» к *универсальной, открытой, синтетичной идентичности*.

В условиях современных политических реалий, когда создаются региональные военно-политические экономические интеграционные союзы, и для их идейного обоснования, начинается процесс конструирования региональной идентичности, перед отдельными государствами членами союзов встает задача формирования конкурентоспособной идентичности, с целью эффективного позиционирования себя, своих национальных интересов в рамках региональных организаций. Именно открытая идентичность позволит успешно разрешить вышеуказанные задачи.

Мы попытались представить трансформационные механизмы идентичности некоторых государств постсоветского пространства, которые находятся на пути осмысления новых методологических подходов идентификационной проблематики и теоретического обоснования этих подходов. Для всех рассматриваемых государств актуально исследование именно трансформационных процессов идентичности, так как быстро меняющаяся политическая и экономическая картина мира требует соответствующей реакции на современные вызовы и риски. Сохранение самобытности, культурного и ценностного стержня государства и общества могут стать основой эффективного реагирования на современные социально-политические, экономические и другие условия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федотова Н.Н.* Кризис идентичности в условиях глобализации // «Человек». 2003. № 6. СС. 50– 59.
2. *Тишков В.А.* О российском народе и национальной идентичности России: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/o_rossisko.html
3. *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Государственно-гражданская идентичность в массовом сознании дагестанских русских//Современные проблемы науки и образования, № 5, 2014: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14783
4. *Назарбаев Н.А*. Ключи от кризиса // «Российская газета» (федеральный выпуск). 2009, 2 февраля: https://rg.ru/2009/02/02/autoritetno.html
5. *Шайкемелев М.С.* Казахская идентичность. Монография // Алматы; Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. С. 8
6. *Рахметова Г.* Казахстанская идентичность:трудности обретения // Общественно- политических журнал «Байтарек», 2016: http://www.baiterek.kz/node/990

THE TRANSFORMATION OF IDENTITY IN THE POST-SOVIET SPACE

(The cases of Russia, Kazakhstan and Armenia)

A. Akopyan

SUMMARY

The article illuminates several aspects of transformation of national identity in the post-Soviet space. The major idea of the article affirms that the synthesis of ethnic groups and civil Russian identity is the priority in Russia. The article postulates that Kazakhstan now stands behind the dilemma of constructing either Kazakh or “Kazakhian” overethnic identity. At the same time, Armenia stands behind the problem of overlayering existing national (ethnic) identity with the state-civil identity.

Keywords: identity, ethnic identity, civil identity, state identity

ԻՆՔՆՈՒԹՅԱՆ ՁԵՎԱՓՈԽՈՒՄԸ ՀԵՏԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ՏԱՐԱԾՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

(Ռուսաստանի, Ղազախստանի և Հայաստանի օրինակով)

Ա. Ա. Հակոբյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում լուսաբանվում են հետխորհրդային տարածքում ազգային ինքնության ձևափոխման որոշ տեսանկյուններ: Դրույթ է առաջադրվում, որ Ռուսաստանում առաջնային է էթնիկ խմբերի և ռուսաստանյան քաղաքացիական ինքնության համադրումը: Փաստվում է, որ Ղազախստանը կանգնած է երկընտրանքի առջև՝ կառուցել կամ ղասախական, կամ էլ ղազախստանյան վերէթնիկ ինքնություն: Իսկ Հայաստանում արդիական է առկա ազգային (էթնիկ) ինքնության լռացումը պետական-քաղացիական ինքնությամբ:

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПОПЫТКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ

В.С. Давтян

АННОТАЦИЯ

Изучена энергетическая политика России с применением метода исторической периодизации. Рассмотрены три основных периода – советский, постсоветский и современный с выявлением их особенностей и основных тенденций. Определены проблемы энергетической политики в условиях «пятилеток», приватизации и национализации. Дана характеристика энергетической политики России, определены ее основные проблемы в рассмотренные периоды. Проведен анализ позиций России на внешних энергетических рынках в контексте мировых политических процессов. Выявлены некоторые факторы, влияющие на укрепление российских позиций на мировых рынках. Обоснована необходимость периодического проведения исторического анализа энергетической политики ввиду ее непосредственного влияния на современную систему международных отношений.
Ключевые слова: энергетическая политика, Россия, историческая периодизация, советский период, постсоветский период, современный период, «пятилетки», приватизация, национализация, геополитика.

В связи с перманентно возрастающей ролью энергоресурсов в современной системе международных отношений и учетом комплекса побочных проблем, возникающих при их использовании в качестве политического инструмента, возникает необходимость концептуально-исторического осмысления понятия «энергетическая политика». В нашей работе мы будем исходить из того, что многие современные исследования, посвященные данной теме, зачастую осуществляются по принципу ситуационного анализа и сводятся к превалированию SWOT-инструментов. Последние, безусловно, очень важны в практическом смысле и нацелены на выработку рекомендаций для действующих акторов международного и локального энергетических процессов. Вместе с тем, для более системного осмысления проблемы важно, прежде всего, основываться на ее исторических предпосылках и особенностях. Энергетическая политика России, будучи объектом нашего исследования, представляет собой весьма сложную и многогранную систему, напоминающую постструктуралистскую ризому – множественную и гетерогенную, для понимания которой обратимся к методу исторической периодизации.

Начнем с общей характеристики энергетической системы России, топливно-энергетический комплекс (ТЭК) которой является одним из крупнейших в мире. Россия – одна из лидирующих стран по поставкам энергоресурсов на мировой рынок; она занимает первое место среди производителей топливных минеральных ресурсов по их совокупному производству сверхвнутренних потребностей. Следовательно, обладая подобными энергетическими рычагами, РФ зачастую

применяет свой топливно-энергетический комплекс в решении определенных вопросов и проблем внешнеполитического характера.

Топливно-энергетический комплекс занимает важное место в экономике России: на отрасли ТЭК приходится около 25% ВВП РФ, 30% объема промышленного производства, 50% доходов федерального бюджета и 65% доходов от экспорта. Энергобаланс России характеризуется самым высоким в мире удельным весом природного газа в общем объеме потребления первичных источников энергии – почти 55% (доля нефти и нефтепродуктов – 19%, угля – 15%, гидроэнергии – 6%, атомной энергии – 5%). В электроэнергетике доля природного газа еще выше – около 70% (а по некоторым регионам – почти 90%) [1].

По запасам нефти Россия является одной из ведущих стран мира – 10 млрд. т. или 6,2% мировых доказанных запасов нефти. Таким образом, по запасам нефти Россия занимает 7-е место в мире. Однако оценки потенциальных геологических запасов нефти России в 4–5 раз выше [2]. Вместе с тем, Россия мировой лидер по всем основным показателям газовой промышленности: объем доказанных запасов – 47 трлн. куб.м. или 25% мировых запасов природного газа; добыча – 607 млрд. куб.м, или 21% мировой добычи природного газа в 2007г.; экспорт – 147,5 млрд. куб.м. или 19% мирового экспорта газа; протяженность магистральных трубопроводов – 155 тыс. км [3].

Что касается угольной промышленности и электроэнергетики, то в этих областях Россия также находится на передовых позициях. Так, согласно оценкам международных экспертов, по доказанным запасам угля Россия занимает второе место в мире после США (157 млрд. тонн на начало 2007г.), а по объему общегеологических запасов угля – первое место: 5,3 трлн. тонн или 30% мировых запасов. Отметим также, что Российская Федерация располагает одной из крупнейших в мире электроэнергетических систем (ЭЭС): 890 электростанций общей мощностью более 215 ГВт (4-е место в мире после США, Китая и Японии) [4].

Выделим три периода энергетической политики России: *советский, постсоветский и современный.*

Советский период. В первые годы советской власти (1920–1928 гг.) в энергетическом комплексе страны ключевую роль играла добыча угля, в то время как в принятом в 1920г. плане ГОЭЛРО нефть занимала одну из последних позиций [5]. Однако, учитывая возрастающий интерес к нефти после окончания Первой мировой войны, советские власти начали использовать ее как экспортный товар. В 1920-е годы нефтяной экспорт неуклонно рос: с 31,1 тыс. тонн в 1921г. до 2 млн. тонн в 1927г., а в 1928г. доля нефти (в частности, нефтепродуктов) в экспорте составила 13,5% при удельном весе угля в 0,6% [6]. Вместе с тем, наряду с добычей нефти намечался постоянный рост добычи угля, который к этому времени занимал лидирующие позиции в ТЭК СССР (до 50%). При этом, важно отметить, что в 1932г. СССР обеспечивал 12% мировой добычи, занимая второе место в мире и первое в Европе. После Великой Отечественной войны энергетическому комплексу СССР был нанесен значительный урон, что

привело к резкому снижению объемов добычи: в 1946г. в СССР добыча нефти осуществлялась в 11 раз меньше, чем в США, и эта тенденция продолжалась вплоть до 1955г., когда разрыв в добыче сократился до 5 позиций [7]. К этому же времени началось становление газовой отрасли, сводящееся до этого периода исключительно к производству искусственного газа.

Таким образом, Советский Союз начал в значительных масштабах экспортировать углеводороды в 1950-ых годах. В этот период резко возрастает добыча нефти и газа, однако энергоресурсы преимущественно поставлялись в социалистические страны, и их экспорт за конвертируемую валюту был ограничен [8]. В целом 1950–1960-е годы советской нефтегазовой политики можно считать системообразующими в большой энергетической эпопее России, продолжающейся по сей день. Именно на этих позициях и был заложен фундамент новой, весьма агрессивной энергетической политики, продолжающейся до 80-ых годов. Так, в Директивах 6-й «пятилетки» экономического развития СССР (1956–1960гг.) были выделены новые направления в энергетической политике с акцентом на увеличение добычи нефти и газа, что должно было неизбежно привести к полной замене угля [9]. В новом пятилетии предлагалось «… на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда обеспечить дальнейший мощный рост всех отраслей народного хозяйства, осуществить крутой подъем сельскохозяйственного производства и на этой основе добиться значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня советского народа» [10]. А уже в в 1961г., на XXII съезде КПСС, Н.С. Хрущев предложил обширную программу развития энергетики, преимущественно сводящуюся к реализации крупных проектов в сфере электроэнергетики и нефтегазовой отрасли. Согласно новой программе, добычу природного газа за 20 лет предполагалось увеличить с 45,3 до 680–720 млрд. куб.м. добычу нефти – с 147 до 690–710 млн тонн [11]. Важно отметить, что к выдвижению программы Н.С. Хрущев готовился достаточно долго, практически с 1956г., когда впервые было заявлено о необходимости осуществления реформ в сфере энергетики. Результатом реформ стала децентрализация ТЭК: добыча нефти, газа и угля, а также производство электроэнергии, ведение геологоразведочных работ контролировались в совнархозах, строительно-монтажный комплекс оказался под контролем Министерства строительства электростанций и Главгаза, предприятия нефтегазового, рудного и энергетического машиностроения были подчинены совнархозам [12]. Согласно некоторым оценкам, подобная децентрализация привела к распространению местничества в отрасли.

Можно, таким образом, констатировать, что XXII съезд КПСС стал своего рода стимулирующим механизмом долгосрочного развития отрасли. Представим динамику показателей развития нефтяной и газовой промышленности за указанный период в виде таблицы (см.: Табл. 1) [13].

Таблица 1

Динамика показателей развития нефтяной и газовой промышленности

Показатель	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Добыча нефти, млн. т.	147,9	242, 9	353,0
Прирост добычи нефти за пятилетие, млн. т.	77,1	95,0	110,1
Среднегодовой прирост добычи нефти за пятилетие, млн. т.	15,4	19,0	22,0
Добыча природного газа, млрд. куб. м.	45,3	127,6	198,0
Прирост добычи природного газа за пятилетие, млрд. куб. м.	36,4	82,3	70,4
Среднегодовой прирост добычи природного газа за пятилетие, млрд. куб. м.	7,28	16,5	14,1

В 1970-е годы СССР быстрыми темпами увеличивает экспорт нефти в страны капиталистического лагеря. В 1976г., в рамках XXV съезда КПСС, большое внимание было уделено совершенствованию методов планирования и повышения обоснованности прогнозов научно-технического прогресса и социально-экономических процессов. Л.И. Брежневым особенно была выделена нефтегазовая промышленность как краеугольный камень в деле обеспечения роста экономической эффективности. Важно отметить, что к этому периоду удельный вес нефти и газа в структуре топливного баланса страны неуклонно повышался. Так, если в 1950г. их доля в общей добыче составляла, соответственно, 17,4 и 2,3%, то в 1974г. она возросла до уровня 43,8 и 20,8%. На XXV съезде было, в частности, намечено повысить указанные показатели в период с 1976 по 1980гг., доведя добычу нефти до 620–640 млн. т., добычу газа – до 400–435 млрд. куб.м. Тем самым, удельный вес нефти и газа в добыче топлива планировалось повысить до беспрецедентных 70% [14]. Новая энергетическая политика, будучи фактическим продолжением «хрущевских» реформ, в указанный период обеспечила все намеченные плановые показатели. Так, к этому времени СССР в день производил до 2 млн. тонн каменного угля, 1,6 млн. тонн нефти и 1,2 млрд. куб. м. газа. Отмечалось, что только одна Тюменская область производит более 10% мировой добычи нефти и газа [15].

Уже на следующем, XXVI съезде, была представлена программа «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985гг. и на период до 1990г.» [16], которая, по сути, была продолжением программы предыдущего съезда, только с акцентом на еще более нефте- и газоориентированную модель экономического развития. Результатом имплементации данной модели стало достижение исторического максимума добычи нефти в 1987г.: она составила 596,5 млн. т. [17].

В указанный период нефть и газ продолжали оставаться основными направлениями советского экспорта. В 1980г. нефть и газ составляли 67% экспорта СССР в страны Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) [18]. В этот период практически весь бюджет, внешнеторговый баланс, стабильность потребительского рынка, финансирование Советской армии напрямую зависели от цен на нефть. Именно поэтому, как пишет Е. Гайдар, сохранению стабильности советской экономики в 1970-х годах способствовали беспрецедентное повышение мировых цен на нефть в 1973–1974гг. и скачок цен в 1979–1981гг. На фоне роста объема экспорта нефти, реализуемой за конвертируемую валюту, темпы повышения валютной выручки СССР, начиная с 1973г., были беспрецедентными. Поток валютных ресурсов от продажи нефти позволил «остановить нарастание кризиса продовольственного снабжения городов, увеличить закупки оборудования и потребительских товаров, обеспечить финансовую базу наращивания гонки вооружений, достичь ядерного паритета США и начать осуществление таких внешнеполитических авантюр, как война в Афганистане» [19].

Таким образом, экономика СССР стала зависимой от конъюнктуры цен на нефть. Особенно это стало ощутимым в 1985г., когда впервые в экономической истории Советского Союза добыча нефти начала резко снижаться (было зафиксировано падение на 12 млн. т.), что привело к сокращению поставок в капиталистические страны. Параллельно с этим, Саудовская Аравия, являющаяся одним из главных экспортеров нефти на мировые рынки, принимает решение об увеличении добычи нефти в три раза, что нанесло сильный удар по и без того шатким позициям СССР. Это послужило основанием для ряда исследователей считать, что распад СССР был непосредственным образом связан с ценами на нефть, которые в 1985–1986гг. упали в несколько раз. В связи с этим часто принято ссылаться на «Директиву о национальной безопасности», подписанную президентом США Р. Рейганом в 1982г.; в ней, помимо всего прочего, говорилось о необходимости нанесения удара по экономической системе СССР [20]. И поскольку львиная доля в обеспечении жизнеспособности экономической системы Советского Союза выпадала на нефтегазовый сектор, то становится очевидным, какой контекст приписывается вышеуказанной Директиве.

Постсоветский период. Этот период ознаменован приватизацией ряда энергетических объектов, их переходом из государственного в частный сектор. С количественной точки зрения, наиболее активно приватизация объектов государственной собственности ТЭК проходила в 1993–1995гг. В эти годы было приватизировано более 85% от общего числа государственных и муниципальных предприятий и объектов промышленности.

Приватизация была направлена на повышение эффективности экономики за счет создания института частной собственности на средства производства. За вышеуказанный период были приватизированы предприятия ТЭК, имеющие важное значение для государственной безопасности. Данный процесс, направленный, по мнению молодых реформаторов (Е. Гайдар, А. Чубайс) во главе с президентом Б. Ель-

циным, на оздоровление российской экономики, имел ряд оппонентов, продолжающих критиковать реформы 90-ых по сей день. В частности, констатируется, что именно приватизационные процессы привели к появлению в России нового класса – олигархии, а также к значительному расслоению населения страны.

Приватизация в России началась после принятия Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)» в 1988г. На этом этапе она осуществлялась в отсутствие необходимой нормативной базы. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), к лету 1992г. (начало осуществления программы приватизации) более 2000 предприятий были приватизированы «стихийно» [21]. Только в 1991г. началась разработка законодательства о приватизации Законом РФ от 03.07.1991 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ» [22].

Одним из главных инструментов реализации приватизационных реформ стали так называемые залоговые аукционы, проведенные впервые в 1995г. На продажу были выставлены ряд крупнейших компаний. Аукционы назывались залоговыми, так как, в отличие от обычных аукционов, компании не продавались, а отдавались в залог. Однако выкуплены обратно они не были. Так, в период с ноября по декабрь 1995г. на залоговые аукционы были выставлены следующие предприятия: «Норильский Никель», «Лукойл», «ЮКОС», «Сиданко» (ныне ТНК-ВР), «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Новолипецкий металлургический комбинат», «Новороссийское морское пароходство» (Новошип), «Нафта-Москва», «Мечел», «Северо-Западное речное пароходство», «Мурманское морское пароходство».

Как видно из вышеперечисленного, среди главных предприятий, попавших под волну приватизации, лидирующие позиции занимают компании ТЭК. Считается, что подобные торги проводились по чрезвычайно заниженным ценам, что способствовало становлению в России олигополической системы в лице таких предпринимателей, как: Б. Березовский, Р. Абрамович, М. Ходорковский, В. Потанин и др. Таким образом, приватизация в начале 1990-х гг., превратившая ТЭК в частную собственность, сорвала на многие годы практику использования энергоресурсов в качестве основы государственной политики, отдав ее на откуп олигархам, вся деятельность которых целенаправленно оснащалась законодательной инфраструктурой [23].

Е. Гайдар и А. Чубайс в своей коллективной монографии [24] отмечают, что приватизация в России происходила на фоне банкротства Советского Союза, отсутствия валютных резервов, политической стабильности. Крупные предприятия, ставшие объектом приватизации, были должниками и бюджета, и своих работников. Многомесячные задолженности по зарплате в середине 1990-х годов – привычный элемент ежедневной жизни. Надежды мобилизовать крупные финансовые ресурсы за счет реализации таких государственных активов были малореалистичными. Тогда была другая задача: обеспечить контроль частных собственников, заинтересованных в эффективном функционировании предприятий, за их хозяйственной деятельностью [25].

Обосновывая вышеизложенную точку зрения, Е. Гайдар и А. Чубайс приводят пример приватизации нефтяной компании ТНК-ВР, основным активом которой был «Нижневартовскнефтегаз», после чего 50% ее собственности перешло к компании “British Petroleum”. Авторы отмечают, что если в 1991г. объемы добычи нефти в России упали на 10%, то уже к 2003г. был зафиксирован 10%-й прирост. Также, по их данным, благодаря приватизации в период с 1997 по 2008гг. значительно возросла капитализация таких ключевых предприятий, как «Лукойл», «Сургутнефтегаз» и «Норильский никель» (на 75, 34 и 52 млрд. Долларов, соответственно) [26].

Безусловно, для российского ТЭК приватизация сыграла во многом стимулирующую роль: переход в частный сектор способствовал переходу от социалистической к капиталистической модели экономики, формирующейся вокруг двух базовых принципов – равнодоступности и конкуренции. Очевидно, что оба принципа не в полной мере были соблюдены в ходе процесса приватизации. Сошлемся на академика Д.С. Львова, посвятившего последние годы своей жизни изданию ряда научных и публицистических трудов о всенародном праве на природные ресурсы: «то, что в России от Бога и не является делом рук человеческих, должно принадлежать всему обществу… Каждый гражданин РФ, независимо от национальности и места проживания, должен иметь равное право доступа к тому, что от Бога, и равное право на получение социального дивиденда…» [27].

Отметим, что в 1990-е гг. добыча нефти в России значительно упала, что, соответственно, сказалось и на экспортных показателях. В целом, был зафиксирован существенный спад внешней торговли, который только в период 1991–1992гг. сократился на 25% [28]. Вместе с тем, газовая промышленность, хотя и была поглощена волной приватизации и имела ряд проблем, тем не менее, продолжала демонстрировать относительную стабильность. В 1996г. добыча нефти составила лишь 301,3 млн. т. Среди причин падения нефтедобычи следует выделить такие факторы, как: сокращение спроса на внутреннем рынке вследствие глубокого экономического кризиса, а также снижение платежеспособности со стороны бывших советских республик и стран Восточной Европы – импортеров российской нефти и нефтепродуктов. Добыча нефти, а вместе с ней, и экспорт стабилизировались лишь в середине 90-х гг., а в начале 2000-х уже была заметна тенденция на их полную реанимацию (см.: Табл. 2).

Таблица 2

Производство и переработка нефти в РФ в 1990–2000гг. [13. с. 46].

Показатели	**1990**	**1992**	**1995**	**2000**
Добыча нефти, включая газовый конденсат, млн. т.	516,2	399,3	306,8	323,2
Прирост добычи нефти по сравнению с предыдущим годом, %	-6,5	-13,6	-3,5	6,0

Первичная переработка нефти, млн. т.	297,8	256,0	183,0	173,0
Доля переработки нефти в ее добыче, %	57,7	64,1	59,6	53,5
Глубина переработки нефти, %	65,2	64,1	62,9	71,0

Современный период. Начало данного периода выпадает на первый срок правления президента РФ В.В. Путина (2000–2004гг.), когда путем национализации основных предприятий ТЭК российские власти начали использовать энергоресурсы как один из главных инструментов своей внешней политики. Отметим, что, согласно академическому определению, *национализация* – это переход (перевод) материальных объектов из частной и (или) иных негосударственных форм собственности в государственную собственность с выплатой собственнику компенсации или без таковой. Национализация осуществляется принятием акта государственного органа, который может касаться как отдельных отраслей в целом, так и конкретных предприятий [29].

В рамках второго президентского срока В.В. Путина, длившегося с 2004 по 2008гг. данный вектор продолжал оставаться системообразующим в энергетической политике России.

В указанный период усилился контроль государственных структур над бизнесом, имеющим важное стратегическое значение для страны. В качестве примера можно привести нефтяную компанию «ЮКОС», которая в 2003г. благодаря приобретению новых активов заняла первое место в России по добыче нефти, потеснив «Лукойл». Название этой компании напрямую было связано с ее основателем и президентом М. Ходорковским, арестованным в том же 2003г. по обвинению в хищении чужого имущества, уклонении от уплаты налогов и ряде других преступлений (в частности, экс-глава «ЮКОС-а» обвинялся в хищении 350 млн. тонн нефти). Компании были предъявлены огромные финансовые претензии, погасить которые она не смогла. В 2004–2007гг. проводилась распродажа активов «ЮКОС-а». Основными покупателями стали государственные компании «Роснефть» и «Газпром». После распродажи всех активов компания была ликвидирована, а собранных средств хватило на выплату примерно 2/3 от суммы долга [30]. Бытует точка зрения, что преследования М. Ходорковского имели также политическую причину. В частности, отмечается намерение предпринимателя финансировать оппозиционные партии «Союз правых сил» и «Яблоко».

В качестве другого примера усиления государственного контроля над частным бизнесом может послужить приватизация компании «Сибнефть».

«Сибнефть» была приватизирована в 1996 году за 100 млн. долл. США в ходе залоговых аукционов [31]. При создании «Сибнефти» в ее состав были включены одни из самых перспективных предприятий России. Месторождения «Ноябрьск-

нефтегаза», основного добывающего предприятия «Сибнефти», находятся на ранней стадии разработки. Нефть Ноябрьска отличается низкой плотностью и малым содержанием серы, что позволяет продавать ее на мировом рынке под маркой “Siberian Light”, которая котируется выше, чем Urals. Дважды предпринималась попытка продать активы «ЮКОС-у» (в 1997 и 2003гг.), но обе сделки были расторгнуты [32]. Таким образом, «Сибнефть» стала последним крупным активом Р. Абрамовича в России. В 2005г. контролируемая государством компания «Газпром» выкупила 75,7% акций «Сибнефти» и поменяла ее название на «Газпром-Нефть» [33].

Можно констатировать, что в результате национализации активов «ЮКОС-а» и «Сибнефти» была значительно увеличена доля государства в нефтегазовой промышленности России.

Помимо «ЮКОС-а» и «Сибнефти», в период президентства В. Путина были национализированы ряд предприятий, что позволило усилить роль государства в экономике и создать базу для проведения более уверенной и амбициозной внешнеэкономической политики. Процесс национализации продолжается по сей день. При этом ее волна охватила как банковский, так и реальный секторы – энергетику, транспорт, высокотехнологическую отрасль и пр. Это вполне вписывается в принципы, оглашенные в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020г.», подготовленной Министерством экономического развития и торговли РФ в соответствии с поручением Президента по итогам заседания Государственного совета 21 июля 2006г. В рамках «Концепции» в качестве стратегического ориентира долгосрочного социально-экономического развития на указанный период ставится восстановление Россией статуса мировой экономической державы [34]. Очевидно, что сегодня для России первоочередным является всестороннее использование своих преимуществ, в том числе ресурсных, для достижения данной цели.

Обращаясь к показателям, вновь обратимся к производству и переработке нефти как ключевому ресурсному инструменту РФ. Как было отмечено ранее, начиная с 2000г. был взят курс на окончательную стабилизацию добычи и экспорта нефти (см.: Табл. 3).

Таблица 3

Производство и переработка нефти в РФ в 2005–2014гг. [13. с. 46]

Показатель	**2005**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**
Добыча нефти, включая газовый конденсат, млн. т.	470,0	505,1	511,4	518,0	523,3	526,7
Прирост добычи нефти по сравнению с предыдущим годом, %	2,4	2,1	0,8	1,3	1,0	0,6

Первичная переработка нефти, млн. т.	208,0	249,3	258,0	270,0	278,0	294,4
Доля переработки нефти в ее добыче, %	44,3	49,4	50,4	52,1	53,1	55,9
Глубина переработки нефти, %	71,6	71,7	70,8	71,5	71,7	72,4

Отметим, что в 2015г. в России был установлен новый рекорд по добыче нефти – 534, 081 млн. тонн. При этом экспорт российского сырья в страны дальнего зарубежья за 12 месяцев вырос на 10,6% по сравнению с 2014г. и достиг 220,267 млн. тонн. Вместе с тем, добыча природного газа за 2015 год снизилась на 1% относительно прошлогоднего показателя – до 635,349 млрд. куб. м. [35].

Наряду с этим, анализируя энергетическую политику России на современном этапе, невозможно обойти стороной также резкое падение цен на нефть в 2014г. и слабые попытки их стабилизации в 2015–2016гг. Падение до критической отметки 36 долл. США за баррель с примерно 125 долл. США в 2011–2012гг. напрямую отразилось не только на энергетической политике РФ, нацеленной уже на поиск новых оптимальных путей в подобной кризисной ситуации, но также на всю экономическую систему страны. Среди множества причин, повлиявших на новое ценообразование на мировых рынках нефти, можно выделить следующие: сокращение спроса на нее (в частности, со стороны Китая ввиду замедления темпа экономического роста, а также Евросоюза), военные конфликты в арабских странах, разочарование инвесторов в нефтяных фьючерсах, укрепление доллара, а также реализация сланцевых проектов в США, уже сегодня обеспечивающих до 10% мировой добычи. Не претендуя на всесторонний анализ этой весьма сложной и многоаспектной темы, все же отметим, что все вышеперечисленные факторы, а также антироссийские экономические санкции не ограничивают использование Россией своих энергоресурсов в качестве инструментов внешней политики в разных регионах мира. Последнее также касается газотранспортной отрасли: в качестве доказательства можно рассмотреть хотя бы проект строительства газопровода «Северный поток-2», который в условиях стремления Евросоюза и США загнать Россию в политическую изоляцию, тем не менее, рассматривается некоторыми ключевыми игроками европейской политики как экономически целесообразный, несмотря на его «несоответствие духу антироссийских санкций» [36]. Наряду с этим, следует в целом констатировать, что сложившаяся конъюнктура мирового энергетического рынка создает ряд рисков и угроз энергетической политике России. Выделим лишь некоторые факторы, напрямую влияющие на российские позиции в мировой системе энергоснабжения:

– замедленные темпы роста европейской экономики;

– рост уровня энергоэффективности в европейских государствах;

– стремление к диверсификации энергосистемы (к «зеленой энергетике»);

– реализация ряда сланцевых проектов (прежде всего со стороны США) и т.д.

Таким образом, нами проведена условная периодизация энергетической политики России, исходя из ее проведения в разных исторических условиях. Очевидно, что каждый из представленных периодов можно разделить на несколько субпериодов с детализацией тех или иных системообразующих специфик. Однако, тем самым, мы бы замахнулись на комплексное историческое исследование, результаты которого невозможно отобразить в рамках одной статьи. Более того, предложенная нами периодизация будет не раз подвергаться переосмыслению с появлением новых фактов и данных. Что касается рассматривамого нами современного периода российской энергетической политики, то он хоть и позволяет выявить основной вектор функционирования и определить ключевые тенденции в отрасли, тем не менее, в концептуальном смысле еще не предоставляет нам возможности делать окончательные выводы. Речь идет о том, что намеченная еще в середине 2000-ых годов программа модернизации отрасли и построения наукоемкой и инновационной экономики посредством использования средств, образующихся от продажи углеводороводов (норвежская модель), пока не достигнута: энергоресурсы, по сути, продолжают оставаться главным инструментом пополнения российского бюджета и участия страны в международных политических процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Олейнов А.Г.* Топливно-энергетический комплекс мира: Учебно-справочное пособие. М.: Навона, 2008. С. 429.
2. Там же. С. 431.
3. Там же. С. 438.
4. Там же. С. 447.
5. *Колева Г.Ю.* Нефть вместо угля: влияние венгерских событий 1956 г. на изменение в энергетической политике СССР / Вестник Томского государственного университета. 2015. N 399. С. 74.
6. Народное хозяйство СССР в 1958г. Статистический ежегодник. М.: Гос. стат. изд-во, 1959. С. 201.
7. *Гайзаков М.Н.* Валентин Дмитриевич Шашин – блистательный стратег нефтяной промышленности. М.:ФГУП ИЗд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2006. С. 213.
8. *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 102.
9. Президиум ЦК КПСС.1954-1964. Т.1. М., 2003–2008. С. 214.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.9.:1956-1960. М.: Политиздат, 1985С. 29.
11. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–30 октября 1961г.: Стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1962. С. 175.
12. Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964гг. М.: РОССПЭН, 2009. СС. 390–393.

13. *Некрасов В.Л.* Нефтегазовый комплекс и энергетические проблемы советской экономики (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. 2009. СС. 254–255.
14. Народное хозяйство в СССР в 1974г. Стат. ежегодник. М.: Статистика, 1975. 862 с.
15. *Аракелян А*. Вопросы научно-технического прогресса в свете решений XXVI съезда КПСС. 1981. С. 3.
16. Там же.
17. *Бобылев Ю.* Развитие нефтяного сектора в России // Вопросы экономики. 2015. № 6. СС. 45–46.
18. *Гайдар Е.Т*. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. С. 112.
19. Там же.
20. Совет Национальной Безопасности (СНБ) США – консультативный орган при президенте США // http://www.nationalsecurity.ru/library/00031/00031snb6.htm
21. Экономические обзоры Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). М.: Российская Федерация, 1995. С. 54.
22. Закон РФ о приватизации государственных и муниципальных предприятий от 03.07.91 N 1531-1
23. Россия на мировых рынках традиционной и новой энергетики / Под общ. ред. академика РАН С.А. Ситаряна. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 7.
24. *Гайдар Е., Чубайс А.* Экономические записки. М.: Российская политическая энциклопедия (ПОССПЭН), 2008. 191 с.
25. Там же. С. 31.
26. Там же. С. 32.
27. Выдержки из вступления академика Д.С. Львова на Рождественских образовательных чтениях 31 января 2006 года в Кремлевском дворце съездов // www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id=35fe0fb7-bcd4-4e8b-b5cb-362ebdb7e90b&_Language=ru
28. *Бодрова Е.В.* Деиндустриализация России в 90-е гг. как фактор торможения современных модернизационных процессов // Теория и практика общественного развития. 2014. N 16. С. 243.
29. Энциклопедический словарь конституционного права / Под ред. С.А. Авакяна. М.: Изд-во «Норма», 2000. 688 с.
30. ЮКОС – история взлета и падения // http://www.ngfr.ru/library.html?yukos
31. $13 billion Sibneft deal fulfills Gazprom ques / The New York Times. September 29, 2005.
32. **Сибнефть – от создания компании до покупки Газпромом //** http://www.ngfr.ru/library.html?sibneft
33. ОАО «Газпром-Нефть»: история компании // http://www.gazprom-neft.ru/company/history/
34. *Гайдар Е., Чубайс А.* Экономические записки. М.: Российская политическая энциклопедия (ПОССПЭН), 2008. С. 14.
35. РФ в 2015 году установила новый рекорд по добыче нефти // http://www.interfax.ru/business/488240
36. Меркель заступилась за «Севрный поток – 2» // http://www.gazeta.ru/business/news/2015/12/18/n_8029541.shtml

RUSSIAN ENERGY POLICY: THE ATTEMPT OF HISTORICAL PERIODIZATION

V. Davtyan

SUMMARY

The energy policy of Russia is studied by using the method of historical periodization. Three main periods – the Soviet, post-Soviet and contemporary, were considered by identifying their main features and trends. The problems of energy policy in a “Five Year Plan”, privatization and nationalization conditions were identified. The characteristics of Russia's energy policy are revealed; the main problems in the considered period are shown. The position of Russia on foreign energy markets in the context of global political processes is analyzed. Some of the factors affecting the strengthening of Russian positions on world markets are identified. The necessity of periodic historical analysis of energy policy in order to figure out its direct impact on the system of international relations is substantiated.

Keywords: energy policy, Russia, historical periodization, Soviet period, post-Soviet period, contemporary period, “Five Year Plan”, privatization, nationalization, geopolitics.

ՌՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԷՆԵՐԳԵՏԻԿ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ. ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՓՈՒԼԱԲԱԺԱՆՄԱՆ ՓՈՐՁ

Վ.Ս. Դավթյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ուսումնասիրվել է Ռուսաստանի էներգետիկ քաղաքականությունը՝ պատմական փուլաբաժանման մեթոդի կիրառմամբ: Դիտարկվել է երեք հիմնական ժամանակաշրջաններ՝ խորհրդայինը, հետխորհրդայինն ու ժամանակակիցը՝ դրանց առանձնահատկությունների ու հիմնական միտումների բացահայտմամբ: Ներկայացվել են էներգետիկ քաղաքականության խնդիրները «հնգամյակների», սեփականաշնորհման և ազգայնացման պայմաններում: Տրվել է Ռուսաստանի էներգետիկ քաղաքականության բնութագիրը, սահմանվել են հիմնական խնդիրները դիտարկված ժամանակաշրջաններում: Վերլուծվել են Ռուսաստանի դիրքերը արտաքին էներգետիկ շուկաներում՝ համաշխարհային քաղաքական գործընթացների համատեքստում: Բացահայտվել են Ռուսաստանի՝ համաշխարհային շուկաներում դիրքերի ամրապնդմանը խոչընդոտող որոշ գործոններ: Հիմնավորվել է էներգետիկ քաղաքականության պատմական վերլուծության պարբերական անցկացման անհրաժեշտությունը՝ ելնելով միջազգային հարաբերությունների համակարգի վրա դրա անմիջական ազդեցությունից:

Հիմնաբառեր՝ էներգետիկ քաղաքականություն, Ռուսաստան, պատմական փուլաբաժանում, խորհրդային շրջան, հետխորհրդային շրջան, ժամանակակից շրջան, «հնգամյակ», սեփականաշնորհում, ազգայնացում, աշխարհաքաղաքականություն:

ЭКОНОМИКА

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МИГРАЦИИ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ И КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ МЕГАЭКОНОМИКИ*

Г.А. Багратян

АННОТАЦИЯ

Стремительное развитие мировой экономики в условиях непрерывных интеграционных и глобализационных процессов порождает совершенно новые закономерности и тенденции хозяйственных отношений, которые, зачастую, необъяснимы и неформализуемы в рамках существующих теорий международной экономики. Данное утверждение касается как отношений на рынках товаров и услуг, так и на рынках факторов производства. Наблюдаемые в последние десятилетия тенденции развития вышеуказанных рынков свидетельствуют о необходимости выработки новых подходов к объяснению установления равновесия и прогнозирования их дальнейшего развития.

В данной статье мы ставим перед собой цель проанализировать причины и предпосылки движения двух основных факторов производства – труда и капитала, а также продемонстрировать существующие между данными рынками взаимосвязи с применением разрабатываемых нами подходов, методов и инструментов мегаэкономической теории.

Ключевые слова: мегаэкономика, миграция трудовых ресурсов, миграция капитала, установление равновесия.

С экономической точки зрения, глобальным является такой мир, где, по крайней мере, движение хотя бы одного ресурса экономики практически не ограничено. Когда экономическое измерение ресурса (фактора производства или же результата экономической деятельности в виде произведенного блага) становится глобальным, т.е. его производят глобально и потребляют глобально, то поведение такого ресурса начинает отходить от микроэкономических и макроэкономических правил и закономерностей, изученных ранее.

Как известно, трудовой ресурс является одним из самых мобильных среди классических факторов производства (труд, капитал, земля), и именно его движение в мировой экономике способствует выравниванию неравенства в распределении доходов среди различных стран мира. Для выявления основных предпосылок миграции трудовых ресурсов в мире необходимо провести анализ сложившейся в мире ситуации в области человеческих ресурсов, роста населения, его распределения и миграции. На Рисунке 1 представлен рост населения мира

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Мегаэкономика», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016гг.

за последние 1000 лет. Как видно из рисунка, если население мира оставалось практически неизменным в первом тысячелетии, то за второе тысячелетие численность населения мира увеличилось в 21 раз. При этом, наблюдаемый рост является экспоненциальным: чем большей становилась численность населения, тем большие темпы прироста наблюдались в дальнейшем. Во второй половине XX века, за 50 лет, население мира впервые удвоилось. В настоящее время, к началу XXI столетия, численность населения мира растет ежегодными темпами в 1.1–1.3% (2000г. – 1.33%, 2005г. – 1.25%, 2006г. – 1.24%, 2007г. – 1.23%, 2008г. – 1.23%, 2009г. – 1.22%, 2010г. – 1.21%, 2011г. – 1.2%, 2012г. – 1.17%, 2013г. – 1.2%, 2014г. – 1.2%[1]). При прочих равных условиях следующее удвоение численности населения мира должно состояться в 2045г., и на Земле будут жить более 12 млрд. человек [1. СС. 23–30].

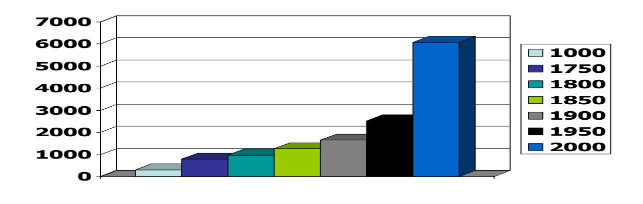

Рис. 1. Динамика роста населения мира за период 1000–2000гг.[2]

Само по себе увеличение населения мира не может быть причиной неравновесия. Проблема заключается в том, что прирост населения неравномерен. Так, за последние 100 лет население мира увеличилось в среднем в 3.59 раз, в то время как население европейских стран (стран, вне пределов бывшего СССР) увеличилось в 1.76, Китая – в 2.5 раза, Индии – в 4 раза, Африки –в 6.4 раз, большинства мусульманских стран – 6–8 раз. За эти же сто лет количество государств увеличилось с 53 до 208, ВВП, производимый во всем мире, вырос в 19 раз. В то же самое время, по показателю ВВП на душу населения «расстояние» (разрыв) между самым бедным и самым богатым государствами увеличилось. Так, если в настоящее время самое богатое государство (Люксембург) богаче самого бедного (Бурунди) в 763 раз[3], то сто лет назад разница между самыми богатыми и самыми бедными странами, по нашей оценке, составляла 180–200 раз.

[1] Источник: официальный сайт Всемирного банка, http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.GROW.

[2] Источник: Historical Estimates of World Population // US Census Bureau, http://www.k12science.org/curriculum/popgrowthproj/worldpop.html

[3] Источник: официальный сайт Всемирного банка http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD.

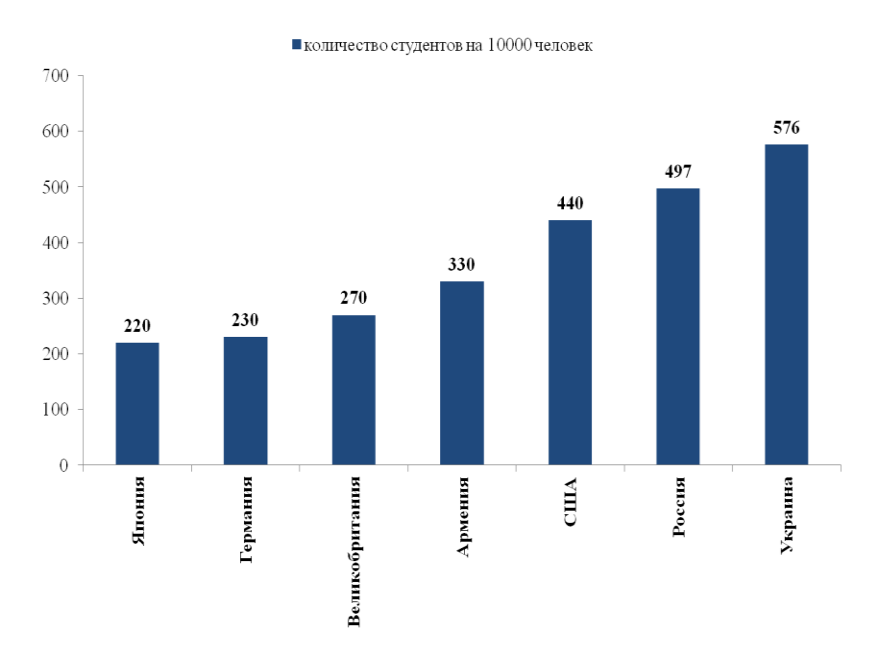
До 70–80-х годов прошлого столетия мировой рынок труда, как таковой, практически отсутствовал: национальные законодательства явно превалировали над общемировыми традициями. Более того, рынки капитала, ценных бумаг, товаров и услуг (за исключением рынков труда) всегда отличались большей универсальностью, по сравнению с рынками труда. Если до этого мировой рынок труда был явно менее мобильным, чем рынки других ресурсов (капитал, сырье, инновации), то в наши дни, наоборот, труд стал более мобильным ресурсом. Возможно, причиной такого положения стало невиданное доселе повышение уровня образованности во всем мире и возникновение такого явления, как всеобщее высшее образование в развитых странах в начале XXI века [2. С. 6]. Возникает система непрерывного образования. Емкость мирового рынка образования по оценкам ВТО составляет 50–60 млрд. долларов. 25% приходится на долю США, а 15% на долю Великобритании [2. С. 12]. За ними следуют Германия и Франция, на долю которых приходится по 10%, соответственно. В начале XXI века, по данным Всемирного банка, 90% мирового населения являлось грамотным[4]. Это, по нашему мнению, один из редких показателей (особенно по начальному и вторичному образованию), по которому, в принципе, большинство отсталых государств может конкурировать с самыми развитыми государствами. Такие же тенденции наблюдаются в сфере высшего образования. В 2005г. на 10 000 жителей России приходилось 495 студентов, США – 445, Германии – 240, Великобритании – 276, Японии – 233, в Украине – 573 [2. С. 12]. По числу студентов на 10000 человек восточноевропейские страны равны или даже опережают западные страны (рисунок 5)[5]. Украина, Эстония и Латвия дошли до уровня, когда практически все молодые люди получают высшее образование (600–670 студентов на 10 000 населения). В то же самое время на работу устраивается лишь 1/3 этой молодежи. Экономики вышеуказанных государств не в состоянии абсорбировать такой уровень образованности. В итоге, образованная молодежь начинает мигрировать даже в странах, в которых очевиден дефицит рабочей силы (страны Прибалтики, Южного Кавказа, Украина). Если образованная молодежь, мигрируя из страны, становится производителем дополнительного продукта в развитых странах, то аналогичные тенденции наблюдаются в африканских, латиноамериканских, дальневосточных и, других странах. Часто образованная молодежь выезжает на встречу с капиталом и не дожидается его прихода в собственную страну.

Таким образом, на наш взгляд, рост населения мира и уровня его грамотности резко повысили мобильность людей и создали предпосылки формирования новых условий равновесия в отношении этого ресурса (труда).

---

[4]Источник: официальный сайт Всемирного банка, http://data.worldbank.org/indicator/SE.PRE.ENRR.

[5] Источник: рассчитано и составлено автором на основе данных официальных сайтов Всемирного банка (http://data.worldbank.org) и Национальной статистической службы РА (www.armstat.am).

Проведенный нами анализ показывает, что если условно рассматреть нашу планету, как состоящую из трех цивилизаций (христианской, мусульманской и восточной), то нетрудно заметить, что земля, население, запасы природных ресурсов и объемы производимой продукции распределены крайне неравномерно (см. Рисунок 3). Так, христианское население контролирует 62.6% земной суши (без Антарктиды), тогда как составляет всего 27% населения. Для мусульманской цивилизации эти показатели составляют 23% и 23%, для восточной цивилизации 13% и 44%, соответственно.

Если же проанализировать то, как распределена мировая экономика между отмеченными выше цивилизациями, то мы получим следующую картину (рисунок 4): 57% производства мирового ВВП обеспечивает христианская цивилизация, 11% – мусульманская и 28% – восточная.

Неравномерность распределения факторов производства, в данном случае трудовых ресурсов и земли, порождает необходимость установления равновесия в мировой экономике. Мы полагаем, что эффективное равновесие возможно, если капитал будет мигрировать туда, где есть свободные трудовые ресурсы. Установление неэффективного равновесия также возможно: люди будут мигрировать туда, где есть капитал, но при этом предельная эффективность экономического роста будет снижаться.

---

[6] Источник:рассчитано и составлено автором на основе данных официальных сайтов Всемирного банка (http://data.worldbank.org) и Национальной статистической службы РА (www.armstat.am).

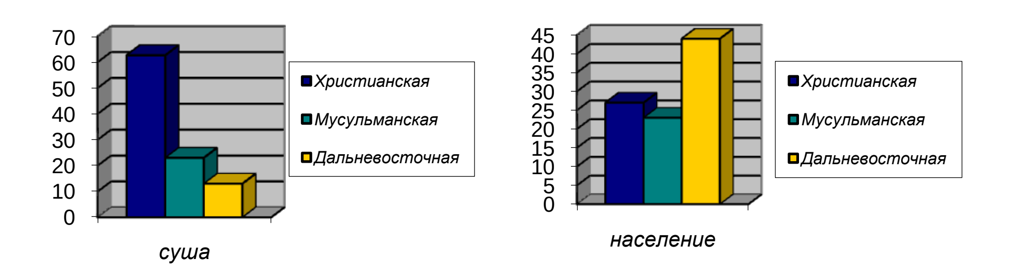

Рис. 3. Распределение населения и суши между цивилизациями мира[7].

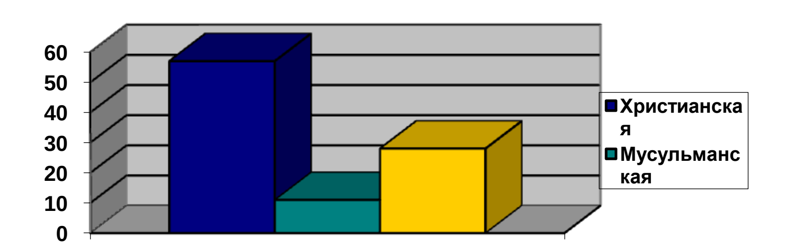

Рис. 4. Распределение мировой экономики между ведущими цивилизациями (% от мирового ВВП)[8].

По положению на конец 2015 года, как известно, самые крупные миграционные волны наблюдаются из Сирии, Ирака и Северной Африки и связанны с напряженной политической ситуацией в этих регионах. Но последние лишь спровоцировали уже наметившиеся твердые тенденции перевода дешевой рабочей силы в Европу и увеличения предельного продукта труда. В условиях, когда капитал Запада не мигрирует в быстрорастущие по численности населения страны арабского мира, Африки и другие страны исламского мира, повышение темпов роста экономики Европы невозможно.

Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод о том, что к началу XXI столетия преобладающей становится следующая тенденция: человеческие ресурсы устремляются к капиталу, сырью и технологиям, а не наоборот. Так, в настоящее время ежегодно мигрирует от 33.3 до 42.6 млн. человек[9]. По данным Всемирного банка, объем миграции (migrant stock) за 1991–1995гг. составлял 165.5 млн. человек, за 1996–2000гг. – 178 млн., за 2001–2005гг. – 194.7

---

[7] Источник: рассчитано и составлено автором по данным официального сайта Всемирного банка, http://data.worldbank.org.

[8] Источник: рассчитано и составлено автором по данным официального сайта Всемирного банка, http://data.worldbank.org и сайта “The Economist”, http://www.economist.com/node/16645990?story_id=16645990.

[9] Источник: рассчитано и составлено автором по данным официального сайта Всемирного банка, http://data.worldbank.org.

млн. и за 2006–2010гг. – 213.3 млн. человек[10]. Это означает, что количество мигрантов составляет более 1/3 прироста мирового населения. В 2000–2010гг. средний мировой уровень миграции колебался в пределах 0.495–0.75%. Основной поток мигрантов шел из Мексики (-2,6млн. человек ежегодно), Китая (-2,3 млн.), Индии (-1,9 млн.), Пакистана (-1,8 млн.), Бангладеша (-1,5 млн.), Филиппин (-1,1 млн.), Мьянмы (-1 млн.), Северной Африки (-1,8 млн.) и т.д.[11] Экономики этих стран все еще не в состоянии эффективно и полностью абсорбировать «выращенную» рабочую силу. При этом, миграция позволяла сближать, выравнивать предельные продукты труда, капитала и ресурсов между регионами мировой экономики.

Если проанализировать основные направления движения мигрантов, то получается, что основными странами-реципиентами мигрантов являются США (+6,1 млн.), Испания (+2,8 млн.), Италия (+1.85 млн.), Канада (+1,1 млн.), Россия (+1,6 млн.), Великобритания (+0,95 млн.) и другие стран[12]. Это подтверждает высказанную ранее мысль о необходимости применения мегаэкономического подхода к установлению общего равновесия в мировой экономике, основывающегося на равновесии по предельным продуктам факторов производства во всем мире. С этой точки зрения въезд мигрантов в Европу, Россию, США, Канаду и другие страны с большой емкостью экономики является потребностью этих стран. Это дает шанс удешевить производство единицы продукции данных стран и сделать более конкурентоспособными их национальные экономики. Однако все это снижает эффективность экономического роста и создает волнообразные и нестабильные тенденции движения мировой экономики.

Наряду с этим, иммигрировавшая рабочая сила в указанных странах получает возможность для более экономного, производительного (инновационного) применения услуг своего труда, что ускоряет процесс становления мегаэкономического равновесия. Миграция людей также позволяет интернационализовать экономику национальных государств, способствует демократизации обществ.

Судя по основным потокам мигрантов, человеческие ресурсы присутствуют там, где есть дефицит сырья и капитала. Дальнейший анализ движения капитала в мире покажет также, что капитал присутствует там, где наблюдается дефицит человеческих ресурсов (но в меньшей степени, нежели дефицит капитала в трудоизбыточных регионах) и, наконец, минеральное сырье находится там, где наблюдается как дефицит рабочей силы, так и дефицит капитала, но вновь в гораздо меньших размерах, нежели в предыдущих случаях.

Таким образом, как нам представляется, мегаэкономическое назначение миграции людей заключается в невиданном доселе быстром росте населения мира и его пространственном перемещении, что позволяет повысить предельный про-

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же.

дукт труда, возвращает экономическую систему в равновесное состояние и создает резервы для экономического роста.

Естественно, что каждая реакция порождает антиреакцию. Мигрантофобия по положению на сегодняшний день заложена в повестке общественной жизни развитых стран. Этнический состав стран ЕС меняется крайне быстро (см. Рисунок 5). Это порождает напряженность в обществе и противостояние. Тем не менее, в целом мигрантоемкость развитых западных экономик повышается, что является существенным источником экономического роста.

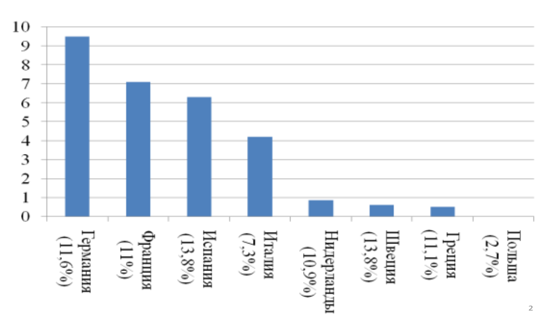

Рис. 5. Население, родившееся за пределами страны, млн. чел. (2009г., в % к населению)[13].

Возникает вопрос: почему в большей степени люди устремляются навстречу капиталу, а не наоборот? Ответ на этот вопрос прост: *вывоз капитала недостаточно балансировал, а порою и дисбалансировал мировую экономику*. Накануне мирового экономического кризиса 2008–2009гг. объемы прямых иностранных инвестиций существенно сократились. Так, если в 2000 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в объеме 1.4 трлн. долларов составляли 4.4% мирового ВВП, то в 2006г. – 3.2% (2 трлн. долларов)[14]. Однако во время кризиса объемы ПИИ снизились до уровня 1.2% мирового ВВП. В посткризисный период (2009–2011гг.) объемы ПИИ вновь выросли до 2 трлн. долларов или до 2.5% мирового ВВП. Но за 2012–2014гг. вновь произошло их резкое падение до уровня 0.9 трлн. долларов или примерно до уровня 1% мирового ВВП. Это, конечно, негативный сигнал, возвещающий о возможности нового кризиса в 2015–2016гг. или же большого перетока мигрантов (по сути дела эти процессы происходили летом 2015г.).

При этом, постепенно преобладающей становится еще одна тенденция: основная масса ПИИ идет в развитые страны (Рисунок 6). Эти потоки в большей степени из менее развитых стран направлены в более развитые. Рисунок наглядно демонстрируют, что тенденция перетока капитала из менее развитых стран в более развитые из года в год становится сильнее.

---

[13] Источник: Официальный сайт “The Economist”, 2010. November 13th –19th. P. 35.

[14] Источник: Официальный сайт “The Economist”. “Foreign direct investments”. 2007, January 20th – 26th. P. 109.

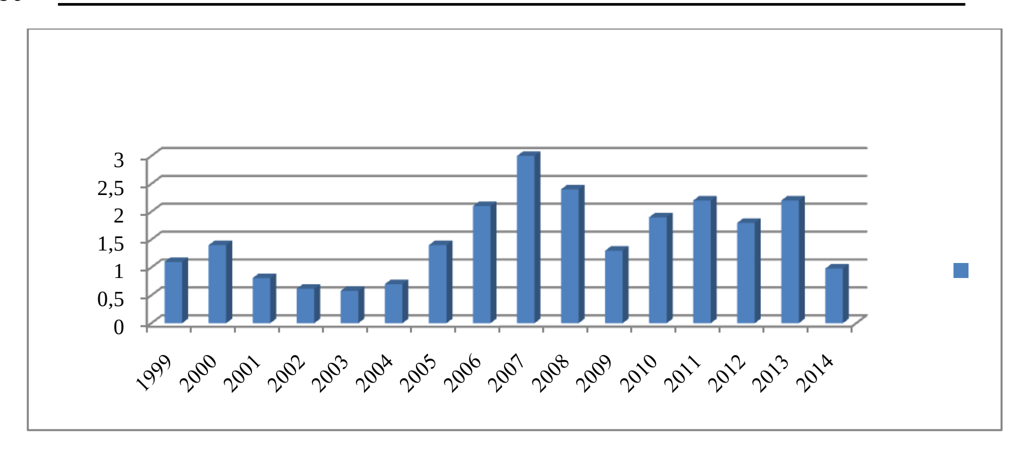

Рис. 6. Чистые притоки в мире ПИИ за период 1999─2014гг., (млрд долл. США)[15].

Совершенно очевидно, что со временем меняется сама география развитых стран. Одни страны сменяют другие. На рисунке 8 мы видим, как за столетие (1914–2009гг.) менялось лидерство ведущих стран мира по вывозу капитала. Изначально бесспорным лидером была Великобритания (45% от всех ПИИ в мире). Однако, начиная с 1945г., США стали уверенно опережать Великобританию, доля которой к 70-м годам XX столетия упала до 8%. Тем временем, доля США в общемировых ПИИ росла и преодолела рубеж в 50%. Начиная с 80-х годов прошлого столетия, в данной сфере активизируется Япония, которая к 90-м годам заняла 12% мирового рынка ПИИ. За последнее десятилетие (период после 2000г.) резко стала расти роль Китая. За 2002–2010гг. ПИИ Китая увеличились с 2.5 до 40 млрд. долларов.

Тем не менее, никаких долговременных тенденций вывоза капитала из развитых стран в развивающиеся не существует. Развитые страны считаются развитыми именно потому, что больше притягивают к себе ресурсы. Разумеется, что такое развитие в мегаэкономике, с какого момента начинает в определенной степени тормозить общемировой экономический прогресс. Итак, мы пришли к выводу о том, что движение капитала в форме ПИИ не способствовало установлению равновесия в мировой экономике. Во-первых, доля инвестиций в экономике падала, во-вторых, инвесторы предпочитают менее прибыльные, но более надежные рынки. Это снижает предельный продукт капитала и усиливает тенденцию миграции рабочей силы.

Логичным объяснением данного явления может быть предположение о том, что мировое равновесие на рынке капиталов устанавливалось не через вывоз капитала, а путем поглощений. Однако проведенные нами исследования не подтверждают данную гипотезу. На рисунке 9 мы видим, что, во-первых, удельный вес поглощений достаточно низок (1-3% мирового ВВП) и, во-вторых, в поглощениях, также, как и ПИИ, быстро повышается удельный вес развивающихся стран. Так, если изучить географию поглощений, то можно отметить, что за

[15] Источник: Официальный сайт «The Economist», «FDI inflows». 2007, January 20th – 26th. P.109.

2000–2010гг. их объем составлял 135 млрд. долларов для Китая, около 110 млрд. долларов – для стран Ближнего Востока и Северной Африки, 81 млрд. долларов – для ОАЭ, 80 – для Сингапура, 60 – для Бразилии, 58 – для Индии, 52 – для России, 50 – для других стран Азии, 34 для Мексики и 56 млрд. долларов для остальных развивающихся стран и стран с переходной экономикой[16].

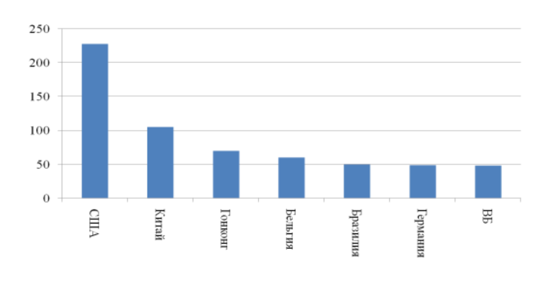

Рис. 7. Притоки ПИИ в некоторых странах мира в 2010г. (млрд долл. США)[17].

Эти 716 млрд. долларов были направлены в США (около 195 млрд. долларов), Великобританию (135 млрд.), Канаду (84 млрд.), Австралию (79 млрд.), Италию (32 млрд.), Германию (28 млрд.) и в другие развитые страны (163 млрд. долларов)[18].

Таким образом, движение капитала в форме ПИИ не способствовало установлению равновесия в мировой экономике. Во-первых, доля инвестиций в экономике падала, во-вторых, инвесторы предпочитают менее прибыльные, но более надежные рынки. Это снижает предельный продукт капитала и усиливает тенденцию миграции людей. При таком ходе событий вывоз капитала все в большей мере дисбалансирует развитие мировой экономики.

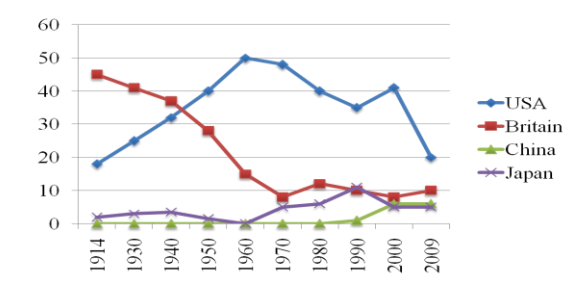

Рис 8. Изменения динамики притока ПИИ по географическому признаку, (в %-ах к общему объему)[19].

[16] Источник: Официальный сайт “The Economist”, September 24th – 30th, Special Report. P. 25.

[17] Источник: Официальный сайт “The Economist’, “FDI inflows”, 2011, July 30th – August 5th. P. 6.

[18] Источник: Официальный сайт “The Economist”, September 24th – 30th, Special Report. P. 25.

[19] Источник: Официальный сайт “The Economist”. 2010. 13–19 November. P. 78.

Как известно, одним из самых существенных последствий миграции рабочей силы, оказывающих значительное влияние на мировую экономику, являются частные иностранные денежные трансферты. В связи с этим, закономерным становится вопрос о том, в какой мере они способствовали установлению общемирового экономического равновесия.

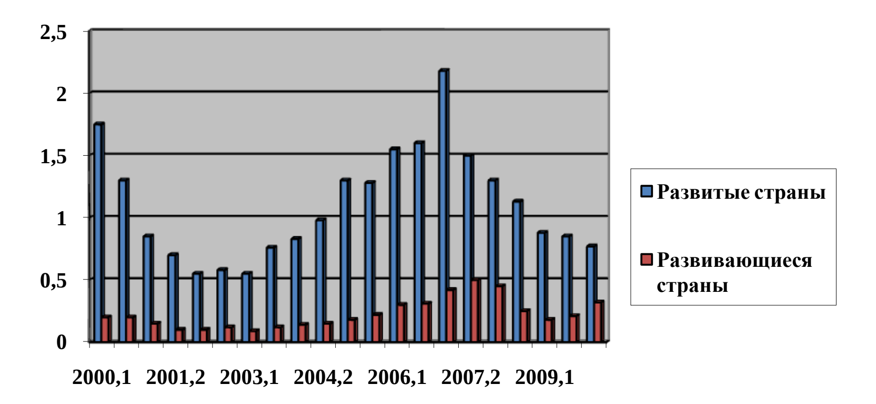

Рис. 9. Глобальные поглощения в 2000─2010гг, (в трлн долл. США)[20].

Проведенный нами анализ потоков частных иностранных денежных трансфертов за период 2000–2014гг. показывает (см. таблицу 1), что в целом роль трансфертов в перераспределении доходов между странами слишком низка и не превышает 0.4–0.67% мирового ВВП.

Таблица 1

Объемы ВВП и частных денежных переводов в мире за 2000–2014гг., млрд. долларов[21].

Годы	**ВВП**	**ЧДП**	**ЧДП в процентах к ВВП**
2000	33276	136	0.4
2002	34359	172	0.5
2004	43464	240	0.55
2006	50971	306	0.6
2008	62982	421	0.67
2010	65489	429	0.66
2012	74041	488	0.66
2014	77868	343	0.44

[20] Источник: Официальный сайт “The Economist” “Global mergers and acquisitions”. 2010, July 1st и 2011, August 20th – 26th. P. 90.

[21] Источник: рассчитано и составлено автором по данным официального сайта Всемирного банка.

По отдельным странам, ЧДП также растут достаточно быстрыми темпами, но они же не в состоянии обеспечить необходимый приток капитала в регионы, где наблюдается высокий уровень рождаемости. Даже в странах, где в 2014г. эти ЧДП представляли значимую по отношению к ВВП величину (Кыргызстан – 30.1%, Молдова – 26.1%, Армения – 19.1%, Ливан – 17.7%, Босния и Герцоговина – 11.3%, Бангладеш – 9%, Филиппины – 9.9%, Пакистан – 6.9%, Нигерия – 4.5%)[22], приток такого капитала не в состоянии обеспечить эффективной занятости молодежи, достигающей трудоспособного возраста. И вновь денежные трансферты в целом обеспечивали перемещение лишь 0.5% мирового ВВП.

Таким образом, на наш взгляд, ни экспорт капитала, ни поглощения и трансферты не балансировали мировую экономику. Разница в уровне капиталовооруженности единицы труда между развитыми и развивающимися государствами не сокращалась и проявляла четкие тенденции поляризации в сторону развитых государств.

Исходя из проведенных нами исследований и всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в рыночном пространстве глобальной экономики принципы экономики (экономической теории) меняются без существенных преград. Современной мировой экономике свойственна объективная необходимость равновесия и выравнивания предельных продуктов ресурсов. Если движение хотя бы одного ресурса свободно, то постоянный перелив ресурсов между регионами становится неизбежным. Принципы экономики (как микроэкономики, так и макроэкономики), рассчитанные на замкнутые пространства меняются. Возникает мегаэкономика – наука, изучающая принципы, природу, характер и специфику равновесия в мировой экономике [2] и предполагающая разработку кардинально новых подходов к выявлению условий его установления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багратян Г.А., Кравченко И.* Введение в мегаэкономику: теория, методология, практика. Монография. Киев, УБД НБУ, 2012.
2. *Мау В.А., Клячко Т.Л., Климов А.А., Носкова М.В*. Российское образование: тенденции и вызовы: сборник статей и аналитических докладов. М.: Изд-во «Дело», АНХ, 2009.

THE MAIN PREREQUISITES OF LABOR AND CAPITAL MIGRATION IN THE TERMS OF MEGAECONOMICS

H. Bagratyan

SUMMARY

The rapid development of the world economy in the terms of continuous integration and globalization processes generates a completely new patterns and trends of economic relations, which are often inexplicable and non-formalizable within the existing theories of international economics. This statement concerns relationships in the markets of goods and servic-

[22] Там же.

es and the factor markets as well. The observed trends of the development of the abovementioned markets in the last decades indicate the necessity of new approaches to the explanation of the establishment of equilibrium and prediction of their further development.
In this research work, we set a goal to analyze the causes and conditions of movement of two basic factors of production – labor force and capital, and also demonstrate the existing relationship between these markets using developed by us approaches, methods and tools of megaeconomics.
Keywords: megaeconomics, migration of labor, migration of capital, equilibrium establishment.

ԱՇԽԱՏԱՆՔԱՅԻՆ ՌԵՍՈՒՐՍՆԵՐԻ ԵՎ ԿԱՊԻՏԱԼԻ ՄԻԳՐԱՑԻԱՅԻ ՀԻՄՆԱԿԱՆ ՆԱԽԱԴՐՅԱԼՆԵՐԸ

Հ.Ա. Բագրատյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Համաշխարհային տնտեսության սրընթաց զարգացումը ինտեգրացիոն և գլոբալիզացիոն շարունակական գործընթացների պայմաններում ի հայտ է բերում տնտեսական հարաբերությունների բոլորովին նոր օրինաչափություններ և միտումներ, որոնք հաճախ անբացատրելի են միջազգային տնտեսագիտության առկա տեսությունների շրջանակներում: Տվյալ պնդումը վերաբերվում է ինչպես ապրանքների և ծառայությունների, այնպես էլ ռեսուրսների շուկաներում գոյություն ունեցող տնտեսական հարաբերություններին: Վերը նշված շուկաների զարգացման նկատվող միտումները վերջին տասնամյակներում վկայում են դրանց հետագա զարգացման և դրանցում հավասարակշռության բացատրման համար նոր մոտեցումների մշակման անհրաժեշտության մասին:
Ներկայացվող գիտական աշխատանքում մենք մեր առջև նպատակ ենք դնում վերլուծել երկու հիմնական արտադրության գործոնների՝ աշխատուժի և կապիտալի շարժի պատճառներն և նախապայմանները, ինչպես նաև ցույց տալ նշված շուկաների միջև գոյություն ունեցող կապերը՝ մեր կողմից մշակվող մեգատնտեսագիտության մոտեցումների, մեթոդների և գործիքների կիրառմամբ:
Հիմնաբառեր՝ մեգատնտեսագիտություն, աշխատուժի միգրացիա, կապիտալի միգրացիա, հավասարակշռության հաստատում:

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЧАСТНЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В КОНТЕКСТЕ МЕГАЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ*

И.Б. Петросян

АННОТАЦИЯ

Развитие мировой экономики в последние десятилетия неразрывно связано со взаимопереплетающимися процессами глобализации и интеграции. Мир меняется под воздействием глобализационных процессов. Как известно, одним из основных процессов, порождающих мегаэкономические взаимосвязи, является миграция населения.
В современном мире международная миграция продолжает играть огромную роль, как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Мегаэкономические взаимосвязи возникают вследствие того, что мигранты, вне зависимости от причин миграции (вынужденное переселение, трудовая миграция и т.п.), способствуют перемещению денежного и человеческого капитала и, таким образом, воздействуют на все макроэкономические показатели как страны своего происхождения, так и принимающих стран, тем самым, углубляя их взаимозависимость.
В данной научной работе мы ставим перед собой цель проанализировать причины и предпосылки движения труда, а также продемонстрировать существующие в данной сфере взаимосвязи с применением разрабатываемых нами подходов, методов и инструментов мегаэкономической теории.
Ключевые слова: мегаэкономика, миграция трудовых ресурсов, частные иностранные денежные трансферты.

Развитие мировой экономики в последние десятилетия неразрывно связано со взаимопереплетающимися процессами глобализации и интеграции. Мир меняется под воздействием глобализационных процессов. Страны, общества и экономики различных регионов становятся все более и более интегрированными и взаимозависимыми. Новые технологии стимулируют стремительное передвижение рабочей силы, капитала, товаров, услуг, информации и инноваций из одних стран и регионов в другие. Глобальная экономика расширяется, и закономерности ее развития уже зачастую сложно объяснять в рамках существующих в экономической науке теорий. Углубляющиеся взаимосвязи между экономиками всех стран мира требуют разработки кардинально новых подходов и методов к исследованию тенденций их развития и изучения всех происходящих процессов с мегаэкономической точки зрения.

Как известно, одним из основных процессов, порождающих мегаэкономические взаимосвязи, является миграция населения. Миграция населения всегда была

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Мегаэкономика», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016гг.

постоянной и значимой характеристикой истории развития человечества. Она способствует процессам глобального экономического роста, имеет свою неоспоримую роль в эволюции стран и обществ. В современном мире международная миграция продолжает играть огромную роль как на национальном, так и на региональном и глобальном уровнях. Мегаэкономические взаимосвязи возникают вследствие того, что мигранты, вне зависимости от причин миграции (вынужденное переселение, трудовая миграция и т.п.), способствуют перемещению денежного и человеческого капитала и, таким образом, воздействуют на все макроэкономические показатели как страны своего происхождения, так и принимающих стран, тем самым, углубляя их взаимозависимость. Это, в свою очередь, приводит к таким эффектам, как: перераспределение доходов между различными странами мира, изменение предельной производительности капитала и труда в их экономиках, большая уязвимость по отношению к внешним шокам.

Усиление потоков миграции в последние годы является характеристикой текущей стадии глобализации, и воздействие перемещения рабочей силы на состояние глобальной экономики довольно ощутимо. В большей части стран-реципиентов мигрантов нанимают не только для выполнения работ, которые не готово выполнять местное население. Очень часто они вовлечены в высокодоходные виды деятельности, для ведения которых местное население не обладает соответствующими навыками.

В некоторых странах целые секторы экономики и сферы общественных услуг очень сильно зависят от услуг труда мигрантов и будут не в состоянии функционировать, если мигрантов перестанут нанимать. Мобильность человеческих ресурсов стала интегральным компонентом глобальной экономики. В большом количестве развитых стран и обществ наблюдаются, как известно, снижающиеся темпы рождаемости, вследствие чего население данных стран имеет тенденцию к прогрессивному уменьшению и старению. В результате, указанным странам становится все сложнее поддерживать имеющийся уровень производительности, сохранять устойчивую систему пенсионного и социального страхования. В то же самое время, растущая конкурентоспособность в глобальной экономике привела к процессам экономической реструктуризации, приведшей к сокращению рабочих мест, доступных в частном и общественном секторах экономики развивающихся стран. Это одновременно создало спрос на рабочую силу в развитых странах, готовую оказывать услуги труда в сложных условиях труда и за низкую заработную плату. Мигранты из развивающихся стран способствуют заполнению рабочих мест в низкодоходном сегменте рынка труда и, как показывают тенденции, будут продолжать это делать. В высокодоходном сегменте рынка труда спрос на услуги труда мигрантов для заполнения вакансий в высокодоходных и основанных на знаниях секторах экономики, столкнувшихся с глобальным дефицитом работников с соответствующими знаниями, навыками и квалификациями, также растет.

Международная миграция – феномен глобальной экономики как с точки зрения своей масштабности, так и с точки зрения сложности, и воздействует

практически на все страны мира. Количество мигрантов в последние годы растет быстрыми темпами по ряду причин: возможность трудоустройства (наличие рабочих мест), дефицит рабочей силы вследствие падения уровня рождаемости, внутренние конфликты и войны, стихийные бедствия, климатические изменения, а также улучшение доступа к информации вследствие развития телекоммуникаций, в том числе, мобильной связи и сети Интернет.

Однако социальные, экономические и политические последствия мобильности населения зачастую разнообразны и неизвестны.

Более 247 миллионов людей или 3,4 процента населения мира живут за пределами страны происхождения [1]. И, несмотря на то, что численность мигрантов возросла со 175 миллионов в 2000 году до 247 миллионов в 2013 году, а, по предварительным подсчетам, в 2015 году численность мигрантов возросла до 251 миллиона человек [1], тем не менее, доля мигрантов в общей численности населения мира продолжает составлять примерно 3%, и этот показатель остается практически неизменным в течение последних 15 лет.

Одной из основных причин международной миграции всегда считают дифференциацию в уровне доходов между странами, социально-экономическую нестабильность и чрезмерный рост населения, которые традиционно именуют подталкивающими факторами (push-factors). Однако, с другой стороны, международная миграция может отрицательно воздействовать на отправляющую страну через канал потери человеческих ресурсов, зачастую принимающей форму «утечки мозгов», а также за счет потенциального истощения запаса рабочей силы вследствие ее передвижения на всех сегментах рынках труда. В прошлом внимание фокусировалось на двух взаимосвязях, однако международное научное сообщество склоняется также и к третьей, крайне важной взаимосвязи – международная миграция может внести существенный вклад в развитие страны, отправляющей мигрантов. Международная миграция несет в себе важный потенциал улучшения стандартов жизни и снижения уровня бедности за счет перераспределяющей функции частных иностранных денежных трансфертов, присылаемых мигрантами в страны своего происхождения. Диаспора аккумулирует огромные запасы человеческого и финансового капитала и способствует социальному и экономическому развитию отправляющей страны.

Во многих развивающихся странах трансферты, присылаемые мигрантами, составляют более существенную часть дохода, чем официальная помощь развитию и прямые иностранные инвестиции.

На сегодняшний день мигранты отправляют в развивающиеся страны частные иностранные трансферты в размере около 441 млрд. долларов, что три раза превышает объемы иностранной помощи развитию. Эти потоки наличности составляют более 10% ВВП в более, чем 25 развивающихся странах и наращивают возможности инвестиций в здравоохранение, образование, развитие малого бизнеса. Как известно, миграционные процессы приводят к двухсторонним эффектам: с одной стороны, миграция приводит к утечке высококвалифицированной

рабочей силы из малых бедных стран, что приводит к снижению деловой активности, однако, с другой стороны, она порождает ряд выигрышей, таких, как рост объемов торговли, инвестиций, трансфер знаний и технологий.

Потоки миграции рабочей силы направлены по большей части в страны с мощным экономическим потенциалом, и именно данные страны являются самыми крупными «донорами» частных трансфертов. Для подтверждения данной мысли необходимо проанализировать статистику потоков миграции. На рисунке 1 представлены первые десять стран, куда направлялись самые крупные потоки иммиграции в 2014 году. Как видно из рисунка, основными реципиентами мигрантов являются либо страны с высоким уровнем ВВП на душу населения (США, Саудовская Аравия, Германия и т.д.), либо же страны с мощным экономическим потенциалом (Россия, Австралия). Примечательно и то, что по доле иммигрантов в общей численности населения, ведущие места в мире занимают другие страны. Как можно увидеть на рисунке, это – малочисленные страны, в том числе три из десяти – нефтедобывающие. Потоки миграции в последние обусловлены недостатком в них высококвалифицированной рабочей силы. Также притоку рабочей силы способствует достаточно высокий уровень оплаты труда в этих странах.

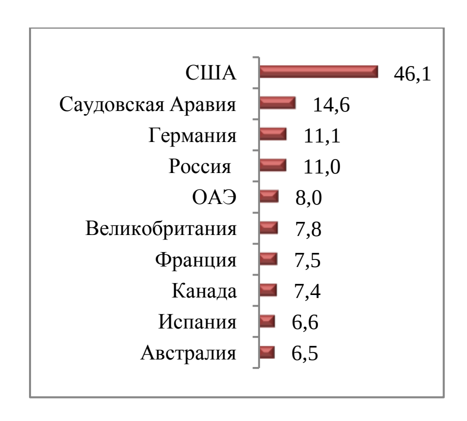

Рис. 1а. Крупнейшие страны-реципиенты мигрантов в 2014г. (в млн. чел.) [1].

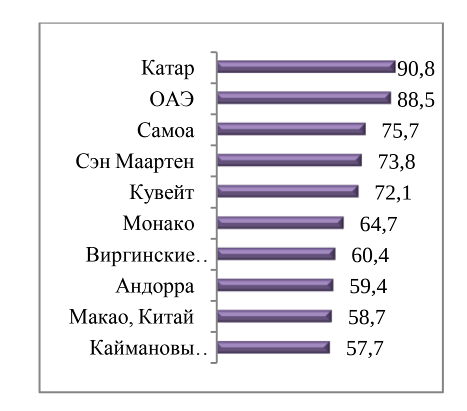

Рис. 1б. Крупнейшие страны-реципиенты мигрантов в 2014г. (в % от числ. населения) [1].

Однако необходимо отметить, что если в предыдущие десятилетия преобладающей тенденцией было перемещение рабочей силы из развивающихся стран в развитые, то на сегодняшний день миграция рабочей силы между развивающимися странами (так называемая “South-South” миграция[1]) стала доминирующей, что можно увидеть на рисунке 2. Данное явление можно объяснить рядом причин, в том

[1] Определение «Север» и «Юг» взято из классификации ООН, согласно которой к «Северу» относятся развитые страны (США, Европа, Япония, Австралия и Новая Зеландия), а к «Югу» – развивающиеся.

числе и тем, что миграционные потоки предыдущих периодов привели к уменьшению разрыва между доходами развитых стран и ряда развивающихся и повышению предельной производительности труда в последних с одновременным ростом его стоимости.

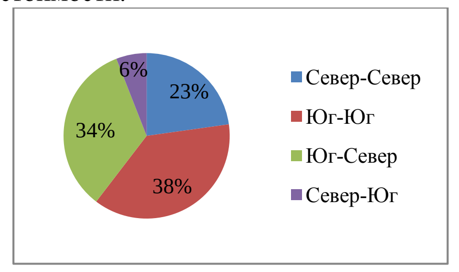

Рис. 2а. Распределение потоков миграции в 2014г. (в % от общей числ.) [1]

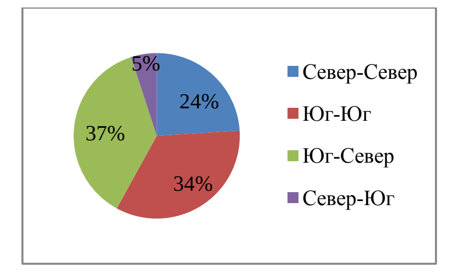

Рис. 2б. Распределение потоков частных трансфертов в 2015г. (в % от общей числ.) [1]

Если же проанализировать потоки частных трансфертов в мире, то можно обнаружить, что крупные реципиенты мигрантов также являются самыми крупными донорами частных трансфертов (рис.3). Шесть из десяти крупнейших стран-реципиентов мигрантов входят в состав крупнейших доноров трансфертов. Причем наиболее информативным является показатель абсолютного объема присылаемых трансфертов, поскольку страны, занимающие первые места в рейтинге по доле присылаемых трансфертов к ВВП, не так уж значимы по абсолютному их объему.

Что касается реципиентов частных трансфертов, то в абсолютных показателях крупные развивающиеся страны, такие, как: Индия, Китай, Мексика и Филиппины получают большую долю мировых трансфертов. Тем не менее, в относительных показателях малые и средние страны обычно больше зависят от трансфертов. Отношение объема трансфертов к ВВП в размере от 15 до 20% – не редкость для стран с большой диаспорой. В некоторых случаях, это отношение может быть выше (от 27 до 40%). Действительные показатели еще выше этих, поскольку трансферты в наличных часто привозятся мигрантами или отправляются через третьи лица и не декларируются при входе в страну [2].

Рис. 3а. Крупнейшие страны-доноры трансфертов в 2014г. (в млрд. долл.) [1].

Рис. 2б. Крупнейшие страны-доноры трансфертов в 2014г. (в % от ВВП) [1].

На рисунке 4 представлены самые крупные получатели трансфертов по отношению к показателю ВВП.

Все страны-реципиенты входят в группу развивающихся, и по классификации Всемирного банка, это– страны с низким и средним уровнем дохода.

Изучение динамики поступления частных трансфертов во всем мире позволяет сделать вывод о том, что они имеют наибольшую значимость именно для развивающихся стран. Примечательно также и то, что из 11 изученных стран 4 страны – это страны постсоветского пространства.

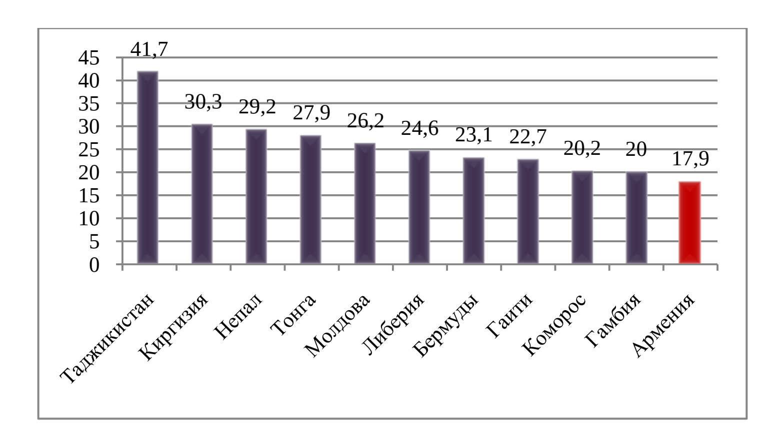

Рис. 4. Крупнейшие страны-реципиенты частных трансфертов в 2014г. (в % от ВВП) [3].

Потоки частных трансфертов в развивающиеся страны неуклонно росли на протяжении последних сорока лет, и на сегодняшний день их объем превышает 431 млрд. долларов, а общемировой поток трансфертов на 2015 год, по предварительным оценкам, составил 601 млрд. долларов. Необходимо отметить, что в 1975 году их объем составлял всего 2,9 млрд., а в 2003 – порядка 100 млрд., т.е. менее чем за пятнадцать лет произошел их более чем шестикратный рост. Объем официально зарегистрированных трансфертов, поступающих в развивающиеся страны, превысил объем официальной помощи развитию в три раза, и в текущем периоде составляет немного менее двух третей валового объема прямых иностранных инвестиций. Согласно данным, на 2014 год частные трансферты составляют примерно 2% ВВП всего развивающегося мира, и этот показатель стабилен уже более 5 лет. Проанализировав динамику потоков частных трансфертов в мире с 1970 по 2014 год (Рис. 5), мы выяснили, что с начала 70-ых годов потоки трансфертов в мире неуклонно росли, однако наиболее сильный рост наблюдался именно в последнее десятилетие. Также постоянно растет показатель объема трансфертов в среднем на одну страну.

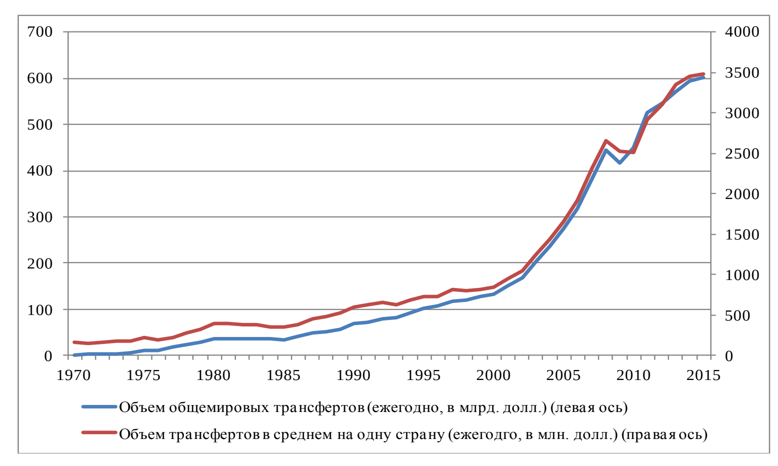

Рис. 5. Динамика общего и среднего объема трансфертов в мире в 1970–2015гг. [3].

Если же сравнить потоки иностранной помощи и прямых иностранных инвестиций с потоками частных трансфертов, то необходимо отметить, что роль последних в мире неуклонно растет. На рисунке 5 показана динамика указанных потоков капитала за период с 1990 по 2010 годы в развивающихся странах.

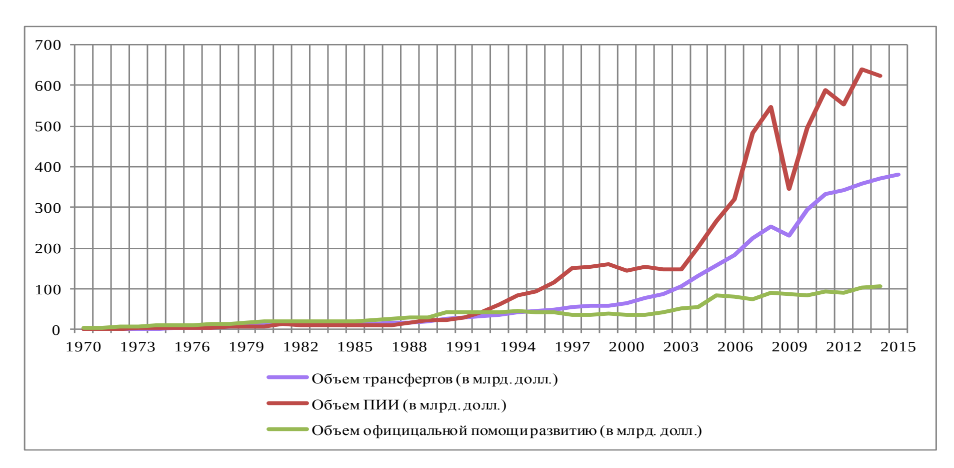

Рис. 6. Динамика объемов трансфертов, ПИИ и официальной помощи развитию в развивающихся странах в 1970–2015гг. [3].

Как и отмечалось выше, объем присылаемых частных трансфертов с середины девяностых годов опережает объем официальной помощи развитию. Примечательно то, что спад во всех потоках наблюдается в 2009 году, т.е. в период мирового финансово-экономического кризиса. Однако, как видно из рисунка, сильнее всего сократился объем ПИИ, что еще раз подтверждает мысль о том, что частные трансферты – относительно стабильный источник внешнего финансирования, не подверженный сильным колебаниям в отличие от других потоков

частного капитала. К тому же, частные трансферты в отличие от ПИИ не демонстрируют процикличности и, напротив, контрцикличны.

Потоки трансфертов более устойчивы, по сравнению с иными потоками капитала, и это обусловлено рядом причин:

1. Частные трансферты отправляются в страны-реципиенты кумулятивным числом эмигрантов, а не только эмигрантами, эмигрировавшими год или два назад. Это и делает потоки частных трансфертов устойчивыми во времени. И если вследствие кризиса потоки эмиграции резко сократятся, то и трансферты остановятся в росте, однако резкого сокращения абсолютных объемов не произойдет.

2. Трансферты составляют лишь малую долю дохода эмигранта, и эмигранты будут продолжать присылать трансферты даже тогда, когда экономика принимающей страны подвергается шокам.

3. Если же в случае кризиса эмигранты все же возвращаются, то накопленные ими сбережения также поступают в страну, сглаживая, тем самым, сокращение в объеме присылаемых трансфертов.

Для того, чтобы проследить поведение трансфертов в кризисные периоды, мы решили проанализировать потоки трансфертов в развивающиеся страны по регионам за период с 1970 по 2014гг.

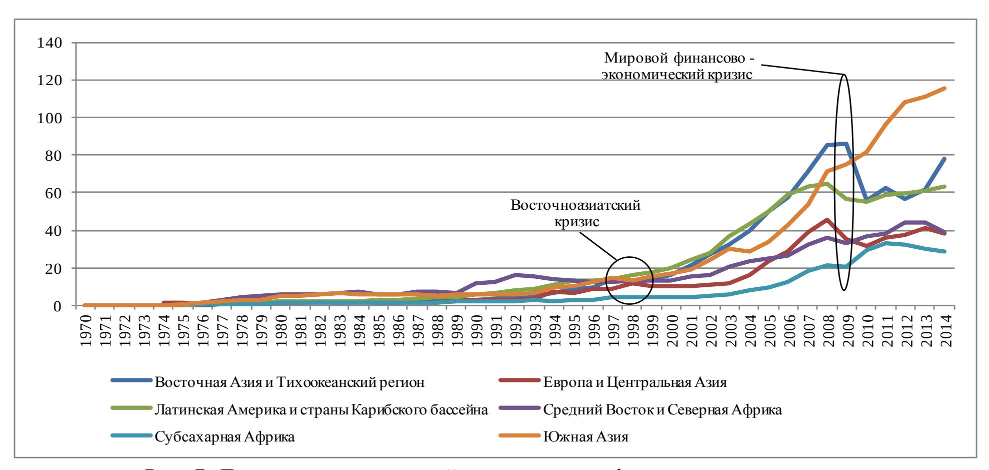

Рис. 7. Динамика поступлений частных трансфертов в развивающиеся страны по регионам в 1970–2014гг. (в млрд. долл.) [1, 3].

Как видно из представляемого рисунка, в общем и целом потоки частных трансфертов во все регионы имеют повышательную тенденцию, и наибольшие колебания приходятся на период кризисов. Поскольку до середины 90-ых годов сильных колебаний не наблюдалось даже в период кризисов, мы сосредоточили внимание на Восточноазиатском кризисе 1997–1998 годов и на мировом финансово-экономическом кризисе 2008–2011 годов. В обоих случаях наблюдаются колебания, причем в 1997–1998гг. они более разнонаправлены, чем в период 2008–2011гг. В последнем случае преобладает понижательная тенденция. Такая динамика подска-

зывает, что поскольку со временем экономические кризисы приобретают все более глобальный характер, воздействие их на потоки частных трансфертов становится ощутимее. Период после 2011 года также характеризуется разнонаправленностью колебаний, в том числе, в регионе Среднего Востока и Северной Африки наблюдаются понижательные тенденции, что можно связать с массовой вынужденной эмиграцией населения в связи с многочисленными военными конфликтами.

Для того, чтобы продемонстрировать, как ведут себя частные трансферты на протяжении длительного промежутка времени, мы рассчитали волатильность потоков трансфертов за период с 1980 по 2014 годы и сравнили ее с волатильностью ПИИ, официальной помощи развитию за тот же период времени. Также мы рассчитали цикличность поведения вышеуказанных потоков. Из рисунка 8 можно сделать вывод о том, что частные трансферты характеризуются низкой волатильностью, уступая лишь официальной помощи развитию. Следует отметить также, что наибольшей волатильностью обладают ПИИ, что также характеризует их сильную неустойчивость.

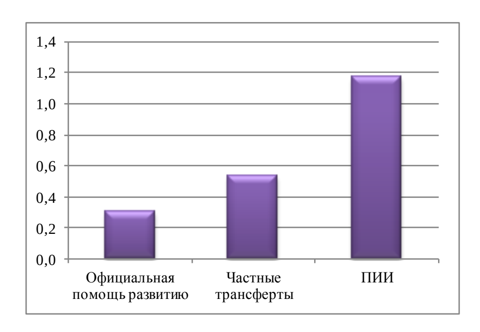

Рис. 8а. Волатильность частных трансфертов, ПИИ и официальной помощи развитию (1980─2014гг.) [3].

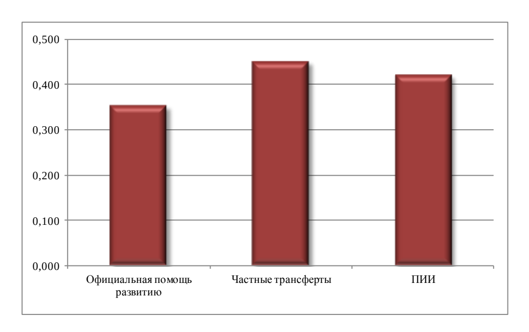
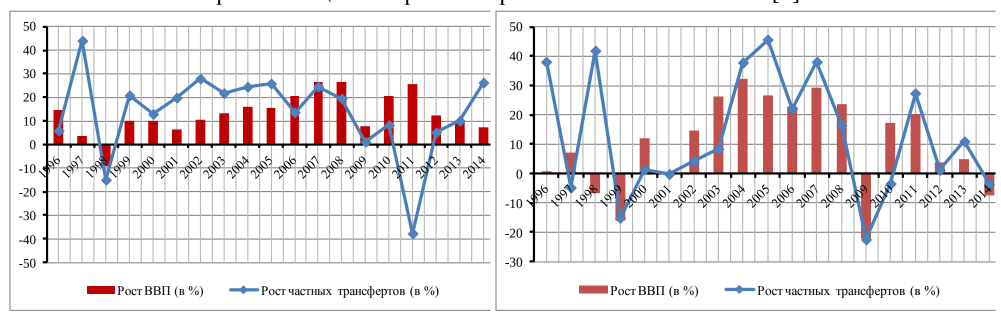

Рис. 8б. Цикличность частных трансфертов, ПИИ и официальной помощи развитию (1980─2014гг.) [3].

Что касается показателя цикличности, мы рассчитали его как коэффициент корреляции между потоком (частных трансфертов, ПИИ и т.д.), освобожденным от тренда и объемом ВВП, также освобожденным от тренда. Как видно из рисунка 8б, меньше всего реагируют на циклические колебания в мировой экономике, т.е. наименее процикличны потоки официальной помощи развитию, на втором месте находятся ПИИ. Наибольшую реакцию на изменение экономической конъюнктуры демонстрируют трансферты (значение коэффициента корреляции – 0,449). Крайне важно отметить, что если исследовать период с 1980 по 2009гг., значение данного показателя для частных трансфертов составит всего 0,3. Отсюда следует вывод о том, что всего за пять лет цикличность поведения частных иностранных денежных трансфертов резко возросла, что еще раз подтверждает нашу мысль о том, что усиливающееся взаимопереплетение экономик в глобальном мире стало мощным источником передачи шоков.

Если же обратиться к показателю экономического роста и проследить воздействие на него частных трансфертов, то становится ясно, что в развивающихся странах, в особенности, в странах с низким уровнем дохода, они вносят существенный вклад в ускорение темпов экономического роста. На рисунке 9 представлена динамика темпов роста ВВП и темпов роста частных трансфертов в представленной выборке.

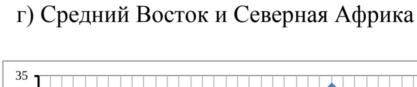
Рис. 9. Темпы роста частных трансфертов и ВВП в выбранных развивающихся странах по регионам за 1996─2014гг. [3].

а) Восточная Азия и Тихоокеанский регион

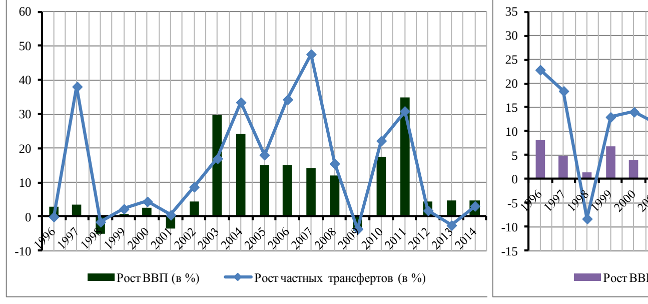
б) Европа и Центральная Азия

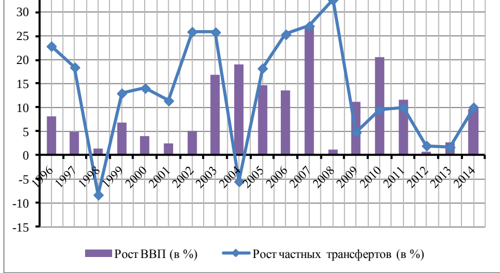

в) Латинская Америка и страны Карибского бассейна

г) Средний Восток и Северная Африка

д) Субсахарная Африка

е) Южная Азия

Как видно из рисунков, в выбранных странах во всех регионах поведение трансфертов довольно схоже. Они демонстрируют рост, когда наблюдается резкое снижение темпов экономического роста, за исключением 1997–1998 и 2009 годов, когда наблюдается спад, что обусловлено, как было отмечено выше, крупными региональными и мировыми кризисами. Это еще раз подчеркивает их контрцикличность, т.е. их объемы растут во время спада экономики страны-реципиента. Также выявленная закономерность свидетельствует о том, что принятый метод расчета ВВП, не включающий в себя показатель трансфертов в условиях мегаэкономики, перестает быть актуальным, и на повестке дня встает вопрос о разработке новой методики расчета уровня благосостояния страны.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что миграционные процессы и неизменно сопутствующие им потоки частных иностранных денежных трансфертов являются важной составной частью глобальной экономики, функционирование которой на сегодняшний день уже невозможно проследить с использованием методологии и инструментария традиционного макроэкономического анализа и требует выработки подходов к анализу происходящих мегаэкономических процессов, которые будут разрабатываться нами в рамках последующих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Migration and Remittances Factbook 2016. The World Bank. Third Edition.
2. *Петросян И.Б.* Частные иностранные трансферты как причина «голландской болезни» экономики // Сборник научных статей Годичной научной конференции ГОУ ВПО РАУ. Изд-во РАУ, Ер., 2007. СС. 445–450.
3. Официальный сайт Всемирного банка, World Development Indicators, 1990–2015гг.

POPULATION MIGRATION AND PRIVATE REMITTANCES IN THE CONTEXT OF THE MEGAECONOMIC PROCESSES

I. Petrosyan

SUMMARY

Development of the world economy in the recent decades is inextricably linked with the mutually intertwined processes of globalization and integration. The world changes under the influence of the globalization processes. As it is known, one of the main processes those are generating the megaeconomic relationships is the population migration. In the modern world international migration still plays a significant role on the national, regional and global levels as well. Megaeconomic relationships occur as a result of that migrants regardless the causes of the migration (involuntary resettlement, labor migration and etc.) contribute to the movement of the human and monetary capital and, so affect all the macroeconomic indicators of the country of origin and recipient country as well, deepening their interdependence.

In this research work, we set a goal to analyze the causes and conditions of the labor force movement, and also demonstrate the existing relation-

ships in this sphere using developed by us approaches, methods and tools of megaeconomics.
Keywords: megaeconomics, migration of labor, private remittances.

ԲՆԱԿՉՈՒԹՅԱՆ ՄԻԳՐԱՑԻԱՆ ԵՎ ՕՏԱՐԵՐԿՐՅԱ ՄԱՍՆԱՎՈՐ ՓՈԽԱՆՑՈՒՄՆԵՐԸ ՄԵԳԱՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ի.Բ. Պետրոսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Համաշխարհային տնտեսության զարգացումը վերջին տասնամյակներում անբաժանելիորեն կապված է գլոբալիզացման և ինտեգրման գործընթացների հետ: Աշխարհը փոխվում է գլոբալացման գործընթացների ազդեցության ներքո: Ինչպես հայտնի է, բնակչության միգրացիան հանդիսանում է մեգատնտեսական կապեր առաջացնող հիմնական գործընթացներից մեկը: Արդի աշխարհում միջազգային միգրացիան շարունակում է մեծ դեր խաղալ ինչպես ազգային, այնպես էլ տարածաշրջանային և գլոբալ մակարդակներում: Մեգատնտեսական կապերը առաջանում են այն պատճառով, որ միգրանտները՝ միգրացիայի պատճառներից անկախ (հարկադիր վերաբնակեցում, աշխատանքային միգրացիա և այլն) խթանում են մարդկային և դրամական կապիտալի շարժը և ազդում են ինչպես ծագման, այնպես էլ ընդունող երկրի բոլոր մակրոտնտեսական ցուցանիշների վրա, խորացնելով այդ կերպ նրանց փոխկախվածությունը:

Ներկայացվող գիտական աշխատանքում մենք մեր առջև նպատակ ենք դնում վերլուծել աշխատուժի և պատճառներն և նախապայմանները, ինչպես նաև ցույց տալ տվյալ ոլորտում միջև գոյություն ունեցող կապերը՝ մեր կողմից մշակվող մեգատնտեսագիտության մոտեցումների, մեթոդների և գործիքների կիրառմամբ:

Հիմնաբառեր՝ մեգատնտեսագիտություն, աշխատուժի միգրացիա, օտարերկրյա մասնավոր փոխանցումներ:

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК*

В.М. Симонян, И.Б. Петросян

АННОТАЦИЯ

Создание двусторонних или же региональных торговых соглашений направлено на увеличение объемов торговли между странами-участниками данных договоров, однако, наряду с этим, всегда также возникает вопрос осуществления торговой политики относительно третьих стран, не входящих в договоренности такого рода.

В настоящее время некоторые страны бывшего СССР (Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Киргизия) объединены в единый Таможенный Союз. Однако в ТС, по сути, отсутствует эффект «создания торговли», так как практически все его страны до создания единого торгового пространства имели торговые соглашения о свободной торговле друг с другом. Таким образом, в данном случае рост товарооборота между странами-участниками ТС может иметь место в основном только за счет удорожания импортированных из третьих стран товаров, т.е. присутствует только эффект «вытеснения торговли». Следует отметить, что в Европейском Союзе (ЕС), который также является и Таможенным союзом, в торговой политике с третьими странами применяется так называемый подход «Пирамиды предпочтений». Суть данного подхода заключается в диверсификации применяемой торговой политики к разным странам мира, по разным уровням предоставляемых льгот. Учитывая вышесказанное, возникает необходимость оценки перспективы развития торговых отношений между странами ТС и ЕС.

Ключевые слова: интеграция, таможенные пошлины, международная торговля, межотраслевая торговля.

Создание двусторонних или же региональных торговых соглашений направлено на увеличение объемов торговли между странами-участниками данных договоров, однако, наряду с этим, также всегда возникает вопрос осуществления торговой политики относительно третьих стран, не входящих в договоренности такого рода. В связи с этим, уже в 1950г., в своей фундаментальной работе “*The Custom Unions Issue*” Якоб Винер [1] ввел понятия **«*создание торговли*»** и **«*вытеснение торговли*»,** касающиеся деятельности таможенных союзов и так называемых «зон свободной торговли». Когда две или несколько стран создают зону свободной торговли, то все таможенные пошлины между ними ликвидируются. В результате, оживляется торговля, так как товарные потоки освобожда-

* Статья опубликована в рамках реализации научного проекта «Мегаэкономика», финансируемого Программой развития Российско-Армянского университета на 2014–2016гг.

ются от тарифных нагрузок. Здесь присутствует эффект «создания торговли». В случае создания таможенных союзов, наряду с вышесказанным, также применяются и единые таможенные тарифы относительно третьих стран (часто завышенные). В конечном итоге, товары, импортируемые из «внешних» стран, становятся намного дороже товаров внутреннего производства, что и создает эффект вытеснения этих товаров с внутренних рынков и, в свою очередь, также стимулирует рост торговли между странами-участниками данного союза. Таким образом, в случае таможенных союзов присутствуют как эффект «создания торговли», так и эффект «вытеснения торговли».

В настоящее время некоторые страны бывшего СССР (Российская Федерация, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Киргизия) объединены в единый Таможенный Союз (далее: ТС)[1]. Следует отметить, что в ТС, по сути, отсутствует эффект «создания торговли», так как практически все его страны до создания единого торгового пространства имели торговые соглашения о свободной торговле друг с другом. Таким образом, в данном случае рост товарооборота между странами-участниками ТС может иметь место в основном только за счет удорожания импортированных из третьих стран товаров, т.е. присутствует только эффект «вытеснения торговли». Следует отметить, что в Европейском Союзе (ЕС), который также является и Таможенным союзом, в торговой политике с третьими странами применяется так называемый подход «Пирамиды предпочтений»[2]. Суть данного подхода заключается в диверсификации применяемой торговой политики к разным странам мира, по разным уровням предоставляемых льгот. Учитывая вышесказанное, возникает необходимость оценки перспективы развития торговых отношений между странами ТС и ЕС.

С этой целью, в первую очередь, необходимо оценить, насколько структура торговых потоков (экспорт и импорт) рассматриваемых стран соответствовала бы дальнейшему развертыванию торговли дополнительными товарными массами. Если в результате выявится низкая или нулевая совместимость, то можно сделать вывод о невозможности дальнейшего сотрудничества между ТС и ЕС. В обратном случае необходимо определить товарные группы, классифицированные по международной системе товарных кодов “*Harmonized System*”, по линии которых имеет смысл расширять торговое сотрудничество.

Решение данной задачи было поставлено нами в рамках проводимого исследования. Однако для проведения такого рода оценки необходимо изначально тщательно изучить и провести критический анализ существующих теорий международной торговли, а также методов и подходов к оценке эффективности дея-

---

[1] Официальный сайт Евразийской экономической комиссии: http://www.eurasiancommission.org

[2] Источник: Implications of a Wider Europe: Politics, Institutions and Diversity // Standing Group on the European Union Second Pan European Conference on EU Politics: http://www.jhubc.it/ecpr-bologna

тельности интеграционных группировок и их взаимодействия между собой, чему и посвящена данная статья.

Если провести анализ теорий международной торговли, то можно прийти к выводу о том, что существуют три основных теоретических направления, изучающих вопрос, почему и по какому принципу страны торгуют: ***неоклассическая теория торговли, новая теория торговли и новая географическая теория***. Неоклассическая теория торговли объясняет причину специализации некоторых регионов мира в торговле конкретными товарами при помощи наличия сравнительных преимуществ, исходящих из разности в производительности производственного процесса (Д. Рикардо – 1817) [2] или в начальном распределении ресурсов (Хекшер, 1919 – Олин, 1933) между разными странами и регионами мира. Особенностями данных моделей являются допущения о совершенной конкуренции, постоянной отдачи от масштаба и однородности товаров. Неоклассическая теория гласит, что мировое промышленное производство товаров разделено регионально из-за хаотичного географического распределения производственных ресурсов и потребителей. Каждая страна, регион специализируются на конкретных товарах, относительно которых они имеют относительные преимущества. Таким образом, развивается отраслевая специализация производства стран, давая толчок развитию ***межотраслевой торговли*** между странами. Т.е., межотраслевой торговлей можно назвать торговый процесс между странами, в случае которого встречные потоки товаров (экспорт и импорт) из этих стран принадлежат разным отраслям производства.

В 80-ых годах XX века для объяснения высокого уровня ***внутриотраслевой торговли*** и высокой доли мировой торговли, осуществляемой между схожими странами (Амити 1998) [3. СС. 101–126], развилась новая теория торговли. Внутриотраслевая торговля определяется, как одновременный импорт и экспорт товаров, принадлежащих одной и той же отрасли производства (Вольрат, 1991) [4. СС. 265–280]. Внутриотраслевую торговлю также называют «двусторонней торговлей». Внутриотраслевая торговля превалирует в тех отраслях и регионах, где значительную роль играют возрастающая отдача от масштаба, монополистическая конкуренция и дифференциация продуктов, наряду с небольшой разницей в начальном распределении ресурсов в этих отраслях и регионах (Эрккила, 1996) [5]. Экономические модели новой торговой теории гласят, что из-за возрастающей отдачи от масштаба и торговых издержек активы перетекают из отдаленных экономических зон (страны периферии) в регионы с высокой рыночной индустриализацией (основные страны). Этот процесс продолжается до тех пор, пока активы с потенциальным возрастающим эффектом от масштаба не сконцентрируются в основных странах, и переток товаров иссякнет, ознаменовывая конец внутриотраслевой торговли между основными странами и странами периферии (Брюларт, 1998) [6]. Кроме того, фирмы, специализирующиеся в производстве уникальных дифференцированных товаров, осуществляют торговлю между собой, порождая в стране внутриотраслевую торговлю. Хотя геогра-

фические преимущества и фигурируют как факторы в моделях новой торговой теории, однако здесь они представлены в качестве экзогенных переменных, то есть они определены физическими, но не экономическими характеристиками.

Экономические модели новой географической теории, напротив, утверждают, что географические преимущества являются эндогенными переменными, а региональная специализация производственного процесса есть результат физической концентрации активов (Кругман, 1991) [7]. Фирмы базируются в экономических центрах, причем последние считаются таковыми из-за наличия в этой местности других фирм. Экономические центры являются привлекательными для фирм из-за наличия положительных экстерналий. Такие местности предоставляют необходимую технологическую базу для развертывания деятельности новых компаний. Итак, вследствие того, что экстерналии локализируются в какой-то местности, эта местность предлагает возрастающий эффект от масштаба для действующих там фирм. Таким образом, географическая территория, приобретя необходимую индустриальную базу, будет продолжать расширяться в будущем.

Для изучения вопроса о будущих торговых взаимоотношениях между странами, опираясь на вышеизложенные теоретические подходы, были выработаны некоторые индексы. Как уже отмечалось выше, в первую очередь, необходимо оценить нынешнюю торговую ситуацию между странами и структурно изучить прошлые тенденции. Восстановив некоторую картину, можно сделать соответствующие выводы и прогнозы. Существует множество индексов, оценивающих различные аспекты торговых взаимоотношений рассматриваемых стран, однако всех их можно объединить в две большие группы: межотраслевые и внутриотраслевые торговые индексы. Ниже рассмотрим важнейшие из них, кратко изложим их основные особенности и ограничения.

В 1965 году Баласса [8], опираясь на разные теоретические трактовки вопроса международной торговли, разработал механизм расчета сравнительных преимуществ страны в торговле. Он заявил, что «*Сравнительные преимущества страны являются результатом многих факторов, некоторые из которых выявлены теорией, некоторые – нет, некоторые из них объяснимы и являются вычисляемыми в экономических моделях, некоторые – нет. Исходя из этого, возникает вопрос о том, стоит ли пытаться объяснять сравнительные преимущества с помощью разных теорий, применяя их для каждого такого примера, или же брать существующую ситуацию, как данность, и рассматривать ее как отправную точку в рассмотрении данного вопроса*». Баласса утверждал, что сравнительные преимущества являются «*выявленными*» существующей ситуацией в международной торговле, так как протекающий в данный момент обмен товарами «*отображает и относительные ценовые и неценовые факторы*». Он предложил для оценки сравнительных преимуществ индикатор – известный, как индекс Балассы (*Balassa Index*):

$$B_{yi} = 100 * \left(\frac{x_{yi}}{\sum_{y=1}^{N} x_{yi}} \Big/ \frac{\sum_{i=1}^{M} x_{yi}}{\sum_{y=1}^{N}\sum_{i=1}^{M} x_{yi}} \right),$$

где $\boldsymbol{x_{yi}}$ – экспорт товара $\boldsymbol{y}$из страны $\boldsymbol{i}$. Данный индекс имеет минимально возможное значение – ноль, но максимального значения не имеет. Если страна более специализирована по направлению какого-то товара, чем в среднем все рассматриваемые страны, то считается, что у данной страны имеются сравнительные преимущества по этому товару среди рассматриваемых стран. Таким образом, величина показателя, большая, чем 100, говорит о наличии сравнительных преимуществах страны $\boldsymbol{i}$ по товару $\boldsymbol{y}$ и, наоборот. Стандартное отклонение этого индекса можно использовать для объяснения относительной важности межотраслевой и внутриотраслевой торговли страны по секторам. Фактически, чем больше межотраслевая специализация, тем больше будет стандартное отклонение.

Множество исследователей, например, Майкл Портер, использовали индекс Балассы для выявления сильных и слабых секторов экономики для разных стран. Другие также использовали данный индекс в своих работах: Аквино (1981) [9. СС. 275–296], Реза (1983) [10. СС. 96–106], Йетс (1985) [11. СС. 61–73], Петерсон (1988) [12. С. 351], Кайтила (2001) [13] и др. Однако индекс Балассы не дает полного представления о преимуществах страны, так как во внимание принимается только экспорт. Это может нести ложную информацию об эффективности деятельности страны. На практике возможна ситуация, когда некоторые страны имеют сравнительные преимущества по производству некоторого продукта (например, компьютеров), однако их импорт по линии этого продукта превышает экспорт. Для этого был разработан новый индикатор, который принимает во внимание и импорт, и экспорт.

Индекс нормированного баланса (*Normalized Balance Index*) представляет из себя соотношение показателей торгового баланса и торгового оборота. Положительной характеристикой данного индекса является то, что он принимает во внимание и импорт (m) и экспорт (x) :

$$NB_{ji} = \left(\frac{x_{ji} - m_{ji}}{x_{ji} - m_{ji}}\right).$$

Величина данного показателя варьируется от -1 до 1. Когда индекс нормированного баланса по значению ближе к 1, то это значит, что страна специализирована на производстве данного товара, когда же это значение ближе к -1 – наоборот. Значение показателя, равное 0, говорит о равной величине между экспортом и импортом. Однако индекс нормированного баланса принимает во внимание абсолютные величины, не отображая относительные показатели, что лежит в основе расчета сравнительных преимуществ.

Чтобы исправить эти недостатки, Невин в 1995г. предложил новый индекс,

подвергнув некоторым изменениям индекс нормированного баланса (*Neven Index*) [14]:

$$NEV_{ji} = \left(x_{ji}/X_i - m_{ji}/M_i\right)/\left(x_{ji}/X_i + m_{ji}/M_i\right),$$

где X и M – общий экспорт и импорт страны $\boldsymbol{i}$. Однако индекс Невина не берет в расчет показатели мирового экспорта и импорта.

Опубликованный в 1977 году индекс Донга и Ридла (*Donges and Riedel index*) [15], который включает в себя и мировой экспорт, и мировой импорт, нейтрализует слабые стороны индекса Невина:

$$DR_{ki} = \left[\left(\frac{(x_{ki} - m_{ki})/(x_{ki} + m_{ki})}{(x_{kw} - m_{kw})/(x_{kw} + m_{kw})}\right) - 1\right] * [sign(x_{kw} - m_{kw})],$$

где $\boldsymbol{x_{ki}}$ – экспорт страны $\boldsymbol{i}$ товара $\boldsymbol{\kappa}$, $\boldsymbol{m_{ki}}$ – импорт страны $\boldsymbol{i}$ товара $\boldsymbol{\kappa}$, $\boldsymbol{x_{kw}}$ и $\boldsymbol{m_{kw}}$, – соответственно, мировой импорт и экспорт товара $\boldsymbol{\kappa}$.

В 1999г. Аквино предложил новый индекс (*Aquino index*):

$$A_{ki} = 100 * \left(\frac{x_{ki}/\sum_{k=1}^{M} x_{ki}}{\sum_{i=1}^{N} x_{ki}/\sum_{i=1}^{N}\sum_{k=1}^{M} x_{ki}}\right) \Big/ \left(\frac{m_{ki}/\sum_{k=1}^{M} m_{ki}}{\sum_{i=1}^{N} m_{ki}/\sum_{i=1}^{N}\sum_{k=1}^{M} m_{ki}}\right),$$

где $\boldsymbol{x_{ki}}$ – экспорт страны или региона $\boldsymbol{i}$ товара $\boldsymbol{\kappa}$, $\boldsymbol{m_{ki}}$ – импорт страны или региона $\boldsymbol{i}$ товара $\boldsymbol{\kappa}$. Данный индекс является соотношением индекса Баласcы, рассчитанного для экспорта, и индекса Баласcы, рассчитанного для импорта. Числитель данной дроби представляет из себя соотношение доли экспорта товара $\boldsymbol{\kappa}$ в общем экспорте страны $\boldsymbol{i}$ к доле экспорта товара $\boldsymbol{\kappa}$ в общемировом экспорте. Знаменатель представляет собой то же самое, однако рассчитанное по отношению к импорту. Так как данный индекс вычисляется с помощью нормализированных показателей импорта и экспорта, то его величина отображает несмещенную оценку относительно специализации страны по тому или иному товару, следовательно, давая несмещенную оценку относительно наличия сравнительных преимуществ страны по линии рассматриваемого товара. Фактически, индекс Аквино преодолевает ограничение индекса Баласcы, связанное с взятием в расчет только лишь показателя экспорта.

Однако здесь, в свою очередь, также присутствуют некоторые ограничения. Из-за того, что в расчет берутся относительные величины индекса Баласcы для импорта и экспорта, возникает сложность в интерпретации конечного значения данного индекса. Например, если $A_{ki} = 1$, то отсюда нельзя делать вывод о том, находится ли страна в выигрышной позиции по линии данного товара (возможно, что и числитель, и знаменатель по значению больше единицы), или относительная величина импорта и экспорта ниже единицы (индекс Баласcы, рассчитанный для импорта и экспорта имеет значение меньше единицы), или же торговый профиль рассматриваемой страны по линии данного товара не отличается от среднемирового (числитель и знаменатель равны единице). Во избежание данных ограничений следует все же индекс Баласcы рассматривать по отдельности для импорта и экспорта и только потом делать соответствующе выводы.

Гин в 1990г. и Гринвей в 1991г., используя **индекс Фингера-Крейнина** (*Finger-Kreinin Index*) [16], рассчитали специализацию производства в Европе за период 1980–1985гг. по данным экспорта 28 производственных отраслей. Они доказали, что межотраслевая специализация возрастала в Европейском Союзе. Первым шагом в их исследовании был расчет доли каждой отрасли в общей величине производства. Эти показатели затем были сравнены для выявления отраслевой схожести между странами. Индекс Фингера-Крейнина выглядит следующим образом:

$$(FK)_{ij} = \sum_{m=1}^{N} min(x_{mi}, x_{mj}),$$

где $\boldsymbol{x_{mi}}$ – доля производства отрасли $\boldsymbol{m}$ в общем производстве страны $\boldsymbol{i}$, а $\boldsymbol{x_{mj}}$ – доля производства отрасли $\boldsymbol{m}$ в общем производстве страны $\boldsymbol{j}$. Данный индекс принимает значения от нуля до единицы: он равен единице, если страны показывают идентичную производственную структуру (внутриотраслевая торговля), и равен нулю, если они абсолютно различаются в своей структуре производства (межотраслевая торговля). Индекс Фингера-Крейнина является относительным показателем данных одной страны по сравнению с другими. Для исследования возможно рассчитывать данный индекс для множества интересующих стран одновременно или же рассчитать его по отношению к каждой стране попарно и вычислить их среднюю. Однако в этом случае показатель, учитывающий множество стран, может нести ложную информацию, так как усредненная величина может не отображать возможный разброс этого показателя по разным странам и нести необъективную информацию. В этом смысле показатель не является доверительным, так как не учитывает разные характеристики рассматриваемых стран.

В 1996 году Сапир применил **индекс Герфиндаля** (*Herfindhal index*) [17] для измерения производственной специализации Европы, используя данные 100 производственных отраслей. Согласно его расчетам, в Италии, Германии и Великобритании в промежутке между 1977–1922гг. специализация остается неизменной. Только во Франции она возрастает, начиная с 1986г. Данный индекс выглядит следующим образом:

$$H_i = \sum (s_i)^2,$$

где $\boldsymbol{s_i}$ – доля сектора $\boldsymbol{i}$ в общем экспорте страны. Значение индекса, близкое к единице, говорит о низком уровне специализации страны по сектору экономики, в то время, как значение, близкое к 100, – о том, что страна полностью специализирована по линии данного сектора. Важнейшей особенностью данного индекса является то, что он отображает абсолютную величину – геометрическое расстояние между распределением доли производства и единичным распределением (Амити, 1999).

Проведенный нами анализ существующих индексов измерения эффективности взаимодействия стран внутри интеграционных группировок свидетельствует

о том, что только их комплексное использование позволит наиболее полно оценить перспективы взаимодействия стран внутри Таможенного Союза в рамках Евразийского экономического союза, а также определить возможности дальнейшего сотрудничества стран-участниц союза со странами ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Viner J.* The Customs Union Issue // Carnegie Endowment for International Peace. 1950. 221 pages.
2. *Ricardo D.* On the Principles of Political Economy and Taxation. 1817.
3. *Amiti M. and Wakelin K.* Investment Liberalization and International Trade» // Journal of International Economics 61 (1). 1998. PP. 101–126.
4. *Vollrath T.* A theoretical evaluation of alternative trade intensity measures of revealed comparative advantage // Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv), Springer, vol. 127(2). 1991. PP. 265–280.
5. *Erkkilä M.* Finnish Partecipation in the Internal Market. In Alho, K. Et al., The Economics and Policies of Integration // A Finnish Perspective, 1996. ETLA series A22.
6. *Brülhart M. and Hine R.C.* Vertical and horizontal intra-industry trade: an analysis of country- and industry-specific determinants», Macmillan Press, London. 1999.
7. *Krugman P.* Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy, 1991. Vol. 99.
8. *Balassa B.* Trade Liberalisation and “Revealed” Comparative Advantage» // The Manchester School Volume 33, Issue 2, 1965. PP. 99–123.
9. *Aquino A.* Inta-Industry Trade and Inter-Industry Specialization as Concurrent Sources in International Trade in Manufacture// Weltwirtschaftliches Archiv 114 (2). 1981. PP. 275–296.
10. *Reza S.* Revealed comparative advantage in the South Asian manufacturing sector: some estimates // Indian Economic Journal 31, 2. 1983. PP. 96–106.
11. *Yeats A.J.* On the Appropriate Interpretation of the Revealed Comparative Advantage Index: Implications of a Methodology Based on Industry Sector Analysis // Weltwirtschaftliches Archiv, 121. 1995. PP. 61–73.
12. *Peterson J.* Export shares and revealed comparative advantage, a study of international travel // Applied Economics 20. 1988. PP. 35–65.
13. *Kaitila V.* Trade and Revealed Comparative Advantage: Hungary, the Czech Republic, and the European Union // BOFIT Discussion Papers, 8. 1989.
14. *Neven D.* Trade Liberalization with Eastern Nations: How Sensitive?, in R.Faini and R. Portes (eds.) // European Union Trade with Eastern Europe: Adjustment and opportunities, CEPR. 1995.
15. *Donges J.B. and Riedel J.* The Expansion of Manufactured Exports in Developing Countries: an Empirical Assessment of Supply and Demand Issues // Weltwirtschaftliches Archiv, Vol. 113. 1977.
16. *Finger J. M. and Kreinin M. E.* A Measure of “Export Similarity” and Its Possible Uses // *Economic Journal*, 89. 1979. PP. 905–912.
17. *Sapir A.* The Effects of Europe's Internal Market Programme on Production and Trade: A First Assessment // Weltwirtscahftliches Archiv. 1996.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASICS OF ECONOMIC INTEGRATION GROUPS' ACTIVITIES EFFECTIVENESS ASSESSMENT

V. Simonyan, I. Petrosyan

SUMMARY

Creation of bilateral or regional trade agreements is aimed to increase the volume of trade between the member countries of these agreements. However, along with this also always the issue of the trade policy with respect to third countries not included in the arrangement of this kind arises.

Currently, some countries of the former Soviet Union (Russia, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyz Republic) merged into a single Customs Union. However, there is no effect of «trade creation» in this customs union, as almost all of its member countries had mutual free trade agreements with each other before the creation of common trade space.

Thus, in this case, the growth of trade between the participating countries of the customs union can take place mostly only due to increased cost of imported goods from third countries, i.e. there is only the effect of "crowding out trade". It is necessary to mention that the European Union (EU), which is also a customs union, useds an approach called "Pyramid of preferences" implementing the trade policy with third countries. The essence of this approach lies in the diversification of trade policy applied to different countries of the world, at different levels of privileges. Given the above, it is necessary to assess the prospects for the development of trade relations between the Customs Union and the EU.

Keywords: integration, custom duties, international trade, intersectoral trade.

ՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԻՆՏԵԳՐԱՑԻՈՆ ԽՄԲԱՎՈՐՈՒՄՆԵՐԻ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴՅՈՒՆԱՎԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳՆԱՀԱՏՄԱՆ ՏԵՍԱԿԱՆ ԵՎ ՄԵԹՈԴՈԼՈԳԻԱԿԱՆ ՀԻՄՈՒՆՔՆԵՐԸ

Վ.Մ. Սիմոնյան, Ի.Բ. Պետրոսյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Երկկողմանի կամ տարածաշրջանային առևտրային համաձայնությունների ստեղծումն ուղղված է տվյալ պայմանագրերի մասնակից երկրների միջև առևտրի ծավալների ավելացմանը, սակայն, դրա հետ մեկտեղ միշտ ծագում է երրորդ՝ այդպիսի պայմանավորվածությունների մեջ չմտնող երկրների նկատմամբ առևտրային քաղաքականության իրականացման հարցը:

Ներկա ժամանակահատվածում նախկին Խորհրդային միության որոշ երկրներ (Ռուսաստանի Դաշնությունը, Հայաստանի Հանրապետությունը, Բելառուսի Հանրապետությունը, Ղազախստանի Հանրապետությունը և Ղրղստանի Հանրապետությունը) միավորված են մաքսային միության մեջ: Սակայն այդ մաքսային միության մեջ, բացակայում է այսպես կոչված «առևտրի ստեղծման» էֆեկտը, քանի որ դրա գրեթե բոլոր մասնակից երկրները՝ միասնական առևտրային տարածք ստեղծելուց առաջ միմյանց

հետ ունեին ազատ առևտրի մասին համաձայնություններ: Այսպիսով, տվյալ պարագայում մաքսային միության մասնակից երկրների միջև առևտրաշրջանառության աճ կարող է գոյություն ունենալ միայն երրորդ երկրներից ներմուծվող ապրանքների թանկացման հաշվին, այսինքն, գոյություն ունի միայն «առևտրի դուրս մղման» էֆեկտը: Հարկ է նշել, որ Եվրոպական Միությունում (ԵՄ), որը նույնպես հանդիսանում է նաև մաքսային միություն, երրորդ երկրների նկատմամբ առևտրային քաղաքականությունում կիրառում է այսպես կոչված «նախընտրությունների բուրգ» մոտեցումը: Տվյալ մոտեցման էությունը կայանում է տարբեր երկրների նկատմամբ կիրառվող քաղաքականության դիվերսիֆիկացման մեջ՝ ըստ տրամադրվող արտոնությունների: Հաշվի առնելով վերը նշվածը, ծագում է Մաքսային միության և ԵՄ-ն միջև առևտրային հարաբերությունների զարգացման հեռանկարների գնահատման անհրաժեշտությունը:

Հիմնաբառեր՝ ինտեգրացիա, մաքսային տուրքեր, միջազգային առևտուր, միջճյուղային առևտուր:

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ ИЗМЕНЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КАК ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ ПРАВИЛА О СВЯТОСТИ ДОГОВОРОВ В КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

А.Г. Малхасян

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья представляет собой историко-правовое исследование проблемы соотношения основополагающего принципа договорного права pacta sunt servanda и доктрины изменения обстоятельств как исключения из него. В процессе исследования изучены соответствующие институты Римского права, которое, по мнению автора, не содержало общего правила о существенном изменении обстоятельств как основании защиты должника в случае неисполнения обязательства. Однако римская моральная философия заложила основы учения о неизменности обстоятельств как условии исполнения обещания, которое было воспринято христианской философией и каноническим правом, а затем и цивильным правом.

В работе прослеживается траектория развития доктрины существенного изменения обстоятельств от более субъективных теорий, основанных на идеях гипотетической воли сторон и подразумеваемом условии договора о неизменности обстоятельств, до более объективных подходов, стремившихся ограничить сферу применения правила rebus sic stantibus и предствить последнее в качестве обьективной нормы права, существующей независимо от воли сторон.

Ключевые слова: изменение обстоятельств, непреодолимая сила, pacta sunt servanda, rebus sic stantibus, casus.

Проблема соотношения общего приципа святости договоров с исключениями из него (в особенности правил о существенном изменении обстоятельств) занимала умы многих юристов на протяжении тысячелетий. Принято считать, что начало такой дискуссии было положено римскими мыслителями и юристами. Это и неудивительно, так как хотя договорные отношения играли важную роль в человеческом сообществе, начиная с древнейших времен, высшей точки развития они достигли в Римской Республике, а затем и Империи. Договорные правоотношения служили оформлению самых разнообразных правоотношений как в повседневной жизни, так и в области коммерческой деятельности. Естественным образом гарантии исполнения договоров играли важную роль в обеспечении стабильности торгового оборота. С другой стороны, римляне осознавали и необходимость защиты должника от ответственности за неисполнение в некоторых случаях. Несмотря на это, однако, существуют значительные противоречия во взглядах романистов в вопросе о существе этих обязательств и возможности

извинительного неисполнения, как и существования общего принципа святости договоров.

Согласно краеугольному исследованию вопроса изменения обстоятельств в европейском частном праве «стабильность договоров была одной из основополагающих принципов договорного права» [1]. Несмотря на это, указанное исследование и само ссылается на столь же фундаментальную работу Реинхарда Циммерманна, который подвергает сомнению названную общую максиму. Согласно последнему автору, многие типы договоров предусматривали возможность одностороннего расторжения. Например, договор *locatio conductio rei* (договор, схожий с современной арендой, хотя и с некоторыми различиями) мог быть расторгнут в одностороннем порядке арендодателем в случае нарушения его арендатором или в случае невнесения арендной платы. Другие случаи включали расторжение договоров купли-продажи и *mandatum* (безвозмездное поручительство) [2. С. 578].

В этом контексте следует учитывать то обстоятельство, что Римское право долгое время сохраняло разделение между контрактами (*contractus*), пользующимися правовой защитой по правилам формального процесса, и пактами (*pacta*) – незащищенными законом соглашениями. Правовая защита лишь определенных видов соглашений сохранялась весьма продолжительное время, однако постепенно некоторые разновидности пактов стали получать правовую защиту путем применения различных средств и потому стали подразделяться на защищенные правом *pacta vestita* и незащищенные *pacta nuda* [3. С. 256]. Постепенное увеличение числа защищенных правом пактов позволило некоторым авторам утверждать, что в поздний период разделение соглашений на контракты и пакты стерлось. Иллюстрацией подобного подхода служит утверждение германского романиста Макса Каисера (Max Kaser) о том, что «…можно начать с общего постулата о том, что пакты были защищены правом на Востоке [в Восточной Империи], также [как и на Западе (в Западной Империи)], и что разделение на пакты и контракты потеряло смысл» [4].

Последнее предположение подвергается справедливой критике. Во-первых, именно тот факт, что правовая защита была предоставлена лишь некоторым разновидностям *pacta*, дал возможность подразделять их на *pacta vestita* и *pacta nuda*, вследствие чего идея всеобщей защиты пактов не была принята. Названная ситуация часто иллюстрируется отсылкой к максиме "*nuda pactio obligationem non parit*" («обязательство не порождается голыми пактами», fr. 7. 4. D. 2. 14), которая, по мнению русского романиста Покровского, доказывает отсутствие общего правила *pacta sunt servanda* в Римском праве [5].

Более того, как отмечает Т. МакГинн, вопрос пактов, их правовой защиты и юридической силы оставался в фокусе как Римского, так и Византийского права [6. С. 324–327]. Между самими римлянами, видимо, были существенные различия в подходах к названному вопросу, однако после анализа значительного количества источников МакГинн приходит к заключению о том, что «до последнего византий-

цы следовали принципу, согласно которому пакты как таковые не были защищены правом, если не были соблюдены определенные условия» [6. С. 325].

Основываясь на данных, полученных из вышеназванных источников, можно прийти к заключению, что, хотя многие пакты получили защиту в Римском, а затем и Византийском праве, они все же не были защищены правом *per se.* Для того, чтобы пакт получил правовую защиту, необходимо было указание об этом в специальном законе, либо необходимо было соблюдение определенных условий. В этом ключе следует согласиться с теми авторами, по мнению которых, в Римском праве не существовало общего правила *pacta sunt servanda* в том смысле, что не все соглашения пользовались правовой защитой. Это, однако, не означает, что любой конткакт или иное защищенное правом соглашение могло быть расторгнуто в любой момент.

Как указывает Циммерман, определенные виды контрактов могли быть расторгнуты по конкретным основаниям [2]. Более того, некоторые авторы утверждают, что римляне близко подошли к созданию системы оснований, по которым должник нес ответственность за неисполнение обязательства. Такого мнения придерживается И.Б. Новицкий, который ссылается на концепцию *casus* (случай) – такой, как смерть животного или гибель вещи, являвшейся предметом договора как основание освобождения должника от ответственности за исполнение обязательств [7]. Новицкий далее выражает мнение о том, что правила об ответственности различны в случае обязательств, затрагивающих интересы лишь одной из сторон (где должник несет ответственность за *dolus* – намерение) и обязательств, затрагивающих интересы обеих сторон (где должник несет ответственность за *culpa* – вину), и особые случаи более высокого предела ответственности должника [7].

С точки зрения нашего исследования, особое значение имеют понятия вины и *casus*. Общим началом ответственности, согласно Римскому праву, являлась вина (*culpa, mora*), а при ее отсутствии, т.е. при наступлении случая никто ответственности не нес (*casus a nullo praestantur*, за случай никто не отвечает.) [8. С. 605]. Согласно исследованию Виллиама Бакланда, *casus* является случаем, делающим невозможным исполнение обязательства [9. С. 1281–1300]. По мнению последнего, «Римское право римлян» в отличие от последующего его развития, не прекращало обязательство в случае наступления casus, так как casus лишь освобождал должника от исполнения его обязательств, при этом не прекращая обязательств контрагента, в случае наличия последних [9. С. 1281–300]. Обе стороны освобождаются от ответственности лишь в том случае, если casus воздействует на оба встречных обязательства. Но и это правило не являлось абсолютным, и в большинстве *bonae fidei contractus*, исходя из принципа *bonae fidei,* обе стороны освобождались от ответственности в случае неисполнения в силу воздействия случая [9. С. 1287].

Аналогичного мнения придерживался и Ю. Барон. Согласно последнему, если предмет долга уничтожен вследствие обычного, преодолимого случая (*casus*) или

случая непреодолимого (*vis major, casus major*), должник по общему правилу освобождается от исполнения обязательства [8. С. 685]. Вместе с тем, случай не влечет одинаковые последствия для всех договоров. Так, в случае купли, если предмет договора погиб в силу случая, то хотя продавец и освобождается от исполнения обязательства по передаче индивидуально-определенной вещи, покупатель остается обязан уплатить цену, в случае же с наймом действует противоположное правило, и подобное воздействие случая освобождает обе стороны от исполнения [8. С. 687]. Барон также напрямую отвергал возможность существования в Римском праве конструкции *clasula rebus sic stantibus* как основания недействительности сделки. Согласно Барону, мнение некоторых романистов о том, что сделка может стать недействительной после ее заключения, если отпало какое-то условие, наличное при ее заключении, «отвергнуто новыми романистами, но тем не менее перешло в некоторые партикулярные законодательства» [8. С. 196].

Таким образом, Римское право не знало общей доктрины святости договора и предавало статус юридически защищенных соглашений не любому виду гражданско-правового соглашения. Не знало оно и общей доктрины, освобождающей от ответственности за неисполнение обязательства или прекращающей его в случае непредвиденного изменения обстоятельств. Доктрина казуса, хотя и имела существенное значение, не была систематизирована, а понятие *clasula rebus sic stantibus* было и вовсе чуждо Римскому праву.

Попытки вывести основания, дающие возможность освободить лицо от данного им обещания вследствие последующего изменения обстоятельств были предприняты Римской моральной философией. Первым, кто обратил на это внимание, был Марк Туллий Цицерон (106 до н.э. – 46 до н.э.). В трактате “*De Officiis*” Цицерон обсуждает возможность неисполнения данного обещания в определенных случаях, в связи с чем он отмечает: «Обещания потому иногда следует нарушать… Предположим, лицо оставляет у тебя на хранение свой меч, будучи в здравом уме и требует его назад в припадке безумия. В этом случае было бы преступным вернуть его и твоим долгом было бы не делать этого. Или же представь, что лицо, доверившее тебе деньги, предлагает начать войну против твоей родины, должен ли ты возвратить доверенное тебе? Я думаю, ты не должен…» [10]. Исходя из сказанного, Цицерон заключает: «Таким образом, многие явления, кажущиеся сами по себе правильными с точки зрения морали, могут оказаться неправильными с моральной точки зрения при определенных обстоятельствах: сдержать обещание, выполнить соглашение, вернуть доверенное с изменением целесообразности, перестает быть морально верным» [10].

Данную идею в дальнейшем развил Сенека (4 до н.э. – 60 н.э.). В труде “*De Beneficiis*” Сенека высказал мнение, согласно которому «все условия должны быть такими же, какие были в момент, когда я дал обещание, если намереваешься обязать меня к исполнению данного обещания» [11], тем самым, заложив основу доктрины *clausula rebus sic stantibus*. Согласно Сенеке, человека можно обвинить в предательстве только, если он не сдержал обещание, и абсолютно все условия в момент ис-

полнения были идентичны тем, при которых было дано это обещание. Однако Сенека делает несколько существенных оговорок. Во-первых, не каждое изменение обстановки влечет освобождение от данного обещания. Так, холодная погода не освобождает от исполнения обещания отправиться на обед, как и легкое недомогание, однако выпадение снега либо лихорадка делают возможным отказаться от исполнения обещанного. Во-вторых, не всегда изменение обстоятельств, даже существенное, должно влечь за собой неисполнение обещания. Если обещанное малозначительно для должника, то его следует исполнить, несмотря на изменение мнения о честности и порядочности кредитора [11].

Еще одним важным наблюдением яляется то, что Сенека не делает различия между изменением обстоятельств после того, как было дано обещание (снег, тяжелая болезнь и т. д.) и получение информации, согласно которой, лицо, давшее обещание, в этот момент заблуждалось относительно важных обстоятельств, сопутствовавших данному обещанию. Так, заблуждение относительно законного характера данного обещания либо честности лица, которому дано обещание, влиять на силу данного обещания в той же степени и таким же образом, что и последующие события [11]. Из всего этого следует, что мудрый человек перед каждым своим обещанием ставит условие «если ничего другого не произойдет» (“If nothing shall occur to the contrary”) [11].

Таким образом, Сенека, заложив основание доктрины *clausula rebus sic stantibus*, обозначил и три вопроса, имеющих принципиальное значение для применения доктрины. Во-первых, ясно, что не каждое изменение обстоятельств влечет последствия для должника /лица, давшего обещание, и возникает вопрос о необходимости разграничения в этой связи изменений существенных и несущественных. Во-вторых, возникает вопрос о том, какова разница между случаями заблуждения, т.е. субъективного фактора отсутствия информации об условиях объективной действительности в момент заключения соглашения/обещания и изменений фактической обстановки в дальнейшем. В-третьих, существует ли подразумеваемое условие о неизменности обстоятельств в любом соглашении или же оно должно быть специально оговорено?

Возвращаясь к развитию доктрины изменения обстоятельств, небходимо отметить, что хотя римская философская мысль и заложила ее основы, лишь моральная философия западноевропейского христианства развила названную идею и довела ее до апогея. Для становления идеи *rebus sic stantibus* в христианской философии, и в дальнейшем, в каноническом праве, важное значение имело становление принципа *pacta sunt servanda*. Опираясь на приводимое Улпианом изречение претора о том, что он предоставит защиту любому пакту, который не был заключен со злым умыслом и который не противозаконен, средневековые юристы через глоссы (комментарии) вывели принцип святости любого договора [12]. Это произошло не в одночасье, однако категория незащищенных соглашений со временем вовсе исчезла и правовая защита была гарантирована любому договору уже к концу Средневековья [2. С. 540].

Параллельно с развитием идеи *pacta sunt servanda* развивалась и доктрина *rebus sic stantibus*. Принято считать, что первым христианским философом, обратившимся к данному вопросу, был Августин Блаженный (354–430). В труде "*Enarrationes in psalmos"* Августин воспроизвел пример Цицерона о мече безумного [13]. Однако пример этот приводится не в контексте соглашения или обещания, а в контексте размышлений над ценностью правды и лжи. В связи с этим, не вызывает удивления тот факт, что потребовалось значительное время, чтобы путем интерпретации и последующего воспроизведения названного примера принцип *rebus sic stantibus* перекочевал в каноническое право.

По всей видимости, первым каноническим юристом, сформулировавшим названную доктрину в качестве института канонического права, был средневековый юрист XII века Грациан. Около 1140 года Грациан включил вышеприведенный текст Августина в свой *Decretum*, что, по всей вероятности, послужило толчком для дальнейшего обсуждения вопроса о влиянии изменения обстоятельств на договоры [1]. Позже, в первой половине XIII века, другой юрист Иоганн Тевтоникус (Johannes Teutonicus) (ум. 1245), составляя глосс (комментарий) к названному труду, заключил на основе текста Августина, что любой договор содержит в себе условие о неизменности обстоятельств ("*si res in eodem*" «если вещи останутся одинаковыми»). Так, например, в случае брака муж дает клятву оставаться со своей женой, однако ее неверность освобождает мужа от исполнения своих обаязательств, что к тому времени было подтверждено и Папским актом [1]. По мнению авторитетной группы авторов, исследовавших изучаемый вопрос, данный подход исходил из презумпции, что стороны сформулировали бы правило, знай они о последующих событиях заранее [1]. При этом, доктрина изменения обстоятельств толковалась крайне широко, и сложно найти какое-либо разграничение между существенными и несущественными изменениями, как и стандарты для такого разграничения. Таким образом, идея о неизменности обстоятельств как необходимом условии сохранения силы соглашения прочно закрепилась в каноническом праве и появилась возможность ее дальнейшего развития в цивильном праве.

Тем же путем в изучаемый период шла и моральная философия. Так, Фома Аквинский (1225–1274) в трактате "*Summa Theologica"* высказывал мнение о необходимости исполнения договора, даже если он заключен с врагом, однако добавлял, что неисполнение договора допустимо, если впоследствии изменятся обстоятельства, связанные с лицами или вещами [14. С. 777].

Первым же из цивилистов Средневековья идею применил Бартолус (1313–1357), который сформулировал правило "*rebus sic se habentibus*" («если все останется неизменным»), которое, по его мнению, было подразумеваемым условием договора [12]. Однако Бартолус применял правило *rebus sic se habentibus* лишь к ограниченному числу договоров [2. С. 580]. Эту доктрину развил и расширил сферу ее применения Бальдус де Убальдис (1327–1400), согласно которому «всякое обещание должно понимать с условием неизменности обстоятельств» [2. С. 580], и уже к концу 15 века доктрина неизменности обстоятельств прочно

закрепилась в цивильном праве [2 С. 580]. Существует также мнение, что впервые термин *rebus sic stantibus* был упомянут в 1507 году в качестве доктрины договорного права Ясоном де Майно (Jason de Mayno) (1435–1519) [15].

Таким образом, с одной стороны принцип пакта сунт серванда стал основным принципом договорного права, а с другой, – правило *rebus sic stantibus* в различных его вариациях. В основе же приципа пакта сунт серванда лежало учение о человеческой воле и о договоре как обещании (обещаниях). Давая обещание, сторона в договоре подразумевала, что контрагент выполнит корреспондирующее обязательство, и, следовательно, любое обещание сопровождалось дополнительным подразумеваемым условием, которое является частью гипотетической воли стороны. Таким образом, если после того, как было дано обещание изменились обстоятельства, в том числе, контрагент не выполнил корреспондирующее обещание, сторона, давшая обещание, освобождалась от его выполнения [1].

Широкое применение доктрины *rebus sic stantibus* продолжилось в XVI и XVII веках. Многие юристы в названный период продолжали поддерживать идею подразумеваемого условия и, следовательно, расширительного толкования доктрины. Однако некоторые юристы предприняли попытки выработки более объективного стандарта. Так, Андреас Алкиатус утверждал, что стороны не всегда хотели включать в договор подразумеваемое условие о неизменности обстоятельств и, следовательно, в случае с корреспондирующими обещаниями должны учитываться интересы обеих сторон, а не подразумеваемая воля одной из них. Таким образом, последующее изменение обстоятельств не влияет на договор, если только не имеет место *causa inconsiderate,* т.е. обстоятельства непредвиденные и нерассмотренные обеими сторонами [1].

Значительный вклад в развитие доктрины изменения обстоятельств внес Гуго Гроций (1583–1645). Большинство авторов, изучающих данную тематику, придерживаются мнения о том, что Гроций отвергал идею подразумеваемого условия о неизменности обстоятельств как части любого соглашения. Согласно Виссеру, Гроций выделял лишь два основания, по которым можно было оспорить юридическую силу договора. Это *defectus voluntatis originarius* или изначальный дефект воли при заключении соглашения, или же случай *repugnantia casus emergentis cum voluntate,* когда в последующем возникает новое и непредвиденное обстоятельство, противоречащее волеизьявлению [16. С. 650]. Причем, первый случай, по мнению Гроция, имел место тогда, когда последствия исполнения обещания были бы абсурдными, так как никакой человек не может, по его мнению, дать абсурдное обещание намеренно, а также в случае, если «единственная и действенная причина (*ratio*), воздействовавшая на дачу обещания, прекратится, то недействительно будет и обещание» [17]. Исходя из названного утверждения, Виссер, Момберг Урибе и Тиер делают вывод о том, что Гроций значительно сузил сферу применения *clasula rebus sic stantibus*, ограничив ее лишь случаями, когда «*определенное* ожидание кредитора было разрушено» [16; 12; 1].

В последующих параграфах Гроций напрямую задается вопросом: следует ли поддерживать мнение о том, что любое обещание сопровождается подразумеваемым условием о неизменности обстоятельств. Отвечая на этот риторический вопрос, Гроций категорически утверждает, что «подобную позицию ни в коем случае нельзя поддерживать, если только не выяснится, что единственным мотивом обещания была неизменность данных обстоятельств *(repugnantia casus emergentis cum voluntate*)» [17]. По словам Тиера, названный отрывок может быть истолкован как возможное основание для расторжения договора в случае изменения обстоятельств, которое даже шире, чем *clausula rebus sic stantibus* в ее предыдущей интерпретации [1]. Некоторые автоторы также утверждают, что Гроций остался верен и доктрине подразумеваемого усовия [18. С. 176]. Однако, как справедливо отмечает тот же Тиер, дальнейшее изучение текста «О праве войны и мира» наводит на иное заключение. Гроций указывает лишь на два случая *repugnantia casus emergentis cum voluntate,* первым из которых является «противозаконность». Вторым же является случай, когда исполнение обязательства «становится слишком затруднительным и обременительным, либо, исходя из признаков человеческой природы как таковой, или путем сравнения лица и дела, о котором идет речь, с самой целью рассматриваемых отношений» [17].

Далее Гроций приводит примеры подобных ситуаций: «Так, если кто-нибудь дает вещь в ссуду на несколько дней, то даже до истечения срока, коль скоро сам он сильно нуждается в ней, он вправе истребовать ее обратно, ибо сама сделка имеет столь благотворительную природу, что невозможно предположить, чтобы кто-либо пожелал принять на себя такого рода обязательство к великому ущербу для самого себя. А если кто-нибудь обещает военную помощь союзнику, то при неисполнении обещания он заслужит извинения, если сам у себя дома подвергается нападению и нуждается в войске. И освобождение от уплаты таможенных сборов и податей распространяется только на обычные и всеобщие сборы, но не на те, которые вызваны чрезвычайной необходимостью и лишиться которых государство не может» [17]. Исходя из вышеприведенных текстов, следует согласиться с мнеинием Тиера о том, что хотя Гроций и перенял некоторые элементы учения об изменении обстоятельств, в частности, исходил из воли сторон, он все же начал исходить из *ratio* (цели, рационала), таким образом, сузив сферу ее применения и сделать доктрину более объективной [1].

Учение Гроция во многом предопределило дальнейшее развитие доктрины изменения обстоятельств в течение последующих двух столетий. Некоторые авторы XVII–XVIII веков предпринимали попытки сузить и далее сферу применения доктрины, ограничив ее до случев воздействия таких изменений на сущность договора (“*substantia negotii*”), однако другие авторы, как, например, Августин Лейсер (Augustin Leyser) (1683–1752) стремились, наоборот, расширить ее [1]. При этом, Лейсер понимал риск, при котором бесконтрольное применение доктрины *rebus sic stanbtibus* создавало для стабильности договорного оборота, и потому предложил три условия, при наличии которых изменение обстоятельств

влекло бы расторжение договора: a) лицо не дало бы обещания, если бы данное обстоятельсво существовало в момент дачи такого обещания; b) пострадавшая сторона не несет ответственности за изменение обстоятельств; c) стороны не могли предвидеть или предотвратить изменение обстоятельств [19. С. 845; 12]. Лейсер также впервые предложил вместо расторжения договора в случае изменения обстоятельств изменить его в соответствии с новыми условиями [1; 12].

Емер де Ваттель (1714–1767) в своем трактате «О праве народов» также пытается ответить на вопрос о наличии подразумеваемого условия о неизменности обстоятельств. По его мнению, «если определенно и очевидно, что суждение о настоящем положении дел стало одной из причин дать обещание – то есть обещание было дано, принимая во внимание или как следствие такого положения дел, оно зависит от сохранения такого положения» [20]. Хотя Ваттель в данном контексте и приводит примеры, частично позаимствованные у Гроция, тем не менее, его позиция иллюстрирует склонность к расширению сферы действия доктрины изменения обстоятельств. Однако Ваттель и сам понимает риски, связанные с применением доктрины rebus sic stantibus, в связи с чем предостерегает от возможности «использования любого изменения для избежания наших обещаний (…) Лишь то положение дел, в связи с которым было дано обещание, *существенно* для обещания» [20]. Лишь изменение такого существенного обстоятельства может, по его мнению, дать право не исполнять обещанное и так «должно понимать максиму цивилистов *conventio omnis intelligitur rebus sic stantibus*» [20].

Первые источники позитивного права, закрепившие доктрину изменения обстоятельств, также придерживались позиции о необходимости ее ограниченного применения. К числу таких источников относится, в частности, Codex Maximilianeus Bavaricus Civilis 1756 года. Согласно положениям последнего, «так как все соглашения молчаливо в себе содержат *clausula rebus sic stantibus*, погашаются таковые через изменение внесенных в обязательство обстоятельств, но не иначе как при следующих трех реквизитах: таковое изменение не должно быть вызвано ни просрочкой, ни виной, ни иными действиями должника, не могло быть легко предвидено и, наконец, должно быть таких свойств, что если бы должник его предвидел, то по незаинтересованному и честному заключению разумных людей никогда бы в него не вступил, причем безразлично, все ли обязательства погашаются или соразмерно понижаются» [21].

Еще более сузилась сфера применения доктрины в Прусском Всеобщем земском уложении 1794 года. Последнее устанавливало, что в качестве общего правила изменение обстоятельств не является основанием для отказа от исполнения обязательств по договору. Однако из этого правила устанавливается исключение, согласно которому, «если, однако, в связи с такими непредвиденными обстоятельствами достижение обоими участниками целей, прямо выраженных или вытекающих из природы сделки, станет невозможным, то каждый из них может отказаться от еще неисполненного договора. (…) Если вследствие изменения обстоятельств прямо выраженная или очевидная цель становится недос-

тижимой только для одной стороны, она может отказаться от договора, однако должна, если изменения носят лишь сугубо личный для нее характер, возместить ущерб другой стороне» [22. С. 261]. Таким образом, сфера применения доктрины rebus sic stantibus сужается до тех случаев, когда изменение обстоятельств делает *невозможным достижение цели*, преследуемой сторонами договора.

Австрийское Гражданское Уложение 1811 года еще более сужает сферу применения доктрины. По АГУ изменение обстоятельств никак не влияет на основной договор. Единственный случай, когда АГУ принимает какие-либо последствия для изменения обстоятельств, это правовое регулирование предварительного договора. Такой договор является по АГУ обязательным для сторон, если только цель такого договора (прямо определенная или «вытекающая из обстоятельств») не отпала вследствие изменения обстоятельств после заключения предварительного договора, но до заключения основного [22. С. 262].

Рассмотрение названных законодательных актов в хронологической последовательности делает очевидным то обстоятельство, что в конце XVIII начале XIX веков доктрина изменения обстоятельств постепенно теряет привлекательность. Это, действительно, так и связано, с одной стороны, с тем обстоятельсвом, что доктрина ребус сик стантибус являлась серьезным фактором, способным дестабилизировать гражданский оборот, в особенности учитывая ее неопределенность и расплывчатость [2. С. 579]. Это весьма очевидно, так как сложно представить себе случай, когда абсолютно все обстоятельства остаются одинаковыми как во врема заключения, так и при исполнении договора. С другой стороны, представители исторической школы права, превалировавшие в континентальной юриспруденции того времени, критически относились к данной доктрине как инструменту, широко использовавшемуся представителями школы естественного права [22. С. 262].

Вследствие названных факторов доктрина *rebus sic stantibus* почти полностью исчезла из частного права [2. С. 581]. Такое положение сохранялось вплоть до конца XIX начала XX века. Несмотря на временное забвение, доктрина вскоре вернулась в право многих государств Европы . Как справедливо отмечает в этой связи Бернхард Виндшейд , «будучи выброшенной за дверь, эта доктрина затем возвращается, воспользовавшись окном» [23. С. 197]. Однако в новейшее время доктрина подверглась значительной фрагментации в национальных правопорядках, придерживающихся радикально отличного мнения относительно названного вопроса.

Подводя итоги нашего исследования, можно заключить, что, хотя доктрина существенного измения обстоятельств воспринималась неоднозначно, большинство исследователей склонялось к необходимости существования такого исключения из принципа святости договоров. Две тенденции наблюдались в развитии доктрины. Во-первых, стремление к объективизации критериев применения такого правила, что способствовало бы ограничению потенциальной возможности злоупотребления таким правилом. Во-вторых, с той же целью, исследователи

стремились ограничить сферу применения названной доктрины, а в конечном счете и вовсе отказаться от нее. Как показывает опыт двух тысячелетий, правило *rebus sic stantibus* есть весьма опасный инструмент правового регулирования, однако в некоторых исключительных случаях такой риск может быть оправдан. Задачами же законодателя и правоприменителя должны стать корректное формулирование и крайне осторожное применение названного правила.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hondius E., Grigoleit C.* (Editors), Unexpected Circumstances in European Contract Law (The Common Core of European Private Law) (e-book). Cambridge. Cambridge University Press, 2014.
2. *Zimmermann R.* The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Munich. Cape Town. 1990, 1249 p.
3. *Новицкий И.Б.* Римское право. 7-е изд. М.: ТЕИС, 2002. 310 с.
4. *Kaser M.* Das Römische Privatrecht, II. Abschnitt: Die Nachklassischen Entwicklungen (Rechtsgeschichte des Altertums im Rahmen des Handbuchs der Altertumswissenschaft, X, 3, 3, 2). C.H. Beck, Munich, 1959. as cited in: McGinn T. A. J. (Ed.). Obligations in Roman Law: Past, Present, and Future. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2012. P. 325.
5. *Покровский И.А.* История Римского права. Харвест, 2002. 528 с.
6. *Mc Ginn T. A. J.* (Ed.). Obligations in Roman Law: Past, Present, and Future. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2012. 376 p.
7. *Новицкий И.Б., Перетерский И.С.* (ред.). Римское частное право: Учебник. М.: Юриспруденция, 2000. 448 с. СС. 421–423.
8. *Барон Ю.* Система Римского гражданского права: В 6 кн. СПб., Изд-во Р. Асланова, «Юридический центр Пресс». 2005, 1102 с.
9. *Buckland W.* Casus and Frustration in Roman and Common Law // Harvard Law Review, (Jun., 1933). Vol. 46, No. 8, PP. 1281–1300 // http://www.jstor.org/stable/1331622.
10. *Tullius C.-M.* De officiis, Translated by Walter Miller. Loeb edn. Cambridge: Harvard University Press, 1913. 3.XXV-95 // http://www.gutenberg.org/files/47001/47001-h/47001-h.htm
11. *Seneca L.A. De Beneficiis*: BOOK IV. XXXIV–XL // http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A2007.01.0023%3Abook%3D4 http://ancienthistory.about.com/library/bl/bl_text_seneca_benefits_iv.htm
12. *Uribe R.M.* The Effect of a Change of Circumstances on the Binding Force of Contracts: Comparative Perspectives (Ius Commune Europaeum). Intersentia. 2011. 344 p.
13. St. Augustin of Hippo. Enarrationes in psalmos. V. 7. // http://www.newadvent.org/fathers/1801005.htm
14. *Aquinas T.* Summa Theologica. 2, 2, q. 140. As cited by: Wehberg H., “Pacta Sunt Servanda” (1959) 53 Am. J. Int’l L.
15. *Schwenzer I.* Force Majeure and Hardship in International Sales Contracts // (2008) 39 V.U.W.L.R. 709 at 710 fn. 3. В свою очередь ссылающаяся на Ralf Köbler *Die “clausula rebus sic stantibus” als allgemeiner Rechtsgrundsatz* (JCB Mohr, Tübingen, 1991) 30–31.
16. *Visser C.* Principle Pacta Servanda Sunt in Roman and Roman-Dutch Law, with Specific Reference to Contracts in Restraint of Trade, The South African law journal 1984.
17. *Grotius H.* On the Law of War and Peace. Translated by A. C. Campbell London, 1814. Book 2, Chapter 16 // http://www.constitution.org/gro/djbp.htm

18. *Schermaier M.-J.* Die Bestimmung des wesentlichen Irrtums von der Glossatiren bis zum BGB (Vienna/Cologne/Weimar: Bohlau Verlag, 2000 = Forschungen zur Neueren Privatrechtschichte, vol. 29) as cited by Their.
19. *Leyser A.* Meditationes at Pandectas. Spec. 520, 3. P. 843, Spec. 520, 4, p. 845, cited by: Hondius E., Grigoleit C. (Editors), Unexpected Circumstances in European Contract Law (The Common Core of European Private Law) (e-book). Cambridge. Cambridge University Press, 2014.
20. *Vattel de E.* The Law of Nations (1758), Book II, chap. XII, para. 297, 298) // http://oll.libertyfund.org/titles/2246.
21. Codex Maximilianeus Bavaricus Civilis, IV. C. 15 § 12: цит. по: А.Г. Зейц Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров (clausula rebus sic stantibus) // «Вестник гражданского права», 2013, № 5.
22. *Цвайгерт К, Кётц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. Т. 2. (Пер. с нем.) М., 1998. С. 511.
23. *Windscheid B.*, ̕Die Voraussetzung ̓, (1892) 78 Archiv fu ̈r die civilistische Praxis // цит. по: *Zimmermann R.* The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition. Munich. Cape Town. 1990. P. 581.

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF CHANGED CIRCUMSTANCES AS AN EXCEPTION FROM THE SANCTITY OF CONTRACTS RULE IN CONTINENTAL EUROPE

H. Malkhasyan

SUMMARY

The article constitutes a study in the field of legal history that focuses on the issue of correlation between the fundamental principle of contract law – pacta sunt servanda and the change of circumstances doctrine. In the course of the study the relevant institutes of Roman Law are analyzed and a conclusion is reached, that the Roman Law did not recognize a general rule, granting relief to the debtor in case of non-performance due to a fundamental change of circumstances. However roman moral philosophy laid the foundations of the theory, that performance of a promise may be conditioned upon the continuity of circumstances in which it was given. This idea was later accepted by Christian moral philosophy and canon law, and later by civil law.

The study follows the development trajectory of the fundamental change of circumstances doctrine from more subjective theories, based on the ideas of hypothetical will of the parties and implied condition of unchanged circumstances, attached to any contract, to more objective doctrines, which attempted to limit the realm of operation for the rebus sic stantibus rule and present it as an objective rule of law, which exists irrespective of the parties' will.

Keywords: change of circumstances, force majeure, pacta sunt servanda, rebus sic stantibus, casus.

ՀԱՆԳԱՄԱՆՔՆԵՐԻ ՓՈՓՈԽՈՒԹՅԱՆ ԴՈԿՏՐԻՆԻ՝ ՈՐՊԵՍ ՊԱՅՄԱՆԱԳՐԵՐԻ ՍՐԲՈՒԹՅԱՆ ԿԱՆՈՆԻՑ ԲԱՑԱՌՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՋԱՑՈՒՄԸ և ԶԱՐԳԱՑՈՒՄԸ ՄԱՅՐՑԱՄԱՔԱՅԻՆ ԵՎՐՈՊԱՅՈՒՄ

Հ.Գ. Մալխասյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը հանդիսանում է պայմանագրային իրավունքի հիմնարար pacta sunt servanda սկզբունքի և հանգամանքների փոփոխության կառուցակարգի՝ իբրև դրանից բացառության պատմաիրավական ուսումնասիրություն: Ուսումնասիրության ընթացքում հետազոտվում են հռոմեկան իրավունքի վերաբերելի ինստիտուտները և հիմնավորվում է եզրակացությունն առ այն, որ հռոմեկան իրավունքիում բացակայում էր հանգամանքների էական փոփոխության կապակցությամբ պարտապանին պարտավորության չկատարման դեպքում պաշտպանելու ընդհանուր կանոն: Սակայն, հռոմեկան բարոյական փիլիսոփայության դրեց այն ուսմունքի հիմքեր, համաձայն հանգամանքների անփոփոխությունը խոստման կատարման պայման է: այս ուսմունքը փոխառվեց քրիստոնեկան փիլիսոփայության, կանոնական իրավունքի և ապա քաղաքացիական իրավունքի կողմից:

Աշխատանքում նշագրվում է հանգամանքների էական փոփոխության ուսմունքի զարգացման հետագիծը՝ ավելի սուբյեկտիո տեսություններից, որոնք հիմնվում էին կողմերի ենթադրյալ կամքի և հանգամանքների անփոփոխության մասի պայմանագրերի լռելյայն պայմանի գաղափարների վրա, դեպի ավելի օբյեկտիվ տեսություններ, որոնք ձգտում էին նեղացնել rebus sic stantibus կանոնի կիրառման ոլորտը և այն ներկայացնել իբրև իրավունքի օբյեկտիվ նորմ, որը գործում է անկախ պայմանագրի կողմերի կամքից:

Հիմնաբառեր՝ հանգամանքների փոփոխություն, անհաղթահարելի ուժ, pacta sunt servanda, rebus sic stantibus, casus:

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РЕКЛАМЕ

Л.А. Саргизов

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена институту ответственности за нарушения требований законодательства о рекламе. В частности, рассмотрены понятия общественной опасности и нематериального ущерба, предложены соответствующие изменения в закон «О рекламе», а также рассмотрены основания для привлечения к ответственности и степень ответственности каждого субъекта рекламной деятельности. В работе проведен анализ зарубежного законодательства и рассмотрена судебная и административная практика, касающаяся ответственности в рекламной сфере.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, общественная опасность, нематериальные убытки, уполномоченный орган, государственная комиссия по защите экономической конкуренции.

В настоящее вермя невозможно представить себе место, где нас бы не сопровождали рекламные ролики, рекламные баннеры и щиты. Реклама стала неотъемлемой частью современной жизни, тем самым, возросла и ее роль в обществе, а чем выше роль, тем важнее становится и роль государственного регулирования рекламы. К сожалению, на сегодняшний день мы сталкиваемся с рекламой, в которой нарушаются требования, предусмотренные законом.

Зачастую мы встречаем рекламу сигарет в виде плакатов или наблюдаем рекламные ролики или вывески, которые уверяют нас в том, что в таком-то магазине продается товар со скидкой в 50%, однако в магазине потребитель выясняет, что его ввели в заблуждение. Не является секретом также и то, что во время телеэфира нарушаются как требования по частоте рекламы, так и по длительности.

Все вышеперечисленные и иные нарушения требований представляют из себя опасность, поскольку вводят потребителя в заблуждение, могут нанести как материальный ущерб, так и вред жизни и здоровью, а также моральный ущерб. Причиной таких нарушений могут служить отсутствие надзорного органа, а также несовершенство законодательства в данной сфере.

Для этого, в первую очередь, необходимо проанализировать такой термин, как «недобросовестная реклама», данный в законе РА «О рекламе» [1]. Согласно ст. 2 данного закона, недобросовестной признается реклама, в ходе заказа, производства и распространения которой обойдены запреты и ограничения, установленные действующим законодательством.

Таким образом, законодатель указал общее правило и общие действия – заказ, производство и распространение, в результате которых наступает ответственность. Также данное правило очень важно при распределении степени ответственности среди субъектов рекламной деятельности.

Более подробно раскрывает и характеризует недобросовестную рекламу ст. 21 закона РА «О рекламе». В части первой данной статьи говорится, что запрещается опубликование недобросовестной, в том числе заведомо ложной рекламы.

Т.е. при анализе данной нормы приходим к выводу, что диспозиция нормы касается такого действия, как публикация ненадлежащей рекламы. Здесь возможно некоторое недоразумение, поскольку при сопоставлении данной нормы с самим понятием рекламы, в части распространения с нарушением действующего законодательства, получается, что данная статья дублирует уже указанное предписание. Была бы уместнее формулировка: недобросовестная, в том числе, «заведомо ложная реклама запрещается».

Также очень важным фактором является упоминание законодателем в ч. 2 ст. 21 закона РА «О рекламе» фактов, необходимых для признания рекламы недобросовестной. Таковыми являются наличие факта введения в заблуждение или общественной опасности.

Закон также раскрывает данные факты более подробно:

«Под введением в заблуждение понимается «реальная возможность рекламы дезориентации юридических и физических лиц вследствие полной или частичной недостоверности, полного или частичного пропуска и искажения сведений о свойствах, количестве, качестве, особенностях цене товаров и иных сведений, а также информации об их рекламодателях.

Под общественной опасностью понимается реальная возможность рекламы причинения вреда конкуренту, подстрекания к насилию, использования предрассудков, суеверия и недостатка опыта у потребителей рекламы, побуждение потребителей рекламы к действиям, опасным для здоровья, собственности, а также окружающей среды».

Что касается введения в заблуждение, то данный термин используется в законодательствах многих стран примерно с такой же формулировкой, например: «Вводящая в заблуждение реклама – реклама, которая любым путем, включая форму представления, обманывает или может обмануть общество и которая из-за своего обманного характера наносит или может нанести ущерб конкуренту. Вводящая в заблуждение реклама запрещена» [2].

Но разница заключается в том, что армянский законодатель не указал, что вследствие дезориентации физических и юридических лиц должна возникнуть ситуация, которая наносит или может нанести ущерб (как потребителям, так и конкурентам). Данное дополнение видится предпочтительным, поскольку сам факт дезориентации без возможности нанесения ущерба сам по себе не представляет из себя какой-либо опасности.

В дополнение к вышесказанному можно рассмотреть пару практических примеров недобросовестной рекламы по части введения в заблуждение. Следует также указать на то, что в Армении не так много гражданско-правовых судебных дел, касающихся нарушений в сфере рекламы. Объясняется это отчасти тем, что, во-первых, люди с неохотой обращаются в судебные инстанции, не желая втягиваться

в длительные процессы, во-вторых, не рассчитывают получить какую-либо компенсацию, поскольку законодательством не предусмотрены четкие механизмы по возмещению, в частности, морального ущерба, к чему мы обратимся ниже.

Примером является судебное разбирательство между студентами юридического факультета ЕГУ и Национальной комиссией по телевидению и радио (НКТР). Ранее истцы обратились в НКТР с требованием привлечь к ответственности телеканал «Армения ТВ» за нарушение закона «О рекламе» по части длительности вещаемых рекламных роликов и их частоте, запрета прерывания официальных информационных сообщений, а также требований, касающихся языка рекламы. Однако НКТР счел, что нарушений не было и отказал в привлечении к ответственности, в результате чего истцам пришлось обратиться в Административный суд с требованием признать бездействие НКТР неправомерным и принудить применить к телеканалу «Армения ТВ» письменное предупреждение и запретить вещать недобросовестную рекламу.

В процессе ответчик ссылался на несовершенство закона РА «О рекламе», а также на то, что на тот момент в Парламенте РА рассматривался законопроект с соответствующими поправками, однако суд не счел данный аргумент существенным и решил дело в пользу студентов, а далее и Апелляционный суд РА оставил данное решение в силе [3].

Данный пример также свидетельствует о том, что потребители вынуждены обращаться сперва к надзорному органу для привлечения нарушителей к ответственности, а в случае отказа обжаловать их действия в суде, вместо того, чтобы обратиться напрямую в суд с требованием о возмещении ущерба.

Вопрос общественной опасности является более дискуссионным, поскольку ни в одном законодательстве рассмотренных нами стран не встречается обусловленность недобросовестной рекламы общественной опасностью. Возникает логический вопрос о рациональности наличия такого условия для признания рекламы недобросовестной. Ведь если субъектами рекламной деятельности были нарушены требования законодательства о рекламе, что впоследствии привело или могло привести к нарушению прав других лиц, то такая реклама, a priori, должна квалифицироваться как недобросовестная, и лица, чьи права были нарушены, могли обратиться за защитой.

Нам представляется более целесообразным исключение условия «общественной опасности» для признания рекламы недобросоветной и изложить ч. 1, 2, 3 ст. 21 следующим образом:

«Статья 21. Общие положения о недобросовестной рекламе

1. Запрещается опубликование недобросовестной, в том числе заведомо ложной и вводящей в заблуждение рекламы.

Под введением в заблуждение понимается реальная вазможность рекламы дезориентации юридических и физических лиц вследствие полной или частичной недостоверности, полного или частичного пропуска и искажения сведений о свойствах, количестве, качестве, особенностях цене товаров и иных сведений, а

также информации об их рекламодателях, которая приводит или может привести к нарушению прав других лиц.

2. утратила силу.

3. утратила силу.

Причем здесь также необходимо отметить, что за преднамеренное введение в заблуждение потребителей рекламы предусмотрена уголовная ответственность (ст.198 Уголовного кодекса РА) [4].

В Великобритании также совершение вводящих в заблуждение действий, нарушение правил осуществления рекламной деятельности рассматриваются как уголовные преступления [5].

Что касается ответственности, то нужно указать, что в Армении предусмотрена гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность за нарушения законодательства о рекламе.

Наиболее эффективным видом ответственности за недобросовестную рекламу нам представляется гражданско-правовая ответственность, как своеобразный вид юридической ответственности, который регулируется как Гражданским кодексом РА, так и законом РА «О рекламе».

По общему правилу, гражданское законодательство устанавливает ответственность на основе принципа вины [6]. То есть лицо освобождается от ответственности, если докажет, что ущерб был причинен не по его вине. Но в то же время законом может быть предусмотрено возмещение ущерба при отсутствии вины причинителя ущерба (ч.2 ст. 1058 ГК РА) [7].

Насчет института привлечения к ответственности без наличия вины разные ученые и авторы высказали разные мнения. Так, С.С. Алексеев считает, что в случае отсутствия конечного состава правонарушения лицо не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности [8]. Другая часть авторов не соглашается с данным мнением, указывая, что в понятии риска уже наличествует субъективная сторона – воля и сознание причинителя вреда, в результате чего и возникает обязанность возмещения ущерба [9]. Именно так и возникла теория субъективного обоснования ответственности без вины.

Таким образом, вина является важным условием для правовой ответственности, однако в некоторых случаях установление ответственности без вины оправдано, поскольку то обстоятельство, что лицо занималось такой деятельностью, уже означает, что оно осознавало возможность причинения ущерба и обязано нести ответственность за причиненный ущерб [10].

Таким образом, целесообразно отметить, что ГК РА в 2007 году был дополнен статьей 1091^1 «Возмещение ущерба, причиненного недобросовестной рекламой» [11]. В статье указано, что причиненный недобросовестной рекламой ущерб подлежит возмещению рекламодателем вне зависимости от его вины. При этом, реклампопроизводитель и рекламораспространитель имеют право на регресс в том случае, если рекламодатель не представил документальное заверение о достоверности представляемой информации.

Более того, ч.3 той же статьи указано, что ответственность за недобросовестную рекламу несет рекламопроизводитель, если невозможно найти рекламодателя.

В то же время тот же вопрос регулируется и ст. 21 закона РА «О рекламе». Так, юридические и физические лица вправе обратиться в суд с требованием о возмещении убытков, либо возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу гражданина, либо компенсации морального вреда, либо публичного опровержения рекламы.

В данном случае интересно рассмотреть вопрос, касающийся такого требования, как компенсация морального вреда, поскольку данный институт практически отсутствует в Армении.

В юридической литературе в качестве убытков рассматриваются те отрицательные и нежелаемые последствия, которые возникают в результате уничтожения или повреждения имущественных и неимущественных благ потерпевшего лица [12].

Согласно ч. 2 ст. 17 ГК РА, под убытками понимается реальный ущерб, т.е. расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, также утрата или повреждение его имущества, а также упущенная выгода в виде неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Таким образом, в данной норме речь идет, в первую очередь, об имущественных убытках, которые могут быть выражены в денежной форме, возникших в результате уничтожения, повреждения имущества, лишения заработка и т.д. [13].

Исследование законодательства развитых стран (Германия, Франция, Англия, США, Россия) показывает, что институт морального ущерба является полезным инструментом защиты прав личных неимущественных прав граждан, который имеет и превентивное, и защитное значение. Одной из первых стран, начавших использовать принцип возмещения морального ущерба, является Англия. Английское право не ставит различий в том, понес ли гражданин материальный или нематериальный ушерб – в любом случае, ущерб подлежит возмещению, если является реальным, серьезным [14].

Французское право также не ставит различий в вопросе возмещения ущерба – независимо от того, причиненный вред является имущественным или неимущественным. Однако на практике различия между имущественным и немущественным ущербом существуют, причем вред, нанесенный личным неимущественным благам, называется «моральный ущерб» [15].

В ГК РА в 2014 году были внесены изменения, касающиеся понятия нематериальных убытков и их возмещения [16]. Основой для поправок послужило решение Конституционного суда РА от 05.11.2013г., в котором говорилось, что постольку, поскольку ГК не рассматривает в качестве убытков моральный ущерб и не предусматривает возможность возмещения, признать в этой части данную норму, не соответствующей Конституции РА и недействительной [17].

Однако данные изменения не решили полностью поставленную задачу, поскольку предусмотрели возможность возмещения убытков только в части чести,

достоинства и деловой репутации, а также в результате нарушения государственными органами и должностными лицами прав, предусмотренных Конвенцией «О защите прав человека и основных свобод».

Как видно, ни в одном, ни в другом случае, лицо, чьи права были нарушены недобросовестной рекламой, не будет иметь возможность восстановить свои права. Таким образом, можно констатировать, что вопрос о возможности обращения в суд с требованием о возмещении морального вреда остается открытым, поскольку, с одной стороны, данная возможность предусмотрена законом РА «О рекламе», но, с другой, не предусмотрена ГК РА. Более того, ч. 3 ст. 17 ГК РА указано, что нематериальные убытки подлежат возмещению только в случаях, предусмотренных настоящим кодексом, т.е. за нарушения требований иных нормативно-правовых актов нематериальный ущерб не подлежит возмещению.

Также следует упомянуть, что ГК использует термин «нематериальные убытки», в то время как закон РА «О рекламе» – моральный ущерб, что создает еще более неопределенную ситуацию, поскольку получается, что лицо в любом случае вправе обратиться в суд с требованием о возмещении морального ущерба, а не нематериальных убытков (хотя в теории один являтся разновидностью другого), и суд обязан рассмотреть такое дело.

Другой формой ответственности является административная, однако, как мы указывали выше на примере судебного дела, она не всегда является самой эффективной. С одной стороны, причиной этому служит то, что нет единого надзорного органа, хотя он и предусмотрен законом «О рекламе», а с другой – существует несколько разных органов, которые вправе привлекать к административной ответственности субъектов рекламной деятельности.

Одна часть авторов считает, что установление штрафа в качестве административной ответственности является самым эффективным способом, поскольку он сокращает «бюджет» того или иного лица и предостерегает от совершения новых нарушений [18].

Как указывалось выше, в статье 24 закона РА «О рекламе» указано, что уполномоченный орган государственного управления Республики Армения, осуществляющий контроль за соблюдением законодательства о рекламе, формируется в порядке, установленном Правительством Республики Армения. На данный момент такого органа не существует. Вместо этого, по примеру многих стран, есть множество органов, регулирующих рекламную деятельность в различных областях. Так, в сфере телевидения и радио уполномоченным является национальная комиссия телевидения и радио, также мэр Еревана вправе применять меры ответственности, если нарушены требования по наружной рекламе, а государственная комиссия РА по защите экономической конкуренции (ГКЗЭК) осуществляет надзор за соблюдением норм по экономической конкуренции.

В ведении у ГКЗЭК есть некоторые интересные процессы, касающиеся нарушения требований закона «О рекламе» в сфере защиты экономической конкуренции.

Например, ГКЗЭК рассматривал дело, в котором в лобовой части коммерческого объекта «Манго» было объявление «скидка на всю продукцию 50%», однако выяснилось, что данное объявление не относилось к новой коллекциии, поэтому вводило потребителей в заблуждение. В результате данного нарушения организации было вынесено предупреждение с поручением об исключении в дальнейшем данного нарушения [19].

Другим интересным примером о привлечении к ответственности лиц ГКЗЭК за недобросовестную рекламу является административное производство в отношении ЗАО «АрменТел», в результате которого организация была оштрафована на сумму 500.000 драмов с предписанием прекратить данную рекламу, а также обеспечить возмещение убытков всем хозяйствующим субъектам и лицам. Причиной послужила реклама Интернета "Hi-Line", в которой вместо слов «бесплатная активация» или «активация – 0 драмов» использовались выражения «бесплатное подключение» или «подключение – 0 драмов». Дело в том, что подключение осуществляется потребителем самостоятельно, однако в случае возникновения проблем с подключением организация могла предоставить специалистов за плату в размере 3000 драмов, в то время как активация была бесплатной (до осуществления данной акции эта услуга также была платной). Это и послужило причиной того, что ГКЗЭК посчитало действия организации противоречащими закону, а рекламу недобросовестной и привлекло последнюю к ответственности [20].

Однако главным вопросом, касающимся ответствености, является вопрос о том, кто, в какой степени и за что несет ответственность. Речь идет о субъектах рекламной деятельности – рекламодателе, рекламопроизводителе и рекламоносителе.

Как уже отмечалось выше, ГК РА был дополнен нормой, согласно которому, в любом случае ответственность несет рекламодатель, даже при отсутствии его вины. Данная статья имеет огромное значение с точки зрения защиты прав потребителей, поскольку, по большому счету, потребитель не обязан знать рекламопроизводителя или рекламораспространителя, для него важно то, что рекламируемый товар принадлежит такой-то организации и данная реклама была недобросовестной. Так что потребитель в любом случае имеет право обратиться с требованием о возмещении ущерба напрямую к рекламодателю.

Ст. 1091[1] также устанавливает, что в случае возмещения рекламопроизводителем или рекламопроизводителем ущерба последние имеют право на регрессное требование к рекламодателю в том случае, если рекламодатель не представил документальное заверение о достоверности представляемой информации. Таким образом, законодатель признает в качестве основного субъекта ответственности именно рекламодателя. В этом имеется своя логика, поскольку изначально именно рекламодатель инициирует деятельность по рекламированию своего товара, он и обязан принять необходимые меры для обеспечения соблюдения требований законодательства. Таковыми механизмами могут служить, к примеру, договоры, заключаемые с рекламопроизводителем и рекламораспространителем.

Однако зачастую возникают ситуации, когда рекламодателя найти очень

сложно, особенно те организации, которые рекламируют товар через Интернет. В этом случае, согласно той же статье ГК, ответственность несет рекламораспространитель, поскольку, во-первых, его определить гораздо проще, а во-вторых, он также будет обязан проверить рекламу на соответствие требованиям законодательства.

В данном контексте в привилегированном положении оказывается рекламопроизводитель, однако следует учесть также то, что рекламопроизводитель не всегда присутствует в осуществляемой рекламной деятельности – зачастую рекламодатель сам дает заказ рекламопроизводителю распространить рекламные сообщения, а также нельзя забывать о том, что закон «О рекламе» также дополняет ГК РА в вопросе ответственности субъектов рекламной деятельности.

В законе «О рекламе» в качестве основы разделения ответственности взята сфера деятельности и степень отношения к конкретному типу нарушений субъектов рекламной деятельности.

Таким образом, законом установлено, что рекламодатель несет ответственность за законность рекламного заказа, достоверность приведенных в этом заказе сведений, причем он несет эту ответственность по умолчанию, т.е. если не докажет, что нарушение имело место по вине рекламопроизводителя или рекламоносителя.

Рекламопроизводитель, в свою очередь, несет ответственность за пристойность и законность рекламного сообщения. Однако не совсем понятно, чем законность рекламного заказа отличается от законности рекламного сообщения.

Рекламоноситель несет ответственность за средства, время и место размещения рекламы.

Такой же подход использован во многих зарубежных странах. К примеру, согласно ст. 22 закона Эстонии «О рекламе», ответственность несет лицо, подписавшее рекламу, если реклама противоречит требованиям или ограничениям, предусмотренным настоящим законом, посредником или производителем рекламы, если его деятельность нарушила требования или ограничения, предусмотренные настоящим законом и т.д.

Таким образом, закон не определяет конкретные случаи, когда ответственность должны нести те или иные лица, а всего лишь определяет, что каждый отвечает за свою деятельность.

В Китае предусмотрено, что рекламный агент или издатель должны проверять соответствующие подтверждающие документы и контролировать содержание рекламы. Поэтому закон также предусмотрел норму, когда вышеупомянутые субъекты, знающие, что информация в рекламе является ложной, тем не менее, продолжают изготовлять или публиковать рекламные объявления, то они также несут за это общую с рекламодателем и отдельную ответственность (ст. 38 и 27). Таким образом, закон рассматривает в качестве «основного» нарушителя рекламодателя, но в то же время определяет, что остальные субъекты также могут нести ответственность за недостоверную рекламу.

Однако существуют и другие модели регулирования – к примеру, законом РФ «О рекламе» предусмотрены конкретные случаи и указаны конкретные статьи, за которые ответственность несут конкретные субъекты. К примеру, ч.6–8 ст. 38 вышеупомянутого закона предусматривают, что рекламодатель несет ответственность за нарушение требований, установленных частями 2–8 статьи 5 <...> настоящего Федерального закона; то же самое касается и рекламораспространителя. Для рекламопроизводителя указано, что он несет ответственность за нарушения норм, предписанных для рекламодателя и рекламораспространителя, если будет доказано, что нарушение произошло по его вине.

Преимущества данного подхода заключаются в том, что это позволяет четко разграничить ответственность каждого субъекта, исключив предвзятость. Данный подход позволяет каждый раз правильно распределить ответственность, поскольку на практике возникают случаи, когда требования о возмещении предъявляются, к примеру, не к рекламодателю, а к рекламораспространителям.

Но в то же время, поскольку законодательство о рекламе не ограничивается законом «О рекламе», то встает вопрос о распределении ответственности за нарушения иных правовых актов о рекламе. К примеру, при нарушении законов «О языке» [21], «О защите экономической конкуренции» [22] и др. заново встает вопрос о привлечении тех или иных субъектов рекламной деятельности к ответственности.

Что касается первого подхода, который используется и в законе РА «О рекламе», то, помимо того, что вопрос ответствености остается, по большому счету, субъективным, он, к тому же, не полностью охватывает случаи нарушений – такие, как, например, неупоминание в рекламе табака о вреде курения т.д. Ведь, в этом случае не нарушаются ни требования о законности, ни о пристойности, ни о достоверности, и возникает вопрос о том, кто несет ответственность. Конечно, в любом случае потребитель вправе направить требования рекламодателю, но, в то же время, в целях восстановления справедливости рекламодатель вправе требовать путем регресса возместить его траты от лиц, виновных в нарушении требований закона, однако при наличии неточностей в законе сделать это намного сложнее.

Исходя из вышеуказанного анализа, наиболее уравновешенным считается подход, ныне указанный в ГК РА, где потребитель вправе предъявлять требования, связанные с нарушением законов о рекламе, напрямую рекламодателю. Данный подход логичен, поскольку потребитель не обязан знать или искать, кто же является рекламопроизводителем (с кем рекламодатель заключил договор об оказании услуг) или рекламораспространителем. В то же время рекламодатель вправе предъявить регрессное требование вышеуказанным лицам в том случае, когда нарушение имело место по их вине.

Хотя, с другой стороны, возможна ситуация, когда нарушения имели место в ходе распространения рекламы, например, нарушены требования о частоте выпуска рекламы в телеэфир, о которой рекламодатель/рекламодатели не знали и не могли знать, поэтому было бы логичным предусмотреть норму, согласно которой, за нарушения, связанные с содержанием рекламы, ответственность не-

сет рекламодатель, а за нарушения, связанные с распространением рекламы, – рекламопроизводитель.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы и предложения:

1. Редактировать ч.1–3 ст.21 закона РА «О рекламе»,:

2. Внести изменения в ГК РА, по которым будет устранено противоречие с законом «О рекламе» в вопросе возмещения нематериального ущерба/морального ущерба. Возможным представляется изменение ч.4 ст.17 ГК РА в части возможности требовать возмещения нематериального ущерба на основании не только ГК, но и иных законов, а также внедрения понятия морального ущерба и его соотношения с нематериальным ущербом.

3. Заменить термин «моральный вред», используемый в ч.1 ст.23 закона РА «О законе», на «нематериальный ущерб».

4. Касаемо вопроса ответственности каждого субъекта наиболее уравновешенным считается действующий в РА подход, согласно которому, основную ответственность, в том числе при отсутствии его вины, несет рекламодатель, поскольку при рекламе именно его товара/услуги произошло нарушение закона, и именно ему, в первую очередь, будет предъявлено требование о возмещении ущерба. Но в то же время, было бы логичным предусмотреть норму, согласно которой, за нарушения, связанные с содержанием рекламы, ответственность несет рекламодатель, а за нарушения, связанные с распространением рекламы, – рекламопроизводитель.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Գովազդի մասին» ՀՀ օրենք, 30.04.1996թ. // ՀՀ ԱԺՏ 1996/10:
2. Закон ЭР «О рекламе» от 12.03.2008 – RT I 2008, 15, 108. C. 4.
3. Դատական Գործ N: ՎԴ/2025/05/11:
4. ՀՀ քրեական օրենսգիրք, 18.04.2003 // ՀՀՊՏ 2003.05.02/25 (260) Հոդ. 407:
5. *Романов А.А.* Теория и правовое регулирование рекламной деятельности:Учебное пособие / Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. М., 2003. С. 95.
6. Гражданское право. Т: 3. Учебник. Издание пятое, переработанное и дополненное / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: «Проспект», 1999. С. 7.
7. ՀՀ քաղաքացիական օրենսգիրք, 05.05.1998 // ՀՀՊՏ 1998.08.10/17 (50):
8. Гражданское право: В 4-х т., Т. 4: Обязательственное право: учеб. для студентов вузов, 3-е изд., перераб. и доп., отв. ред. Е.А. Суханов. М.:Волтерс Клувер, 2006. 623 с.
9. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность М.: Юрид. лит., 1976. 177 с.
10. *Բեքմեզյան Գ.* Արտապայմանագրային պարտավորություններ. Մենագրություն. Եր.: Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, 2009. էջ 52:
11. ՀՀ օրենք «Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգրքում լրացումներ և փոփոխություններ կատարելու մասին», 21.02.2007 // ՀՀՊՏ 2007.04.04/18 (542) Հոդ. 416:
12. *Эрделевский А.М.* Компенсация морального вреда: анализ и комментарии законодательства и судебной практики-2-е изд., испр. и доп. М.: «Бек», 2000. С. 1.

13. ՀՀ Քաղաքացիական իրավունք, Տ.Կ. Բարսեղյանի և Գ.Հ. Ղարախանյանի խմբագրությամբ: Երրորդ մաս. էջ 14:
14. *Беляцкин С.А.* Возмещение морального (неимущественного) вреда. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2005. С. 19.
15. *Zweigert K., Kotz H.* Einfuhrung in die Rechtsvergleichung: auf dem Gebiete des Privatrechts. Tubengen; Mohr, 1996. C. 699.
16. ՀՀ օրենք «Հայաստանի Հանրապետության քաղաքացիական օրենսգրքում լրացումներ և փոփոխություններ կատարելու մասին», 19.05.2014 // ՀՀՊՏ 2014.06.11/30(1043) Հոդ. 454:
17. ՀՀ սահմանադրական դատարանի ՍԴՈ-1121 որոշում, 05.11.2013 // ՀՀՊՏ 2013.11.20 /62 (1002).1 Հոդ. 1113.1:
18. *Тимошенко И.В.* Административная ответственность: Учебное пособие. М.: Ростов/н-Д, 2004. С. 85.
19. Հայաստանի Հանրապետության տնտեսական մրցակցության պաշտպանության պետական հանձնաժողով 2012 թվականի տարեկան գործունեության հաշվետվություն, Եր., 2013. էջ 23:
20. Հայաստանի Հանրապետության տնտեսական մրցակցության պաշտպանության պետական հանձնաժողովի 22.09.2010թ. թիվ 244-Ա որոշում:
21. «Լեզվի մասին» ՀՀ օրենք, 30.03.1993 // ՀՀ ԳԽՏ 1993/8:
22. «Տնտեսական մրցակցության պաշտպանության մասին» ՀՀ օրենք, 06.11.2000 // ՀՀՊՏ 2000.12.15/30 (128):

RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF LEGISLATION ON ADVERTISING

L. Sargizov

SUMMARY

This article is dedicated to the institute of liability for the violation of requirements of the legislation on advertising. Particularly, we consider the concepts of public danger non-material damage, present some changes in the “Advertising Law”, and also observe grounds of liability. In this paper it was monitored the analysis of foreign legislation and judicial and administrative practice in the advertising field.

Keywords: civil liability, public danger, non-material damage, the authorized body, the State Commission for Protection of Economic Competition.

ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆԸ ԳՈՎԱԶԴԻ ՄԱՍԻՆ ՕՐԵՆՍԴՐՈՒԹՅԱՆ ԽԱԽՏՄԱՆ ՀԱՄԱՐ

Լ.Ա. Սարգիսով

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածը նվիրված է գովազդի մասին օրենսդրության պահանջների խախտման համար պատասխանատվության ինստիտուտին: Մասնավորապես, դիտարկվել են հասարակական վտանգի և ոչ նյութական վնասի հասկացությունները, ներկայացվել են համապատասխան փոփոխություններ «Գովազդի մասին» օրենքում, ինչպես նաև դիտարկվել են պատասխանատ-

վության ենթարկելու հիմքերը և յուրաքանչյուր սուբյեկտի պատասխանատվության աստիճանը: Աշխատանքում կատարվել է արտասահմանյան օրենսդրության վերլուծություն և դիտարկվել է գովազդի ոլորտին վերաբերող դատական և վարչական պրակտիկան:

Հիմնաբառեր՝ քաղաքացիաիրավական պատասխանատվություն, հասարակական վտանգ, ոչ նյութական վնասներ, լիազոր մարմին, տնտեսական մրցակցության պաշտպանության պետական հանձնաժողով:

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ КАК ФОРМА НАРОДОВЛАСТИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Ц.М. Макарян

АННОТАЦИЯ

Данная научная статья посвящена вопросам представительной демократии. Обосновывая идею общенационального представительного учреждения, Ш. Монтескье в труде «О духе законов» утверждал, что «большое преимущество избранных представителей в том, что они способны обсуждать дела. Народ совершенно не годен для этого, что и составляет одну из самых слабых сторон демократии». Современная демократия сегодня все чаще проявляется через именно представительную форму. С этой точки зрения, роль парламентов сильно возрастает, и представить современное демократическое государство без парламента невозможно.

В статье рассмотрены также признаки представительной демократии, которые делают власть реально представительной. При этом автор обращается также к таким терминам и категориям, как: «политическое представительство», «народное представительство», «административное представительство», «должностное представительство», «представительство» и «мандат», «парламентаризм» и др.

Ключевые слова: политическое представительство, народное представительство, административное представительство, должностное представительство, представительство и мандат, парламентаризм и др.

Утверждение Платона о том, что творчество на определенное время убивает «человека, чтобы боги говорили его устами», трудно применить для политического мышления. «Творческое забвение не является обыденной заботой политика. Он всегда бдителен, трезв, будучи под давящим контролем обыденных забот и обыденного мышления. Лишь в условиях подобного сплетения политического мышления и обыденности становится возможным субъект политического творчества как непосредственный выразитель политической мудрости и политической безграмотности своего народа, олицетворение его социально-политических и национально-психологических достоинств и слабостей» [1].

Представление о народе, как исходном и конечном пункте демократической легитимации, является базовым в понимании демократии.

Обосновывая идею общенационального представительного учреждения, Ш. Монтескье в труде «О духе законов» утверждал, что «большое преимущество избранных представителей в том, что они способны обсуждать дела. Народ совершенно не годен для этого, что и составляет одну из самых слабых сторон демократии». Развивая мысль, он пишет: «Потому что в свободных государствах каждый человек, который считается свободным, должен сам собой управлять, там законодательная власть должна принадлежать всему народу. Но постольку, поскольку в крупных государствах это невозможно, а в маленьких связано со многими неудобствами, так необходимо, чтобы народ посредством своих представителей выполнял всё, что сам

не может выполнить» [2].

Современные парламенты «обречены» на выполнение определенных задач:

1) это – законодательная власть страны, парламент принимает законы;

2) это – орган в системе государственных органов страны, находящийся в тесном взаимодействии с иными центральными, а также региональными властными структурами;

3) это – важный инструмент государственной политики и политической жизни, так как в парламенте, так или иначе, переплетаются интересы и усилия политических партий и движений, иных общественных объединений, общегосударственные и территориальные интересы и заботы.

Представить современное демократическое государство без парламента невозможно. В политической системе и конституционном механизме демократического общества парламенту предназначена ведущая роль. Парламент называется представительным органом государства. Это значит, что парламент – выразитель интересов и воли народа, т.е. всей совокупности граждан государства. Парламент формируется на основе всеобщего политического участия населения, прежде всего, путем всеобщих выборов. Выборы, как единственно возможный способ формирования представительного органа, придают ему «авторитет всеобщности» [3]. В опубликованном в 1907г. произведении Дж. Стюарта Милля «Представительное правление» он писал: «Идеальным типом формы правления надо признать правление представительное». По его мнению, это «означает, что весь народ или по меньшей мере значительная его часть пользуется через посредство периодически избираемых депутатов высшей контролируемой властью. Этой высшей властью народ должен обладать во всей ее полноте. Он должен руководить, когда ему захочется, всеми мероприятиями правительства» [4].

Следует отметить, что в политологической литературе широко используется термин «политическое представительство», близкий по содержанию с народным представительством. По нашему мнению, термин «народное представительство» более точно и конкретно указывает на реальный источник власти. В науке конституционного права категория народного представительства является одной из важных и сложных по своей структуре. В практике государственного строительства отношение к народному представительству – основной критерий существующих политических режимов. Кроме того, от степени развития народного представительства зависит форма государства, иерархия, структура и компетенция органов государственной власти. Наиболее широко проявляется народное представительство в парламентских республиках, ведущей особенностью которых является верховенство парламента в системе государственных органов.

Концепция народного представительства может быть изложена как совокупность следующих принципов:

1) народное представительство учреждается конституцией;

2) народ как носитель суверенитета уполномачивает парламент осуществлять от его имени законодательную власть;

3) с этой целью народ избирает в парламент своих представителей – депутатов, сенаторов и т.д.;

4) член парламента – представитель всего народа, а не тех, кто его избрал, поэтому он не зависит от избирателей, не может быть ими отозван.

Являясь высшим представительным органом, парламент призван осуществлять чрезвычайно важную функцию. Он «играет роль форума, на котором гласно и публично обсуждаются важные общественные и политические вопросы, организационного центра политической жизни страны» [5]. У парламента как выборного органа определяющее свойство – представительность. «Это и способ его формирования как органа законодательной власти, и способ деятельности, и императив функционирования» [6]. Представительность свойственна только парламенту, и поэтому парламент – единственный представительный орган государства. Как писал Л. Дюги: «Парламент есть представительный мандат нации» [7].

Итак, обобщая выше сказанное, попытаемся определить, что дает основания назвать орган парламентом и говорить о функционировании представительной демократии.

1) Парламент – представительное учреждение власти. Причем оно, в сравнении с иными органами государственной власти, обеспечивает наиболее многообразное представительство общественных интересов. В основе теории народного представительства лежит положение о том, что каждая экономически и политически обособленная часть страны, каждая национальная, этническая, религиозная группа должна иметь своих представителей в центральных органах власти. Это означает, что парламент рассматривается как выразитель воли и интересов всей совокупности граждан данного государства. Отсюда и такое его обозначение, как «народное представительство». При этом, следует иметь в виду, что отношения представительства по изложенной конструкции имеют место между нацией в целом и парламентом в целом.

Однако при ближайшем рассмотрении сами эти отношения оказываются иными, чем предполагается, исходя из смысла терминов «мандат» и «представительство». Французский конституционалист М. Прело писал об этом: «Волеизъявление избирателя ограничивается выбором того или иного лица и не оказывает никакого влияния на положение избранного. Оно определяется только конституцией и законами. Ввиду этого термин «мандат» следует понимать, согласно получившей распостранение в 1789г. доктрине.., в смысле, отличном от того, какой ему придает гражданское право. Равным образом оказывается, что слово «представительство» понимается в смысле, противоположном тому, какой ему можно логически придать с точки зрения лингвистической. Избранное лицо, непосредственно и свободно творящее волю нации, обладает полной независимостью» [8]. Другими словами, считается, что парламент знает, чего хочет народ, и выражает его волю в законах и иных актах, не будучи в этом отношении никому подконтролен (в рамках конституции). «Воля парламента и есть воля народа» [9]. В этом заключается идея представительного правления, которое некоторые

французские теоретики не считали демократическим, поскольку оно исключает навязывание гражданами своей воли парламенту [10].

В действительности, проблема этим не ограничивается. Прежде всего, в зависимости от структуры, парламенты бывают однопалатным и двухпалатным. В странах с двухпалатной парламентской системой верхняя палата рассматривается конституциями как орган территориального представительства; особенно это характерно для федеративных государств, а также для некоторых унитарных. Например, согласно ст. 57 Конституции Италии, «Сенат Республики избирается на базе областей» или, согласно ст. 22 Конституционного акта 1867г. Канады, «в целях образования Сената Канада будет считаться состоящей из четырех частей. Четыре части должны быть в равной мере представлены в Сенат [11] и т.д. Таким образом, сенаторов можно считать представителями коллективных интересов жителей соответствующих территориальных единиц (субъектов федерации или административно-территориальных единиц унитарного государства). Однако, так как последние не имеют конституционно-правовых средств постоянного контроля за деятельностью сенаторов и воздействия на них, то, по мнению определенной группы представителей российской правовой науки (В.А. Рыжов, Б.А. Страшун, Т.С. Румянцева и др.), «здесь вполне проявляется действие концепции представительного правления» [12]. По их мнению, исключение составляет Германия, где Бундесрат – орган, формально не считающийся парламентским, но «фактически играющий роль верхней палаты, – состоит из представителей правительств земель, и эти представители обязаны действовать по указанию своих правительств» [13]. Таким образом, для данной точки зрения приемлимым считается наличие верхней палаты парламента, который образуется путем представительства от «мест» (делегированного представительства), а не через выборы (ФРГ, РФ). Предполагается, что таким образом могут быть лучше учтены интересы регионов.

Принципиально иной позиции придерживается другая группа российских правоведов (В.Д. Горобец, Е.И. Колюшин, И.В. Гранкин, С.А. Авакьян и др.) [14], не считая, по сути, верхние палаты, образуемые не через выборы, органами народного представительства (Е.И. Колюшин предлагает даже вывести Совет Федерации из состава российского парламента) [15].

Таким образом, все авторы сходятся лишь в одном, что верхняя палата парламентов должна обеспечивать территориальное представительство. Вопрос заключается в критериях и основаниях определения представительного характера. Одни авторы считают обеспеченным территориально-представительный характер верхней палаты парламента лишь в том случае, когда обеспечена возможность непосредственного воздействия территориальных властей на позицию «своего» парламентария в верхней палате законодательного органа. Другие связывают представительный характер верхней палаты исключительно с избранием их членов непосредственно населением.

Что же касается требования о необходимости предоставления избирателям средств для контроля над своими представителями, то здесь следует учесть тот

факт, что парламентские выборы, как правило, монополизированы в развитых демократических государствах политическими партиями. «Демократизация избирательного права по внутренней логике развития парламентского представительства вывела политические партии на господствующие позиции в демократическом процессе формирования общественного мнения и выражения воли народа в условиях парламентаризма» [16], – отмечают немецкие юристы. И хотя юридическими средствами контроля за деятельностью своих депутатов политические партии обычно не располагают, тем не менее, фактически контроль такой осуществляют, ибо без их поддержки почти невозможно стать депутатом, а став им, эффективно действовать в парламенте. Партии, в свою очередь, должны считаться с интересами своего электората и по возможности расширять его. В силу этих обстоятельств представительное правление приобретает демократические черты.

2) Парламенты – исключительно коллективные органы государственной власти. Широкая коллегиальность обсуждения, принятия решений на основе конкуренции политических позиций, борьбы и сопоставления мнений – все это квалифицирующие признаки парламентской организации. Для иных органов коллегиальность необязательна и не столь широка, как в парламентах. Данный признак парламента непосредственно связан с его представительным характером. В этом вопросе среди юристов также нет единого подхода. Ряд ученых (например, С.А. Авакьян) отмечает, что понятием народного представительства охватываются не только коллегиальные органы, состоящие из избранных народом представителей-депутатов, но и главы исполнительной власти, которые, по его мнению, «производны от народа в силу их выборности и выражают его интересы» [17]. Широко, на наш взгляд, рассматривает категорию представительства А.С. Автономов, полагающий, что президент осуществляет представительство и является «представительным органом власти» [18].

И.В. Гранкин полагает, что выборное должностное лицо не является народным представителем. «По своей природе он предназначен не для представления интересов всего народа или его части в какой-либо властной структуре, а для осуществления определенного набора полномочий, связанных с управлением, воздействием на весь народ или его часть. Эти полномочия устанавливаются не волей избирателей, а действующим законодательством, планами, программами, указаниями вышестоящих органов» [19]. По его мнению, при выборе должностного лица для избирателей определяющими являются организаторские способности претендентов, их умения проводить в жизнь конкретные решения. Для депутатов самое главное – способность максимально точно выражать в разрабатываемых законах волю народа, по меньшей мере своих избирателей.

С последней точкой зрения, по сути, согласны А.М. Осавелюк и В.А. Рыжов, определяющие президента – главу государства – как высшего представителя государства внутри и во вне и, вместе с тем, символа единства народа и государства. Выборные должностные лица на современном этапе, как правило, представляют собой единоличные исполнительные органы государственной власти или возглав-

ляют их, либо не относятся ни к одной из ветвей власти и являются арбитром между ними. И их предназначение – не аккумулировать волю народа в своих решениях, что требуется от депутатов, а:

1) обеспечить проведение в жизнь законов, в которых традиционно формулируется народная воля;

2) «обеспечить своим арбитражем нормальное функционирование публичных властей» [20] (ст.5 Конституции Франции);

1) представлять «национальное единство» [21] (ст.87 Конституции Италии) и т.д.

Это представительство можно назвать «административным» или «должностным».

Таким образом, присоединяясь к мнению последней группы авторов, отметим, что «административное представительство» принципиально отличается от народного представительства. Водораздел между указанными видами представительства – в их разном содержании и направленности. Отнесение выборных должностных лиц исполнительных органов государственной власти к числу народных представителей в силу их выборности повлекло бы смешение функций различных государственных органов. При таком подходе на теоретическом уровне утрачивается объективно существующая потребность проводить дифференциацию государственных органов по их предназначению, а также разграничивать обусловленную этим предназначением компетенцию.

По нашему мнению, народное представительство проявляется только в процессе избрания и функционирования представительных органов, предназначенных, прежде всего, для принятия коллективных решений в форме конституций, законов и других общеобязательных правовых актов в интересах народа. С этой точки зрения принцип коллегиальности – важный отличительный признак народного представительства.

3) Парламенты – это не только представительные и коллегиальные учреждения, но и выборные органы. Принцип выборности как критерий парламента вытекает из его представительного характера: избиратели посредством выборов должны наделять депутата законодательными полномочиями. Для депутата фактор избрания народом имеет принципиальное значение. Иным способом он не может стать таковым. Его предназначение в рамках законодательной деятельности – представлять интересы всего народа и максимально выражать его волю. Он выступает первичным носителем воли народа и преобразует ее в законы.

Выборы легитимируют власть. Через их посредство народ определяет своих представителей и наделяет их мандатом на осуществление его суверенных прав. Тем самым, реализуется одно из важнейших прав человека и гражданина. Для народного представительства характерно возникновение определенных правовых отношений между народным представителем и соответствующей группой избирателей. Они отличаются от представительства, регулируемого нормами гражданского и ряда других отраслей права. Правоотношения народного представительства связаны

с государственной властью, формированием государственной воли. Такие правоотношения возникают, естественно, при наличии двух субъектов – избранника народа и избирателей. При этом, для народного представителя возникают определенные обязательства перед избирателями, которые, хотя и не оформлены специальным договором, но несут как бы договорный характер, на что справедливо обратила внимание Н.В. Щербакова [22]. Ведь до избрания депутатом кандидат в депутаты обнародует свою программу, а избиратели, поддержав его большинством голосов, доверяют ему выступать от их имени. После выборов взаимоотношения между избирателями и депутатами складываются в зависимости от характера мандатов (императивного или свободного). Принцип императивного мандата предполагает право избирателей давать депутатам обязательные для них наказы и досрочно отзывать своих избранников, если они эти наказы не выполняют или выполняют плохо. Принцип императивного мандата был воспринят марксистско-ленинской доктриной, опиравшейся на опыт Парижской коммуны 1871г., и получил известное отражение в конституциях и органическом законодательстве социалистических стран (КНР, КНДР, бывший СССР).

Императивный мандат в его непосредственном применении – институт нежизнеспособный. Если депутат по каждому вопросу должен предварительно выявлять мнение своих избирателей, то, даже отвлекаясь от непреодолимых сегодня технических трудностей, принятие решений в парламенте зачастую стало бы невозможным: парламентарии не вправе были бы прийти к компромиссу. Но даже если понимать императивный мандат менее жестко, а именно как обязанность парламентария следовать воле своих избирателей, когда она прямо выражена, при свободе действий в остальных случаях, то при таком понимании конструкция вызывает принципиальные сомнения: если даже парламентарий считает выраженную волю своих избирателей противоречащей национальным интересам, он обязан выполнять ее, либо подавать в отставку или подвергнуться отзыву.

Согласно конституциям демократических государств, парламенты и все их члены являются представителями всей нации, и никто не вправе давать им обязывающих наказов. Они связаны лишь конституцией и совестью. Это принцип так называемого свободного мандата [23].

М. Прело обобщил содержание свободного мандата следующим образом:

1) мандат является общим (то есть, хотя депутаты избираются по избирательным округам, они представляют всю нацию);

2) мандат не императивный, а факультативный (его осуществление свободно от принуждения, депутат не обязан делать что-либо конкретное, в том числе участвовать в парламентских заседаниях, не обязан учитывать мнения своих избирателей). Справедливости ради следует отметить, что не во всех странах воспринимают этот признак свободного мандата. Так, в частности, согласно конституциям Грузии, Армении, неучастие депутата по неуважительным причинам в работе парламента в течение определенного времени служит основанием для досрочного прекращения полномочий члена парламента [24] или, например, в Польше продолжает действо-

вать ст. 101 Конституции 1952г., закрепляющая обязанность депутатов и сенаторов представлять избирателям отчет о своей работе и деятельности органа, в состав которого избраны, наряду с положением о невозможности отзыва [25];

3) мандат не подлежит отзыву;

4) мандат при своем осуществлении не требует одобрения действий мандатария (презумпция соответствия воли депутатов воле народа не подлежит оспариванию [26]).

Однако не все исследователи считают признание принципа свободного мандата достижением на пути к становлению парламентаризма. Так, Н.В. Щербакова пишет: «Рядовой избиратель практически бессилен перед избранным им самим и на его деньги избранником, который зачастую отстаивает лишь собственные интересы. Власть доверенного лица превзошла волю доверителя» [27]. И.В. Гранкин отмечает: «Отказ от права отзыва депутата и другие «демократические» новшества при образовании российского парламента только ослабили его. Свободный мандат создал условия для злоупотребления доверием избирателей со стороны многих десятков депутатов Государственной Думы. В то же время избиратели оказались лишенными возможности контролировать деятельность депутатского корпуса. В этом кроется одна из причин обоюдного отчуждения депутатов и их избирателей. В условиях резкого оттторжения народа от деятельности представительных и законодательных органов вряд ли серьезно можно говорить о его власти в стране. Право раз в 4–5 лет подойти к избирательным урнам не дает полноценных оснований для таких утверждений» [28].

По данному вопросу высказываются также отечественные исследователи. Г. Хачатрян отмечает, что принцип свободного мандата конституционно закреплен. Однако абсолютно ли свободен депутат НС, может ли действовать лишь по собственному усмотрению, не будучи ничем ограниченным и ни с кем не связанным? На данный вопрос можно ответить только отрицательно, так как депутат, в первую очередь, зависит от партии, обеспечившей его избрание [29].

Такого же мнения придерживается немецкий исследователь К. Хессе, который, обосновывая принцип свободного мандата и отмечая, что депутат не обязан поддерживать ту политику, за которую проголосовали на выборах его избиратели, одновременно констатирует, что «свободный мандат вступает в непреодолимое противоречие с действительностью современного партийного государства» [30]. Депутат связан партийной дисциплиной, решениями партийной фракции, которые определяют его позицию на обсуждаемых в парламенте вопросах.

Тем не менее, на наш взгляд, подобная «зависимость» депутатов от политических партий и фракций вполне обоснована. Ведь избиратели на выборах голосуют за конкретных депутатов, в основном, в зависимости от их партийной принадлежности (при мажоритарной избирательной системе), не говоря уже о том, что при голосовании по партийным спискам (при пропорциональной избирательной системе) иногда избиратели и не знают конкретных лиц, представленных в них, т.е. голосуют за партию. Так, М.А. Крутоголов пишет: «Характеризуя французских парла-

ментариев, мы, прежде всего, выделяем их политическую принадлежность: депутаты и сенаторы, избранные независимо от поддержки политических партий,– редчайшее явление (в Национальном собрании их просто не существует)» [31]. Потому мы считаем,что единственный способ обеспечения гражданского контроля за деятельностью народных избранников – более тесное взаимодействие политических партий с электоратом.

4) С представительным и выборным характером парламентов связано наделение их непосредственными, а не производными полномочиями. Конституции большинства демократических стран мира закрепляют положение о народе как источнике власти. При этом, народ в силу неотчуждаемости своего суверенитета не передает его органам власти, а уполномочивает их на осуществление определенных функций. С этим мнением согласны не все современные авторы. «Понятие народного суверенитета искажает смысл государственной власти, создает впечатление дуализма власти народа и власти государства. Поскольку государство в политическом смысле это – организация верховной власти, то «осуществление народом своей власти непостредственно» следует считать юридической фикцией, несущей легитимирующую нагрузку» [32]. Согласно принципам демократии, управление возможно лишь с согласия управляемых. Наиболее современная форма такого согласия возникает, когда граждане управляются с помощью ими же созданных законов. «Самоуправление может принимать форму представительной или непосредственной демократии. Демократическое управление осуществляется ради народа и посредством народа, в законах воплощается воля народа. Демократия в этом конституционном, то есть ограничивающем власть, толковании означает: именно потому, что народ является суверенным, никто и никакой орган не может потребовать себе суверенную власть. Власти у него может быть лишь столько, сколько ему передает народ. Законодательный орган характеризуется тем, что народ не уполномочивает кого-либо, а сам непосредственно наделяет его представительным мандатом».

5) Важным признаком парламента является то, что его функционирование возможно только в рамках системы, основанной на принципе разделения властей. Роль представительного органа в каждом государстве зависит от того, какая концепция организации государственной власти в нем принята: принцип верховенства представительных органов, либо принцип разделения властей. В отличие от принципа верховенства представительных органов, при концепции разделения властей ни одна из ветвей власти не доминирует. Казалось бы, парламентаризм основывается на сильном и полновластном парламенте, и в рамках концепции верховенства представительных органов (абстрагируясь, при этом, от фактического всевластия исполнительной власти) это было бы проще. Однако парламентаризм предполагает, помимо наличия представительного органа, целую систему институтов и механизмов, обладающих определенными качествами, при которых каждая отрасль власти занимает свое место. Формальное верховенство представительного органа при парламентаризме основано только на верховенстве закона. Парламент обладает полномочием на принятие законов и не делит это свое полномочие ни с одним другим органом

(должностным лицом) государственной власти.

Следует отметить, что парламент характеризуется и некоторыми иными признаками и характеристиками (например, правила надлежащей правовой процедуры, наличие контрольных полномочий и т.д.), однако в рамках данной научной статьи ставится задача рассмотрения лишь тех из них, которые обуславливают представительный характер парламента, а его деятельность характеризуют как наиболее эффективное проявление представительной демократии. Важно, что лишь при всей совокупности выше перечисленных основных признаков парламента можно говорить о наличии парламентаризма.

Несомненно, парламентаризм – это «смелая попытка реализации права самоуправления общества, приобретенного многовековыми усилиями» [33]. Будучи одним из достижений цивилизации, он представляет собой, прежде всего, современный цивилизованный способ социальной самоорганизованности народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Շաքարյան Հր.Գ.* Պառլամենտարիզմն իբրև մշակութաբանականերևույթ (հայկական հայեցակետ). Եր., 1995, էջ 5:
2. *Монтескье Ш.* Избранные произведения М., 1955. СС. 282–283.
3. Конституционное законодательство России. М., 1999. С. 118.
4. *Гранкин И.В.* Парламент России. М., 1999. С. 14.
5. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 276.
6. *Котелевская И.В.* Современный парламент // Государство и право. 1997. № 3. С. 9.
7. *Дюги Л.* Конституционное право. М., 1908. С. 416 // цит. по: Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. 8 Конституционное право РФ. М., 1996. С. 353.
8. *Прело М.* Конституционное право Франции. М., 1955. С. 436.
9. Конституционное право зарубежных стран / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 1996. С. 405.
10. *Прело М.* Конституционное право Франции. М., 1955. С. 61.
11. Конституции зарубежных стран. М., 1997. С. 255, 498.
12. Конституционное право зарубежных стран / Под ред. Б.А. Страшуна. М., 1996. С. 405.
13. Там же.
14. См. подробнее, например: Авакьян С.А. Проблемы народного представительства в Российской Федерации // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999; Авакьян С.А. Федеральное Собрание – парламент России. М.: Российский Юридический Издательский Дом, 1999; Горобец В.Д. Парламент Российской Федерации. М., 1998.; Гранкин И.В. указ. Соч.; Колюшин Е.И. О концепции реформирования Совета Федерации // Проблемы народного представительства в РоссийскойФедерации / Под ред. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
15. *Колюшин Е.И.* Указ. соч.
16. Государственное право Германии. Т.1. М., 1994. С. 51.
17. *Щербакова Н.В.* Проблемы народного представительства в РФ. М., 1998. С. 5.
18. Таж же. СС. 22–23.
19. *Гранкин И.В.* Парламент России. М., 1999. С.23.
20. Конституции зарубежных стран. М., 1997. С.106.
21. Там же. С. 261.
22. *Щербакова Н.В.* Проблемы народного представительства в РФ. М., 1998. СС. 29–31.

23. Ч. 2 ст. 51 Конституции Греции; ч. 1 ст. 38 Конституции Германии; ст. 67 Конституции Италии и т.д.
24. *Михалева Н.А.* Конституционное право зарубежных стран СНГ. М., 1998, С. 303.
25. Конституции государств Восточной Европы. М., 1996. С. 67.
26. *Прело М.* Конституционное право Франции. М., 1957. СС. 437–439.
27. *Щербакова Н.В.* Проблемы народного представительства в РФ. М., 1998. СС. 32.
28. *Гранкин И.В.* Парламент России. М., 1999. С. 35.
29. *Խաչատրյան Հ.* ՀՀառաջինՍահմանադրությունը: Եր. 1997, էջ 186.
30. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М., 1981. С. 286.
31. *Крутоголов М.А.* Парламент Франции. М., 1988. С. 158.
32. Конституция РФ: проблемный комментарий. Под ред. В.А. Четвернина. М., 1997. С. 72.
33. *Շաքարյան Հր.* Պառլամենտարիզմն իբրև մշակութաբանական երևույթ: Եր. 1995.

REPRESENTATIVE DEMOCRACY AS A FORM OF DEMOCRACY: SOME QUESTIONS OF THEORY

Ts. Makaryan

SUMMARY

The article is devoted the issues of representative democracy. Justifying the idea of a national representative body, Montesquieu states that “the great advantage of the elected representatives that their ability discussing the matters in his work “The Spirit of Laws”. People do not meet the requirements and that is one of the weaknesses of democracy». Modern democracy today is increasingly manifested through its representative form. From this perspective, the role of parliament is greatly increased, and a modern democratic state is impossible without a parliament.

The article describes the features of representative democracy, that makes the power really representative. The author also refers to such terms and categories as «political representation», “national representation”, “administrative office”, «an official representative”, “representation” and “mandate”, “parliamentary” system etc.

Keywords: political representation, national representation, administrative office, an official representative, representation and mandate, parliamentary system etc.

ՆԵՐԿԱՅԱՑՈՒՑՉԱԿԱՆ ԺՈՂՈՎՐԴԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ԺՈՂՈՎՐԴԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՁԵՎ: ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՈՐՈՇ ՀԱՐՑԵՐ

Ց.Մ. Մակարյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է ներկայացուցչական ժողովրդավարության հարցերին: Հիմնավորելով համազգային ներկայացուցչական հաստատության գաղափարը, Շ. Մոնտեսքյոն իր «Օրենքների ոգու մասին» աշխատությունում հաստատում է, որ «ընտրված ներկայացուցիչների մեծ առավելությունը նրանում է, որ նրանք ունակ են քննարկելու գործեր: Ժողովուրդն ի սպառ պիտանի չէ դրա համար, ինչն էլ կազմում է ժողովրդավարության ամենաթույլ կողմերից մեկը»: Ժամանակակից ժողովրդավարությունն

այսօր առավել հաճախ դրսևորվում է հենց ներկայացուցչական ձևի միջոցով: Այդ տեսակետից խորհրդարանների դերը խիստ աճում է, և պատկերացնել ժամանակակից ժողովրդավարական պետությունն առանց խորհրդարանի հնարավոր չէ:

Հոդվածում քննարկված են ներկայացուցչական ժողովրդավարության հատկանիշները, որոնք իշխանությունը դարձնում են իրական ներկայացուցչական: Հեղինակն անդրադարձ է կատարում այնպիսի եզրույթներին և կատեգորիաներին, ինչպիսիքն են «քաղաքական ներկայացուցչություն», «ժողովրդական ներկայացուցչություն», «վարչական ներկայացուցչություն», «պաշտոնեական ներկայացուցչություն», «ներկայացուցչություն» և «մանդատ», «պառլամենտարիզմ» և այլ:

Հիմնաբառեր՝ քաղաքական ներկայացուցչություն, ժողովրդական ներկայացուցչություն, վարչական ներկայացուցչություն, պաշտոնեական ներկայացուցչություն, ներկայացուցչություն և մանդատ, պառլամենտարիզմ և այլ:

ПСИХОЛОГИЯ

ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՁԵՎԱԽԵՂՄԱՆ ՈՐՈՇ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՈՍՏԻԿԱՆՆԵՐԻ ՄՈՏ

Ն.Մ. Նազարյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում արծարծվում են ոստիկանի մասնագիտական ձևախեղման որոշ առանձնահատկություններ, որոնք ի հայտ են գալիս նրա մասնագիտական գործունեությանը հատուկ տարաբնույթ անհամատեղելի, իրարամերժ գործոնների ազդեցության հետևանքով: Վերջիններս վճռորոշ ազդեցություն են գործում ոստիկանի անձնային առանձնահատկությունների ձևավորման և դրսևորման վրա:

Հիմնաբառեր՝ անձ, գործունեություն, մասնագիտական ձևախեղում, անձնային բնութագրեր, անհամատեղելի գործոններ, ինքնիրացում:

Մեր երկրում ոստիկանության՝ արդի չափանիշներին համահունչ կատարողական իշխանության նոր տիպի անցումը պահանջում է առաջնորդվել «հանրային ծառայության» փիլիսոփայությամբ, ինչը էական փոփոխություններ է ենթադրում ոստիկանության գործունեության մեջ և նոր պահանջներ է ներկայացնում ոստիկանին: Այս առումով խիստ արդիական է դառնում ոստիկանի մասնագիտական գործունեության և անձի առանձնահատկությունների հետազոտումը՝ նպատակ ունենալով բարձրացնել այդ գործունեության արդյունավետությունը և նպաստել ժամանակի հրամայականին համահունչ ոստիկանության կայացման ուղղությամբ տարվող աշխատանքներին:

Ելնելով աշխատանքի նպատակից և խնդիրներից՝ կիրառվել են հետազոտական հետևյալ մեթոդներն ու մեթոդիկաները՝ Կալիֆորնիական հոգեբանական հարցարանը, Թ.Ադորնոյի՝ ավտորիտարությունը չափող F–սանդղակը, Վ.Վ. Բոյկոյի՝ կոմունիկատիվ դիրքորոշման ախտորոշման և հուզական այրման մակարդակի, Օ.Ֆ. Պոտյոմկինի՝ մոտիվացիոն-պահանջմունքային ոլորտում անձի սոցիալ-հոգեբանական դիրքորոշումների ախտորոշման մեթոդիկաները, ասոցիատիվ գիտափորձը, հարցաթերթային հարցումը, ներգրավված դիտումը: Փորձարարական հետազոտության մեջ ներգրավվել են ՀՀ ոստիկանության տարբեր ստորաբաժանումների 1-30 տարվա մասնագիտական փորձ ունեցող տարբեր խմբերի պաշտոններ զբաղեցնող ավելի քան 100 ծառայող՝ ապահովելով ընտրակազմի ներկայացուցչա-

կանությունը:

Յանկացած մասնագիտական գործունեություն, ընթանալով սոցիալ-հոգեբանական մակրո և միկրոմիջավայրերում, կրում է սոցիալ-հոգեբանական տարաբնույթ կապերի, հարաբերությունների, երևույթների ազդեցությունը՝ միաժամանակ ազդելով դրանց վրա, որոնք իրենց հերթին ներգործում են գործունեության սուբյեկտի վրա՝ որոշելով նրա հաջողությունը, կյանքից և աշխատանքից բավարարվածությունը[9]:

Միաժամանակ, հայտնի է որոշ մասնագիտությունների բացասական ազդեցությունը անձի վրա: Խոսքը մասնագիտական դեֆորմացիայի (ձևախեղման)՝ մասնագիտության յուրահատկությունների, անբարենպաստ պայմանների, աշխատանքային սթրեսների և այլ ազդեցությունների տակ անձի մոտ բացասական որակների առաջացման մասին է: Յանկացած մասնագիտություն արդեն յուրացման փուլում, ապա նաև տևական կատարման ընթացքում ձևախեղում է անձը: Արդյունքում խաթարվում է մասնագետի անձի զարգացումը, իջնում է նրա հարմարողականությունը և աշխատունակությունը, բացասական փոփոխություններ են կրում գործունեության կառուցվածքը և բովանդակությունը, աշխատանքի արդյունավետությունը, միջանձնային հարաբերությունները և այլն [2; 4; 5; 7]:

Ոստիկանի մասնագիտական ձևախեղման վերաբերյալ հետազոտություններում քննարկվում են մասնագիտության ազդեցության ներքո անձի մոտ բացասական որակների ձևավորման հարցերը: Այսպես, Ա.Վ. Բուդանովը թվում է ոստիկանի անձի մասնագիտական ձևախեղման բարոյական, մտավոր, հուզակամային և մասնագիտական գործողությունների ոլորտները [3]: Ս.Պ. Բեզնոսովը ոստիկանի անձի ձևախեղումը բացատրում է մասնագիտական դերի կատարման ազդեցության տակ անձնային հատկությունների փոփոխմամբ, անձի մասնագիտական տիպի ձևավորմամբ, որը դրսևորվում է նաև մասնագիտական ոլորտից դուրս [2]: Ե.Վ. Սկվորցովան ոստիկանի մասնագիտական ձևախեղումը դիտում է որպես պրոֆեսիոնալիզացիայի գործընթացում իր, օրենքի և գործունեության առարկայի հանդեպ հարաբերությունների բացասական փոփոխությունների արդյունք [8]: Նշվում է նաև, որ առանձին աշխատակիցների ձևախեղումը վարակիչ ազդեցություն է գործում ոստիկանության ողջ կոլեկտիվի վրա [6]:

Ի մի բերելով գրականության մեջ առկա հայեցակարգերի վերլուծության և անցկացված հետազոտության արդյունքում ստացված տեսական և փաստական նյութը՝ պարզ է դառնում, որ ոստիկանի մասնագիտական գործունեությանը հատուկ են տարաբնույթ, տարբեր աստիճանի արտահայտվածության անհամատեղելի, իրարամերժ գործոններ: Վերջիններս, լինելով ոստիկանի գործունեության վրա ազդող՝ մասնագիտական միկրոմիջավայրի (մասնագիտության պահանջներ, գործունեական նորմեր, մասնագիտական մշակույթ և այլն) և ավելի լայն՝ հասարակական սոցիալ-հոգեբանական մակրոմիջավայրի (տվյալ հասարակության մեջ տիրող սոցիալ-հո-

գեբանական մթնոլորտը և արժեհամակարգը, սոցիալական ակնկալիքները, դիրքորոշումները, պատմական պատկերացումները և այլն) պահանջների անհամատեղելիության արդյունք, որոշում են ոստիկանի անձի զարգացման սոցիալ-հոգեբանական իրավիճակը՝ վճռորոշ ազդեցություն գործելով ոստիկանի անձնային առանձնահատկությունների ձևավորման և դրսևորման վրա: Ոստիկանի գործունեությանը բնորոշ այդ անհամատեղելի գործոնները խոչընդոտներ են առաջացնում նրա մասնագիտական կայացման գործընթացում՝ բերելով մասնագիտական ձևախեղումների [1]:

Հետևելով Է.Ֆ. Զեերին, ով նկարագրում է մասնագիտական ձևախեղումների կազմը [5] և հիմնվելով անցկացված հետազոտության տվյալների վրա՝ կարելի է փաստել, որ հետազոտված ոստիկանների մոտ առկա են մասնագիտական ձևախեղումների մի շարք հատկանիշներ, ինչպիսիք են.

ա) ավտորիտարություն (փոխազդեցության միանձնյա կառավարում, անվերապահ ենթարկում վերադասներին, ստորադասների հանդեպ գերիշխում, հարաբերությունների աստիճանակարգում, կարգավիճակի ընդգծում, կարգավիճակի փոփոխությունների նկատմամբ զգայունություն),

բ) դոմինանտության հակում (միջանձնային հարաբերություններում նախաձեռնության ստանձնում կամ դրանց վերահսկողություն, գործունեության սուբյեկտների ճնշում, իշխանության պահանջմունքի բավարարում)

գ) պահպանողականություն (ազդեցության կարծրատիպային հնարքներ, զգուշավորություն բարեփոխումների հանդեպ, անճկունություն, կաղապարային մտածելակերպ),

դ) անտարբերություն (հուզական այրում, հուզական չորություն, էմպաթիայի և տոլերանտության ցածր մակարդակ),

ե) ագրեսիա (պատժի, հարկադրանքի այլ մեթոդների գործածում, քողարկված և բացահայտ դաժանություն),

զ) դերային էքսպանսիոնիզմ (խորասուզում մասնագիտության մեջ, մասնագիտական դերի տեղափոխում կյանքի այլ ոլորտներ),

է) սոցիալական երեսպաշտություն (սոցիալապես կարևոր դրդապատճառների ընդգծում, խրատաբանություն, իրական զգացմունքների և վերաբերմունքի կեղծում),

ը) վարքային տրանսֆեր (վերադաս ղեկավարության, ինչպես նաև գործունեության սուբյեկտների՝ իրավախախտների հետ նույնացում, նրանց որոշ վարքաձևերի և հուզական հակազդումների յուրացում և վերարտադրում),

թ) գերվերահսկողություն (հույզերի վերահսկում, լուրջ պատասխանատվությունից խուսափում, ինքնիրացման արգելակում) և այլ ձևերով:

Մասնագիտական ձևախեղումները կարող են պայմանավորված լինել.

- գործունեության իրականացման պայմանների բարդության, արտակարգության, լարվածության, բարձր պատասխանատվության, իշխանական լիազորությունների առկայության և օբյեկտիվ մի շարք այլ հանգամանք-

ներով,

- միջանձնային հարաբերությունների յուրատիպությամբ,

- կառավարակազմակերպչական առանձնահատկություններով, մասնագիտական միջավայրի և մասնագիտական հանրույթի բարոյահոգեբանական մթնոլորտով,

- գործունեությանը տրվող արտաքին և ներքին գնահատականով,

-մասնագիտության վարկանիշի հետ կապված «լուսապսակով», մասնագետի տիպիկ անձնային որակների մասին պատկերացումներով և այլն:

Բացի այդ, ոստիկանի ավանդական դերի և առաքելության, աշխատանքի կատարման միջոցների բարեփոխումների, նրան ներկայացվող նոր պահանջների, ինչպես նաև հանրային արժեքների փոփոխությունները և մի շարք այլ գործոններ ազդում են ոստիկանների՝ իրենց մասնագիտական կարգավիճակի ընկալման վրա՝ պատճառ դառնալով մասնագիտական ձևախեղումների:

Ոստիկանի գործունեությանը բնորոշ անհամատեղելի, իրարամերժ գործոնների հետևանքով առաջացած ձևախեղումները բացասաբար են անդրադառնում ոստիկանի՝ իր մասնագիտության հանդեպ վերաբերմունքի, նրա հոգեբանական անվտանգության ապրման սուբյեկտիվ գնահատականի, անձի ներդաշնակ զարգացման, առհասարակ մասնագիտական կենսագործունեության մեջ ոստիկանի ինքնիրացման գործընթացի վրա՝ բերելով գործունեության արդյունավետության նվազման, մասնագիտության կերպարի աղավաղման և հեղինակության անկման և բացասական այլ հետևանքների:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Նազարյան Ն.Մ.* Ոստիկանի մասնագիտական գործունեության և անձի հոգեբանական առանձնահատկությունները. Ուսումնական ձեռնարկ/ Ն.Մ. Նազարյան. Եր., «Արման Ասմանգուլյան» ԱՁ տպարան, 2015, 230 էջ:
2. *Безносов С.П.* Профессиональная деформация личности. СПб.: «Речь». 2004. 272 с.
3. *Буданов А.В*. Профилактика и преодоление профессиональной деформации сотрудников ОВД // Актуальные вопросы психологического обеспечения работы с личным составом ОВД: Сборник / Под общ. ред. В.Л. Кубышко М.: ЦОКР МВД РФ, 2009. 144 с.
4. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
5. *Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития.* М.: Академия, 2006. 240 с.
6. *Китаев-Смык Л.А.* Выгорание персонала. Выгорание личности. Выгорание души // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2 (33). СС. 41–50.
7. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: МГФ «Знание», 1996. 308 с.
8. *Скворцова Е.В.* Психолого-педагогическая реабилитация сотрудников милиции в ситуации профессиональной деформации личности. Автореф. дисс. канд. психол. наук. М.: 2007. 19 с.
9. Социальная психология: учебник для вузов / Под ред. А.М. Столяренко. 2-е изд., доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 511 с.

SOME PECULIARITIES OF PROFESSIONAL DEFORMATION OF POLICE OFFICERS

N. Nazaryan

SUMMARY

Peculiarities of professional activity influence formation and demonstration of police officer's personal characteristics as a subject of activity. Police professional activity contains various inconsistent, contradictory factors that hinder his professional development causing professional deformation

Keywords: Activity, deformation, personal characteristics, contradictory factors, self-realization.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕФОРМАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Н.М. Назарян

АННОТАЦИЯ

Особенности профессиональной деятельности влияют на формирование и проявление личностных характеристик полицейского как субъекта деятельности. В профессиональной деятельности полицейского существуют различные несовместимые, противоречивые факторы, которые препятствуют его профессиональной самореализации и вызывают профессиональные деформации.

Ключевые слова: Деятельность, профессиональная деформация, личностные характеристики, противоречивые факторы, самореализация.

ԿՅԱՆՔԻ ԻՄԱՍՏԱՎՈՐՎԱԾՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐԸ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎԻՃԱԿԻ ԱՆԿՄԱՆ ՊԱՅՄԱՆՆԵՐՈՒՄ

Ս.Ա. Վարդանյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում է մասնագիտական կարգավիճակի անկման պայմաններում հայտնված հասուն անձի իմաստային ոլորտի շարժընթացը, մասնավորապես աշխատանքային գործունեության վերաիմաստավորման հարցը: Արժեքային վերակառուցումները առաջ են բերում անձի իմաստային ոլորտի աղքատացում, ինչը արտահայտվում է կյանքի իմաստավորվածության ցածր ցուցանիշներում: Ներկայացվում են անձի կյանքի իմաստավորվածությանը նվիրված էմպիրիկ հետազոտությունների արդյունքները մասնագիտական կարգավիճակի անկման պայմաններում միջին և բարձրագույն կրթություն ունեցող կանանց և տղամարդկանց խմբերում:

Հիմնաբառեր՝ մասնագիտություն, իմաստ, անձնային իմաստ, կյանքի իմաստավորվածություն, իմացական բարդություն, ժամանակային լոկուս, ինտենցիոնալություն, արժեք:

Փոխակերպվող հասարակությունը, անցումայնության գործընթացները, առաջացնում են վերակառուցումներ անձի ինչպես անձնային, ընտանեկան հարաբերությունների համակարգում, այնպես էլ մասնագիտական ոլորտում: Հասարակության մեջ լայն տարածում է գտել մասնագիտական կարգավիճակի անկման երևույթը: Փոփոխվող մասնագիտական իրականությունը հասուն անձին դնում է կյանքի վերաիմաստավորման, կյանքում իր տեղի որոնումների գոյաբանական խնդրի առջև:

Ե.Ա. Կլիմովը մասնագիտությունը սահմանում է իբրև հանրության անհրաժեշտ, սոցիալականապես արժեքավոր աշխատանքի բաժանման և մարդու ֆիզիկական և հոգևոր ուժերի ներդրման վայր, որտեղ մարդն իր աշխատանքի դիմաց ստանում է անձի զարգացման և գոյատևման անհրաժեշտ միջոցներ [1; 12]: Ա. Գ. Ասմոլովը հակադրվում է այս մտքին. «մարդու անհատականությունը ավելի լայն է իր մասնագիտությունից: Եթե անհատականությունը բազմակողմանի է և բազմազգաք, ապա առաջանում է մի բնորոշ երևույթ. նույնիսկ ըստ մասնագիտական ցուցանիշի չի հաջողվում անձին տեղավորել մասնագիտության նեղ շրջանակների մեջ» [2; 204]: Ըստ Ռ. Ա. Սարգսյանի՝ «մասնագիտություն» եզրույթը ավելի լայն է իր տարբերակիչ նշաններով և, որպես կանոն, միավորում է նույնատիպ գործունեության տեսակները [3; 91–96]: Այնուամենայնիվ, ակնհայտ է, որ մասնագիտությունը անձի կյանքի իմաստի կենտրոնական բաղադրիչներից է, որով բավարարվածությունը կամ անբավարարվածությունը ուղղակիորեն արտահայտվում

է կյանքով բավարարվածության բարձր կամ ցածր մակարդակներում:

Հոգեբանության մեջ «իմաստ» հասկացության առաջին հետազոտողներից է եղել Վ. Ֆրանկլը, որը գտնում էր, որ իմաստները համապարփակ կազմավորումներ են և գոյություն ունեն անկախ անձի ընդունելուց [4; 170]: Ֆ.Վ. Բասսինը ընդգծում է իմաստի հոգեբանության մեջ Ա.Ն. Լեոնտևի ներդրումը: Վերջինս առաջին անգամ մտցրեց «անձնային իմաստ» եզրույթը՝ իմաստները բնորոշելով իբրև գիտակցության կարևոր կազմավորումներ: Նշանակությունների հետևում թաքնված են հասարակայնորեն մշակված միջոցներ, գործողություններ, որոնց կատարման ընթացքում մարդիկ ճանաչում և փոփոխում են շրջապատող իրականությունը [5; 13–23]: Ներքին համակարգային հարաբերություններում նրանք ձեռք են բերում իրենց հոգեբանական բնութագիրը:

Իմաստների, մասնավորապես՝ անձնային իմաստների ուսումնասիրությանն են նվիրված եղել Ա.Գ. Ասմոլովի, Ֆ.Վ. Բասսինի, Բ.Ս. Բրատուսի, Ֆ.Ե. Վասիլյուկի, Վ.Կ. Վիլյունասի, Պ.Յա. Գալպերինի, Բ.Վ. Զեյգարնիկի, Վ.Պ. Զինչենկոյի, Դ.Ա. Լեոնտևի և այլոց աշխատանքները: Վ.Ն. Զոնկինը առանձնացնում է իմաստների երկու տեսակ՝ գործունեության երկու մակարդակներին համապատասխան. ապրիորի և ապոսթերիորի: Առաջինը նախորդում է գործունեությանը, երկրորդը ձեռք է բերվում գործունեության ընթացում կամ ավարտին [6; 27]: Գ.Լ. Բուտինևայտեն գտնում է, որ «անձնային արժեքներ» են դառնում այն իմաստները, որոնց նկատմամբ սուբյեկտը ինքնորոշվում է [7, 100]: Իմաստավորումը կարևոր իմացական գործընթաց է, որը մեծապես կախված է անձի զարգացման մակարդակից, քանի որ այս գործընթացի շնորհիվ է անձը ստեղծում սեփական աշխարհի պատկեր [8; 74]:

Դ.Ա. Լեոնտևը զարգացնում է շարժուն իմաստային իրականության տեսություն՝ ցույց տալով հասկացության շարժուն, փոփոխական բնույթը [9; 24–35; 124–129]: Իմաստաստեղծման գործընթացը մեծապես կապված է անձի և սոցիալական իրականության հետ անմիջական փոխազդեցության բնույթից: Նա տարանջատում է առանձին շարժուն իմաստային ոլորտներ՝ աշխատանք, ընտանիք և այլն: Տարբեր շարժուն իմաստային կազմավորումներ սահմանազատված չեն խիստ սահմաններով, դրանք կարող են հատվել իրար հետ և ունենալ ընդհանուր ենթահամակարգեր, որոնք երկուսին էլ կարող են պատկանել: Այս տեսանկյունից աշխատանքի իմաստային ոլորտի վերաիմաստավորումը ենթադրում է անձի կողմից ողջ իմաստային ոլորտի վերանայում:

Իմաստային ոլորտի ժամանակակից հետազոտողներից Ա. Վ. Սերին գտնում է, որ իմաստները արտահայտում են սուբյեկտի վերաբերմունքը օբյեկտիվ իրականության նկատմամբ և օժտում են իրերն արժեքային կարգավիճակով: Հեղինակը կարևորում է իմացական բարդության հարցը՝ գտնելով, որ դրա ցածր մակարդակն իր արտահայտությունն է գտնում

ռիգիդ, կոշտ կառուցվածքներում: Իմաստը կապված է «կենսական հեռանկար» հասկացության հետ, ինչը ենթադրում է, որ այն իր ժամանակային ենթատեքստից դուրս դիտելը անհնար է: Իրականության որևէ երևույթի կամ օբյեկտի իմաստավորման գործընթացը իրականացվում է տարբեր ժամանակային լոկուսների համաժամացմամբ (սինխրոնացմամբ) [10; 7–20]: Այնուամենայնիվ, իմաստային ոլորտը քարացած չէ: Աշխատանք, սեր, կյանք և այլ իմաստները ենթակա են տեղաշարժման, վերաիմաստավորման ուժեղ ներգործությունների (հոգեծին իրադարձություններ, աշխատանքի փոփոխություն, աշխատանքի կորուստ, մահ և այլն) ազդեցությանը: Առանձին իմաստների կոշտությունը և իմաստային համակարգի ճկունությունը ապահովում է իմաստային համակարգի կայունությունը՝ թույլ տալով սուբյեկտին ճկունորեն հակազդել շրջապատող իրականության տարբերիչ կողմերին և դրսևորել համարժեք վարք՝ անփոփոխ պահելով կուտակած փորձը [6]: Այս տեսանկյունից իմաստների շարժընթացը կրում է հարմարվողական բնույթ:

Մ.Ս. Յանիցկին և Ա.Վ. Սերին անձի արժեքաիմաստային ոլորտի վերակառուցման կարևորագույն գործոնների մեջ առանձնացնում են հասարակության մեջ տեղ գտնող սոցիալ-տնտեսական, քաղաքական, գաղափարական փոփոխությունները: Իրականության իմաստային հարաբերությունները ամրակայված են անձնային արժեքներում, որոնք, իրենց հերթին, հասարակության մեջ առկա օբյեկտիվորեն գործառնող արժեքային համակարգի արտացոլումն են: Պարզ է, որ արժեքաիմաստային ոլորտի վերակառուցումը մեծապես կապված է անհատի և հասարակության կյանքի իրական կյանքի գործընթացի օբյեկտիվության հետ: Մարդը ձգտում է ձեռք բերել իմաստ և զգում է ֆրուստրացիա կամ գոյաբանական վակուում, եթե այդ ձգտումը չի իրացվում [11; 37–40]: Եթե արժեքների զգալի մասը կորցնում են իրենց առաջնային նշանակությունը, ապա արժեքային համակարգը պարզանում է: Անձի հոգեկանին վտանգ է սպառնում այն դեպքում, երբ կյանքի իմաստավորվածության մակարդակը ցածր է, չկա բավարար լարվածություն գործելու համար:

Փոփոխվող պայմաններում անցյալի վրա սևեռված լինելու փաստը կարող է վկայել հասուն անձի մոտ լուրջ ճգնաժամի առկայության մասին, երբ ներկան չի բավարարում անձին, նա չի կարողանում լիարժեք իրացնել հարաբերությունները շրջապատի հետ, իսկ ապագայի հեռանկարը՝ ներկայի չկայացվածության պատճառով, ամբողջովին անորոշ է թվում: Նման իմաստային շարժընթաց նկատվում է հետխորհրդային երկրների բնակչության զգալի մասի շրջանում, քանի որ կատարվում է անցում սոցիալիստականից մեկ այլ՝ կապիտալիստական, շուկայական համակարգի, որի պայմաններում անձն ապրում է անվաբարարվածության զգացում՝ կապված սոցիալական կառուցվածքում իր զբաղեցրած կարգավիճակի հետ, ունենում է կյանքի նոր պայմանների իմաստավորման դժվարություններ: Մասնագիտական կարգավիճակի փոփոխության պայմաններում իմաստային ոլորտի

վերակառուցումը պարտադիր բաղադրիչ է, իսկ դրա վերջնական արդյունքը՝ կյանքի իմաստավորվածության մակարդակն է, որն արտահայտում է ներկայով բավարարված և չբավարարված լինելու փաստը՝ կախված նոր սոցիալական կարգավիճակի նկատմամբ վերաբերմունքից:

Իմաստի առկայության կենտրոնական ցուցիչը կյանքի իմաստավորվածությունն է: Կյանքի իմաստավորվածությունն ինտեգրալային ցուցանիշ է և արտահայտում է անձի հոգեկան բաերիարմարությունը, հարմարվածությունը ներկայիս պայմաններին [12, 135–140]: Ուստի, որպես ներկայի ցուցիչ՝ այս հասկացությունը կարևորել ենք մեր հետազոտության մեջ:

Կյանքի իմաստավորվածությունը, որն ինտեգրալային երևույթ է, ենթադրվում է, որ արտահայտում է անձի իմաստային ոլորտի տեղաշարժերի միտումները: Մասնագիտական կարգավիճակի անկման պայմաններում կյանքի իմաստավորվածության ցածր մակարդակը արտահայտում է հասուն անձի արժեքային վերակառուցումների արդյունքում իմաստային ոլորտի աղքատացման միտումը: Ոչ մասնագիտական կարգավիճակին հարմարվելու գործընթացում տեղի է ունենում նախկին և նոր արժեքների բախում, ինչի արդյունքում նոր իրավիճակին հարմարումն ապահովվում է անձի համար կենտրոնական իմաստների, այն է՝ «մասնագիտություն», «աշխատանք» իմաստների վերաիմաստավորման միջոցով, կրում է հարմարվողական բնույթ: Անձի արժեքաիմաստային ոլորտի վերակառուցումները օրինաչափ են. յուրաքանչյուր փուլում հինը դառնում է նորի մաս: Սակայն այդ գործընթացի բացասական միտվածությունը նկատվում է, երբ սոցիալական միջավայրում անձի մասնագիտական կարգավիճակի փոփոխությունը տեղի է ունենում հանկարծակի կամ արտաքին հարմադրմամբ: Ենթադրվում է, որ մասնագիտական կարգավիճակի անկման պայմաններում նկատվում է արժեքային ոլորտի աղքատացում՝ բարձրագույն արժեքների ուղղահայաց բացասական միտվածությամբ տեղաշարժ՝ արժեքային համակարգում, արդյունքում թուլանում է նաև կյանքը իմաստավորելու կարողությունը, իմաստը կենտրոնանում է անցյալի ժամանակային գոտում, սահմանափակվում է ինքնաիրացման հնարավորությունը:

Հետազոտությանը մասնակցել են 40–60 տարեկան թվով 101 հոգի՝ տղամարդ և կին, միջին և բարձրագույն կրթությամբ, որոնք հայտնվել են մասնագիտությունը փոխելու իրադրության մեջ: Հետազոտական ընտրանքը բաժանվել է մեր կողմից խմբերի. ըստ սեռի՝ 45 կին և 55 տղամարդ, և ըստ կրթության գործոնի՝ 51 հոգի բարձրագույն և 50 հոգի միջին մասնագիտական կրթությամբ հետազոտվողներ: Նշենք, որ հետազոտվողները հավասարապես տիրապետում էին հայոց լեզվին և ռուսաց լեզվին, ինչը չառաջացրեց լեզվական խոչընդոտ թեստային նյութի ընկալման առումով:

Մեր կողմից մշակված սոցիալ-հոգեբանական հարցաթերթիկի տվյալները թույլ են տալիս պատկերացում կազմել հետազոտվողի վերաբերմունքի մասին ներկայի և նախկին սոցիալական, մասնագիտական կարգավիճակի,

կյանքի որակի, դրանով բավարարվածության, աշխատանքային գործունեության մեջ սեփական պոտենցիալը ներդնելու մասին, ընդհանրապես ներկայումս «աշխատանք» հասկացության, ինչպես նաև ժամանակի (անցյալ, ներկա և ապագա) իմաստավորման հարցերի վերաբերալ:

Աղյուսակ 1

1.	Այժմ աշխատանքը ձեզ համար	Ապրուստի միջոց է 86%	Ինքնաարտահայտման և ինքնաիրացման միջոց է 12%	-
2.	Ինչպե՞ս եք վերաբերում շրջապատում տեղի ունեցող փոփոխություններին	Փոփոխությունն երբ ինձ ուրախացնում են 33%	Անտարբեր եմ 28%	Փոփոխությունն երբ ինձ վախեցնում են 39%
3.	Ձեր կյանքն այնպիսին է, ինչպիսին դուք կուզենայիք	Ես իմ կյանքից գոհ եմ 40%	Ես իմ կյանքից գոհ չեմ 60%	-
4.	Կյանքում ձեզ համար կարևոր է ապահովության զգացումը	Այո, այդպես է 96%	Ինձ համար միևնույն է 3%	Ոչ, այդպես չէ1%
5.	Նախկին աշխատանքը ձեզ ավելի էր գոհացնում	Այո 95%	Ոչ 5%	-
6.	Զգում եք, որ կյանքում ձեր «տեղը» ամուր է	Այո, այդպես է 45%	Չգիտեմ 23%	Ոչ, այդպես չէ 32%
7.	Հաճախ ե՞ք մտածում, որ կյանքում հնարավոր չէ ոչինչ փոխել	Այո 35%	Ոչ 65%	-
8.	Դուք ապրու՞մ եք անցյալի հիշողություններով	Այո 69%	Երբեմն 28%	Ոչ 3%
9.	Դուք ներդնու՞մ եք ձեր ողջ պոտենցիալը աշխատանքի մեջ	Այո 70%	Ոչ 30%	-
10.	Մտածու՞մ եք ապագայի մասին	Հաճախ 78%	Երբեմն 18%	Հազվադեպ 4%
11.	Դուք գո՞հ եք ներկայիս աշխատանքից	Այո, լիովին 68%	Ոչ, այնքան 28%	Ոչ 4%

Սոցիալ-հոգեբանական հարցաթերթիկի տվյալները ամբողջ ընտրանքի համար՝ արտահայտված տոկոսներով

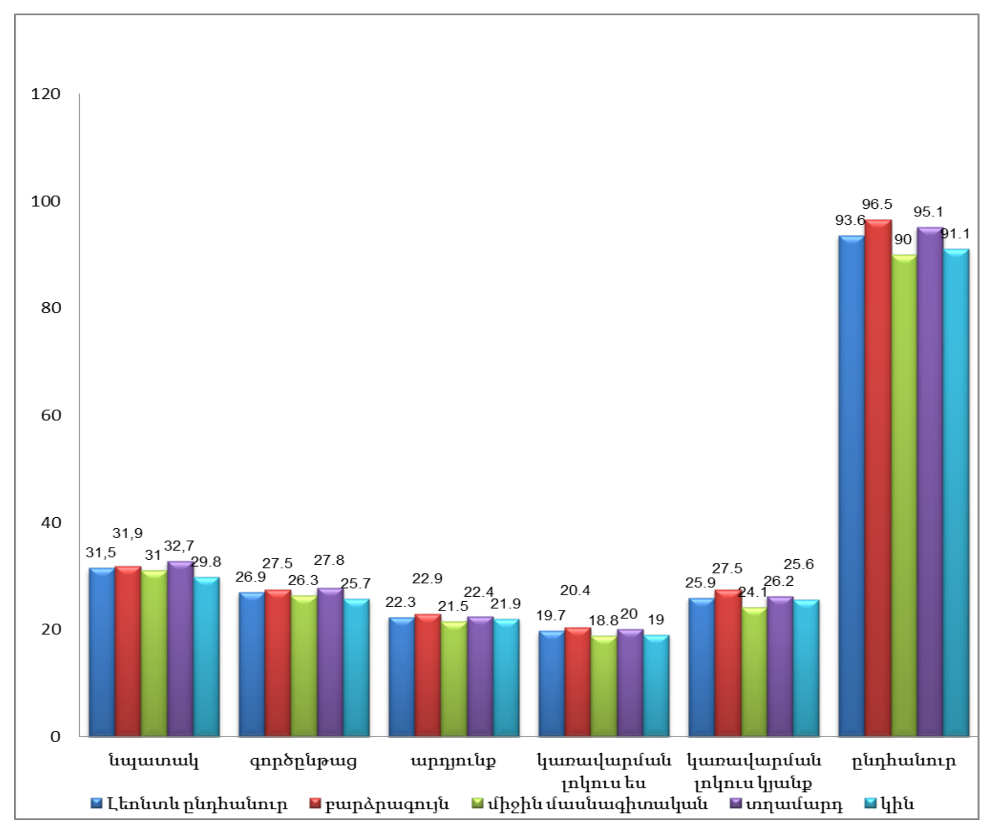
Ստացված տվյալները ցույց են տալիս, որ նոր սոցիալական կարգավիճակի պայմաններում տեղի է ունենում «աշխատանք» հասկացության նշանակության փոխակերպում: Հետազոտվողների (86%) գերակշռող մեծա-

մասնության համար այն ապրուստի, գոյատևման միջոց է: Նկատվում է նախկին սոցիալական կարգավիճակից բավարարվածության և ներկայիս կարգավիճակից դժգոհության առկայություն հետազոտվողների 90%-ի մոտ: Չնայած ներկայիս կարգավիճակի հետ նույնացումը հետազոտվողների հետ դժվար է ընթանում, բայց, այնուամենայնիվ, հարաբերական հարմարման մասին են վկայում հետևյալ հարցերի դրական պատասխանները. հետազոտվողների 43%-ը կյանքում իրենց տեղը համարում են ամուր, 22%-ը անորոշ են այդ հարցում, 32%-ը գտնում են, որ իրենց տեղն ամուր չէ: Նրանց ստվար զանգվածը (73%) ծրագրեր են կապում ապագայի հետ, չնայած այս առումով ԿԻԿ թեստի և սոցիալ-հոգեբանական հարցաթերթիկի տվյալների միջև առկա է հակասություն: Հետազոտվողների 65%-ը կարևորում է անցյալի հիշողությունները. վերջիններս ներկայումս անձի համար կյանքի իմաստի աղբյուրներ են: Հետազոտվողների 64%-ը գտնում են, որ կյանքում դեռ ամեն ինչ հնարավոր է փոխել, ինչը վկայում է դրդապատճառայնության առկայության և մասնագիտության փոփոխության իրավիճակի ազդեցության թուլացման մասին: Չնայած ներկայումս սոցիալական կարգավիճակը ցածր է, բայց նրանց մեծամասնությունը այդ իրադրությունը չի ընկալում իբրև փակուղի և պատրաստ է փոփոխությունների: Ընդ որում՝ շրջապատում տեղի ունեցող փոփոխությունները հետազոտվողների 39%-ը ընկալում են որպես վախեցնող, իսկ 33%-ը՝ ուրախալի: Նոր պայմաններում հետազոտվողները կարևորում են ապահովության զգացումը (91%): Ընդհանուր առմամբ, նոր սոցիալական կարգավիճակի պայմաններում անձի հոգեկանում վերակառուցումները չնայած ունեն հարմարման վեկտոր, բացասական ուղղվածություն, բայց, այնուամենայնիվ, իրականության ընկալման և իմաստավորման ներկա փուլում անձը սեփական կյանքի որակը գնահատում է ոչ բավարար (60%), ինչն առաջացնում է մասնագիտության փոփոխության իրադրության մեջ հայտնված անձնանց հոգեբանական աջակցության, հատկապես մասնագիտական վերակողմնորոշման անհրաժեշտություն:

Բարձրագույն և միջին մասնագիտական կրթություն ունեցող հետազոտվողների տվյալները նույնն են, չնայած նկատվում է տարբերություն շրջապատում տեղի ունեցող փոփոխությունների նկատմամբ վերաբերմունքի առումով: Բարձրագույն կրթություն ունեցող հետազոտվողներին փոփոխությունները վախեցնում են (52%)՝ ի տարբերություն միջին մասնագիտական կրթություն ունեցող հետազոտվողների, որոնց փոփոխությունները ուրախացնում են (40%): Կարելի է ասել, որ կրթական գործոնի ազդեցությունը այս դեպքում կապվում է այն փաստի հետ, որ բարձրագույն կրթությունը թույլ է տալիս իրականության ավելի խորը իմաստավորման հնարավորություն, ուստի փոփոխությունների նախկին փորձը՝ սոցիալական կառույցների փոփոխություն, աշխատատեղերի կրճատումներ, ստիպում է այս խմբի հետազոտվողներին կյանքում փոփոխությունների նկատմամբ դրսևորել ավելի զգուշավոր, բացասական վերաբերմունք:

Դ.Ա. Լեոնտևի կենսաիմաստային կողմնորոշումների մեթոդիկան թույլ է տալիս պարզել անձի իմաստային համակարգի շարժընթացը, ժամանակային ասպեկտի գնահատումը, ընդհանուր կյանքի իմաստավորվածության ցուցանիշը: Ըստ Ա.Վ. Սերիի՝ ակտուալ իմաստային վիճակի փոփոխությունն առկա է էքստրեմալ իրադրության պայմաններում [12; 124–130]: Միջին տարիքում անձի համար էքստրեմալ, սթրեսային իրադրություն է մասնագիտական կարգավիճակի փոփոխությունը: Հետևաբար, այն ուղեկցվում է իմաստային ոլորտի վերակառուցմամբ: Հաշվարկի մեջ կիրառվել են Ստյուդենտի t-չափանիշը, ԿԻԿ ընդհանուր ցուցանիշի և ենթասանդղակների միջին և ստանդարտացված շեղումները (ըստ Ե.Ա. Պետրովայի և Ա.Ա. Շեստակովայի տվյալների, որոնք վերաբերում են երկու սեռերին էլ՝ 30–55 տարեկան, n= 75):

Գծապատկեր 1.
ԿԻԿ մեթոդիկայի տվյալները ողջ ընտրանքի և առանձին խմբերի համար

Դ.Ա. Լեոնտևի ԿԻԿ մեթոդիկայի տվյալների ընդհանուր քանակական ցուցանիշները ողջ ընտրանքի համար բավականին ցածր են: Բոլոր ենթասանդղակներից ստացված ցուցանիշներն են՝ նպատակը կյանքում՝ 31,5,

միջին նշանակությունը՝ 38.91, կյանքի արդյունավետությունը՝ 22.3, միջին նշանակությունը՝ 29.83, կյանքի գործընթացը՝ 26.9, միջին նշանակությունը՝ 35.95, ես-ի վերահսկողության լոկուսը՝ 19.7, միջին նշանակությունը՝ 24.65, կյանքի վերահսկողության լոկուսը՝ 25.9, միջին նշանակությունը՝ 34.9: Կյանքի իմաստավորվածության ընդհանուր ցուցանիշը՝ 93.6 է, այն դեպքում, երբ միջին մեծությունը 120.36 է: Այս տվյալները կարելի է մեկնաբանել՝ ելնելով Ա.Վ. Սերիի հայացքներից, որը գտնում է, որ իմաստային ոլորտի ձևափոխությունը կատարում է հարմարվողական գործառույթ, ինչը թույլ է տալիս ավելի թեթև ապրել էքստրեմալ իրադրությունը: Ստացված տվյալները ցույց են տալիս, որ անձի կյանքի իմաստը կազմող անցյալի, ներկայի և ապագայի ժամանակային լոկուսները բավականին ցածր են իմաստավորված: Փաստորեն, տևական սթրեսածին իրադրությունը, այն է՝ մասնագիտական կարգավիճակի կորուստը միջին տարիքի անձի կողմից ապրվում է որպես սթրեսածին իրադրություն, որը լի է վտանգներով, քանի որ նկատվում է ընդհանրապես իրականության իմաստավորման գործընթացի թուլացում: Հիմնվելով ստացված տվյալների հիման վրա՝ կարելի ասել, որ անձն ապրում է այսօրվա օրով՝ չկարևորելով ապագան, իսկ ներկայում չի զգում իր իրական հենարանը, քանի որ նոր սոցիալական կարգավիճակը այդ հնարավորությունը նրան չի ընձեռում: Միևնույն ժամանակ «կյանքի գործընթաց» ենթասանդղակի ցածր միավորները փաստում են սեփական կյանքով և ներկայով անբավարարվածությունը: Նա իրեն համարում է անզոր սեփական կյանքը վերահսկելու հարցերում: «Կյանքի վերահսկողության լոկուս» ենթասանդղակի ցածր ցուցանիշները փաստում են, որ անձը ճակատագրապաշտ է. նա համոզված է, որ իր կյանքը ենթակա չէ գիտակցական կառավարման: Ընդհանուր կյանքի իմաստավորվածության ցուցանիշը ցածր է, ինչը ցույց է տալիս, որ նման իրադրության մեջ հայտնված մարդիկ նախատրամադրված են գոյաբանական ննրոզի, որի կենտրոնում կյանքի իմաստի որոնումն է, նոր իրականության իմաստավորման դժվարությունները, ինչն արտահայտվում է ցածր հարմարվողական կարողություններում:

Աղյուսակ 3

		Կրթության միջև տարբերություն Ստյուդենտի t-չափանիշ	Սեռերի միջև տարբերություն Ստյուդենտի t-չափանիշ
Լեոնտև	Նպատակ	0.712	2.157*
	Գործընթաց	0.747	1.386
	Արդյունք	1.123	0.373
	Կառավարման լոկուս ես	1.488	0.978
	Կառավարման լոկուս կյանք	2.322*	0.406
	Ընդհանուր	1.788	1.072

Դ. Ա. Լեոնտևի ԿԻԿ մեթոդիկայի տվյալների համամետությունը տարբեր խմբերի միջև

Գծապատկերից երևում է, որ ի համեմատ ընդհանուր ընտրանքի միավորների՝ բարձրագույն և միջին մանսագիտական կրթություն ունեցող հետազոտվողների միավորների միջև էական տարբերություն չկա:

Բարձրագույն և միջին մասնագիտական կրթությամբ խմբերում առկա է տարբերություն (2,322*) «կյանքի վերահսկողության լոկուս» ենթասանդղակի միավորների միջև: Փաստորեն, ինչպես ստացված արդյունքներից կարելի է եզրակացնել, բարձրագույն կրթություն ունեցող հետազոտվողները զգում են իրենց սեփական կյանքի «տերը» և գտել են խնդիրների ինքնուրույն լուծումներ՝ անկախ արտաքին հանգամանքների ազդեցության: Միջին մասնագիտական կրթություն ունեցող հետազոտվողների խմբի միավորները վկայում են արտաքին հանգամանքներին ենթարկվելու, ճակատագրապաշտության մասին: Կարելի է ենթադրել, որ բարձրագույն կրթությունը թույլ է տալիս շրջապատող իրականության իմաստավորման ավելի բարդ իմացական գործընթացների ներգրավում և պրոբլեմային իրադրությունում ավելի ստեղծագործական լուծումներ գործադրելու հնարավորություն:

Ըստ սեռային գործոնի՝ առկա է տարբերություն՝ կապված «նպատակը կյանքում» ենթասանդղակի տվյալների (2.157*) հետ: Ստացված տվյալները վկայում են, որ տղամարդիկ կանանցից ավել կապում են ծրագրեր ապագայի հետ, բնորոշվում են ավելի մեծ նպատակաուղղվածությամբ: Կարելի է ենթադրել, որ մասնագիտական կարգավիճակի փոփոխության իրադրությունը տղամարդիկ ավելի բարեհաջող են հաղթահարում, քան կանայք, քանի որ շարունակում են գործել և ծրագրեր կապել ապագայի հետ՝ արդեն նոր՝ ավելի ցածր սոցիալական կարգավիճակի պայմաններում:

Այսպիսով, մասնագիտական կարգավիճակի անկումը առաջացնում է անձի ինչպես արժեքային, այնպես էլ իմաստային ոլորտում խորքային փոփոխություններ, ինչն առաջին հերթին արտահայտվում է «աշխատանք» իմաստի վերաիմաստավորմամբ: Դրա օրինաչափ հետևանքը ոչ մասնագիտական գործունեությամբ զբաղվող հասուն անձի կյանքի իմաստավորվածության ցածր մակարդակն է: Ուստի ներկայումս նման մարդիկ կարիք ունեն պետության հոգածության, գրագետ մշակված մասնագիտական վերակողմնորոշման ծրագրերի առկայության կարիք, որոնք հաշվի կառնեն հասուն անձի ընդունակություններն ու հեռանկարները:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Климов Е.А.*. Психология профессионала, М., Воронеж, 1996, 400 с.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития личности. Академия, Смысл; М; 2007, 256 с.
3. *Սարգսյան Ռ.Ա.* Անձի մասնագիտական ինքնաիրացման մեթոդաբանական հիմքերը, Փորձարարարական հետազոտություններ հոգեբանության մեջ, գիտ. ժող., Եր., 2012, էջ. 91–96:
4. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. М.: «Прогресс», 1990. 372 с.

5. *Бассин Ф.В.* К развитию проблемы значения и смысла // «Вопросы психологии», 1973, № 6. СС. 18–29.
6. *Зонкин Н.В.* Психологическая концепция смысла // Вестник Самарского гос. ун-та. 1998. № 1. СС. 118–124.
7. *Бутинайте Г.Л., Корнилова Т.В.* Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии № 5 // 1993. СС. 99–105.
8. *Братусь Б С.* Аномалии личности. М.: «Мысль», 1988. 301 с.
9. *Леонтьев Д.А.* Психология слысла: природа, строение и динамика смысловой реальности, М.: Смысл, 2003, 488 с.
10. *Серий А.В., Янцикий М.С.* Ценностно-смысловая сфера личности: Учебное пособие, Кемерово, 1999, 92 с.
11. Вестник Удмурского университета Философия. Психология, Педагогика. Вып. 2. 2009. СС. 133–138.
12. *Яницкий М.С., Иванов М.С., Утюгов А.А.* Изменение осмысленности прошлого, настоящего и будущего как механизм переживания экстремальных ситуаций, социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, Хабаровск, № 2 (34), 2012. СС. 124–130.

ПРОБЛЕМА ОСМЫСЛЕННОСТИ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ПАДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАТУСА

С.А. Варданян

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматриваются изменения смысловой сферы зрелой личности в условиях падения профессионального статуса, в частности, проблема переосмысления профессиональной деятельности. Ценностные перестройки приводят к обеднению смысловой сферы личности, которое проявляется в низких показателях осмысленности жизни. Представлены результаты эмпирических исследований осмысленности жизни в группах мужчин и женщин, получивших среднее или высшее образование.
Ключевые слова: профессия, смысл, личностный смысл, осмысленность жизни, когнитивные трудности, временной локус, интенциональность, значение.

THE PROBLEM OF LIFE INTERPRETATION IN THE CONDITIONS OF PROFESSIONAL STATUS CHANGE

S. Vardanyan

SUMMARY

The topic of the discussion in this article is the change of the mature person’s perception in the semantic field in conditions of professional failure, particularly the problem of reinterpretation of work activities. Value reconstructions cause reduction in a person’s semantic field which is stated in low life interpretation indexes. The results of empiric studies about life interpretation in groups of men and women having secondary and higher education are introduced in the article.
Keywords: profession, meaning, personal meaning, life meaning, cognitive difficulty, time locus, intentionality, value.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Г.А. Хачикян

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается возможность осуществления в процессе правового воспитания задачи формирования высокоразвитого правового сознания и соответствующее этому сознанию поведения личности. Применение норм права в обществе расценивается как ведущая форма реализации права, что свидетельствует о политической и социально-правовой активности человека.
Ключевые слова: правовое воспитание, правосознание, правомерное поведение, нормы поведения.

Усвоение людьми законов, правовых понятий и требований, определяющих меру должного поведения, осознание своих прав и социально-приемлемых способов их реализации, а также понимание сложных правовых взаимоотношений между различными людьми, их группами и социальными институтами осуществляется в процессе правовой социализации. Этот процесс сопровождает развитие человека в обществе, которым создаются специальные условия для адекватного восприятия отдельным индивидом правовых ценностей, норм, санкций, ролевых предписаний и их перевода в личные поведенческие регуляторные механизмы.

Возникшая в детстве индивидуальная правовая картина мира с возрастом значительно обогащается и уточняется в связи с усложнением форм деятельности (учеба, труд), расширением круга общения человека, реализацией им попыток самоактуализации и самореализации. Важнейшими институтами социализации при взрослении человека выступают семья, школа, референтные группы сверстников, трудовые коллективы. При этом основными механизмами формирования правосознания, согласно точке зрения профессора В.М. Поздникова, выступают:

– идентификация – отождествление индивида с другим человеком, в результате которого происходит воспроизведение мыслей и чувств другого лица;

– внушение – особый вид эмоционально-волевого целенаправленного, но неаргументированного воздействия одного человека на другого или группу людей;

– заражение – бессознательная подверженность индивида определенным психологическим состояниям, связанным с некритическим принятием какой-либо информации или чувств;

– подражание – способ воздействия людей друг на друга, в результате которого осуществляется неосознанное воспроизведение личностных черт и поведенческих паттернов;

– убеждение – метод воздействия на сознание личности через обращение к

ее собственному критическому суждению для формирования определенных взглядов и мировоззрения в целом.

Итогом правовой социализации личности является возникновение индивидуального правосознания – систему знаний, оценок и представлений о правопорядке общества, а также установок правоисполнительного поведения. Правосознание – ориентировочная основа правозначимых действий – определяет поведение человека в сфере наиболее существенных социальных отношений. Оно обусловлено уровнем личностно-гражданской зрелости, определяется характером и объемом полученного правового опыта, т.е. зависит от степени освоения доминирующей правовой культуры общества и субкультур конкретных социальных групп, в которые включен человек.

В развитой правовой культуре следует выделять 3 взаимосвязанных звена:

1) правовая просвещенность (компетентность);

2) позитивное психологическое отношение к праву (согласие с ним);

3) включение в потребностно-мотивационную подсистему личности собственных ценностных ориентаций, которые и выражаются в правомерном поведении [1].

Правовоспитательная деятельность является одним из направлений в деятельности государственных и общественных структур по формированию правового сознания, где в настоящее время возникла своеобразная ситуация: с одной стороны, признается необходимость и эффективность правового воздействия на формирование личности, а с другой – отсутствует строгая теория, научно-обосновывающая пути реализации имеющихся возможностей. Преодоление этой проблемной ситуации связано с определением и научным обоснованием целей и задач правового воспитания. Решение этих вопросов относится к числу первостепенных научных проблем формирования и развития правового сознания.

Правовое воспитание является частью более общей системы воспитания. Входя в нее в качестве основного элемента, решая общие задачи, стоящие перед воспитанием, правовое воспитание вступает в тесное взаимодействие с другими его видами – нравственным, эстетическим, политическим. Определение целей и задач правового воспитания, ожидаемых результатов в этих условиях, означает не что иное, как определение его содержания, выявления пределов и параметров возможного воздействия на сознание и поведение личности. «Без исследования и конкретизации ожиданий, задач и целей правового воспитания не могут быть определены объективные показатели уровня осознания и усвоения людьми отдельных правовых понятий, не может быть объективно оценена и эффективность деятельности по формированию правового сознания» [2].

Значение этой проблемы для организации правового воспитания огромно. Это придает особую остроту вопросам научного поиска и обоснования целей правового воспитания, которые в полной мере еще не исследованы.

Основное предназначение права – регулирование общественных отношений (посредством воздействия на сознание и поведение людей). Эту свою основную

функцию оно осуществляет в процессе своей реализации. В методологическом отношении правовое воспитание представляет собой не что иное, как деятельность определенных общественных и государственных институтов (а иногда и отдельных лиц), направленную на создание оптимальных условий для реализации права, в процессе которого право осуществляет регулирование общественных отношений.

Понимание общих задач и целей правового воспитания как создание оптимальных условий для реализации правовых норм позволяет, с нашей точки зрения, глубже осознать всю сложность механизма восприятия права, более четко представить содержание самого правовоспитательного процесса, его место в системе других видов воспитания, их взаимозависимость и взаимообусловленность.

Претворение в жизнь законов и других нормативных актов включает в себя как бы две формы деятельности участников правовой жизни нашего общества:

а) активную – применение норм права;

б) пассивную – их соблюдение. Деятельность по применению норм права своим содержанием богаче соблюдения как формы его реализации.

Эти две формы сложной и многозначной деятельности по претворению в жизнь нормативных требований общества к индивиду нельзя противопоставлять, отрывать друг от друга, их нельзя и отождествлять: каждая из них выступает самостоятельной формой реализации правовых предписаний.

Безусловно, правовое воспитание преследует цель повышения уровня развития правового сознания людей. Однако всю свою деятельность в этом направлении общество и государство связывают, прежде всего, с организацией правового поведения. Право, его нормы обращены к воле и сознанию человека, но регулируют они не сознание, а поведение (через сознание). Правовое сознание как бы выполняет функцию передаточного механизма от права к поведению [3].

Общество (а равно и государство) заинтересовано в определенном порядке поведения и деятельности людей. В нормах права, с которыми законодатель обращается к гражданам, в диспозициях этих норм (в положительной, негативной или отрицательной форме) всем участникам общественных отношений задается определенная модель правового поведе-ния, а не правового мышления.

Разнообразие путей, ведущих к соблюдению права, достигаемому в результате правовоспитательного воздействия на сознание и поведение людей, объясняется спецификой мотивов, в структуре которых, несмотря на их разнообразие, можно выделить, по крайней мере, два ведущих комплекса:

1) соблюдение права по мотивам солидарности с требованиями его норм;

2) соблюдение права, совершение правомерных действий, несмотря на неприятие его требований.

Для подавляющего большинства людей, принимающих предписания правовых норм как оптимальный вариант поведения, согласованность собственных поступков с требованием законодателя является вполне закономерным явлением, сам процесс следования праву отвечает их внутреннему состоянию, их потребностям.

В обосновании целей и задач формирования правового сознания, а также ожиданий общества в этой сфере деятельности «особое внимание заслуживает случай, когда индивид, несмотря на непринятие (полное или частичное) тех или иных норм права, все же поступает в соответствии с их требованием. Большей частью это происходит в силу его стремления избежать нежелательных последствий, наступающих при нарушении правовых предприятий» [3].

Правовое воспитание имеет внутреннюю логику собственного развития, состоящую в том, что реализовать свою высшую цель – формирование подлинной активности личности в праворегулирующем процессе – оно может, лишь преодолев собственные пределы своего развития, вступив во взаимодействие с другими видами воспитания и, прежде всего, с нравственным. Взаимодействие этих двух видов воспитательной деятельности, преобразование первой во вторую, связано с взаимодействием нравственного и правового сознания, осуществляющегося в процессе освоения индивидом социальной действительности.

Общество на данном этапе своего развития ориентируется на личность, обладающую не только высокоразвитым политическим, нравственным и правовым сознанием, но и в высшей степени развитыми деловыми качествами, высокой организованностью. Всестороннее развитие личности должно охватывать не только сферу сознания, но и деятельную сторону, в особенности в сфере применения права.

При оценке личности, действующей в социально-правовой сфере, мы, безусловно, должны исходить не только из ее внешнего проявления. Мы должны помнить также, что поведение в своей совокупности, за небольшим исключением, выступает и как внутреннее содержание самой личности. Деятельно-поведенческая характеристика личности имеет существенное, определяющее значение и смысл как для предметно-практической деятельности в сфере правовых отношений, так и для определения содержания задач в сфере, направленного на формирование правового сознания.

В процессе правового воспитания, осуществляемого с помощью средств и методов, основывающихся на дидактических принципах, решается целый спектр задач, связанных с вооружением граждан соответствующими правовыми знаниями.

«Система правового воспитания, формирующего правовое сознание, не будет целесообразной (эффективной), если в качестве системообразующей связи с процессом формирования правового сознания будут выступать только правовые знания. Целью каждого вида специальной деятельности, помимо передачи определенной суммы знаний, является формулирование ценностного отношения к тем объектам общественного бытья, которые составляют содержание того или иного вида деятельности» [4].

Достигнутый в процессе воспитания уровень отношений к праву как к ценности и определяет уровень достигнутых целей правового воспитания, определенную меру деятельности по реализации права – соблюдение или применение права.

Следовательно, можно сказать, что в процессе правового воспитания осуществляется единая по своей сущности задача формирования высокоразвитого правового сознания и соответствующего этому сознанию поведения. Однако уровень решения этой задачи, как мы видели, различный. Как нельзя в реальной жизни отделить сознание человека от его поведения, так и при теоритической конструкции целеполагающего правовоспитательного процесса нельзя их (сознание и поведение) отрывать друг от друга и рассматривать их в качестве самостоятельных целей правового воспитания, т.е. формирование правового сознания и правомерного поведения – единый и взаимообусловленный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аминов И.И.* Юридическая психология. М., 2008. С. 145.
2. *Белобородов Н.Г.* «Образ права» в структуре правосознания. М., 1990. С. 26.
3. *Хачикян Г.А.* Социально-психологические факторы формирования правосознания. Ер., 2010. С. 77.
4. *Апиян Н.А.* Правосознание. Правовое воспитание. Ер.: Правовая культура. 2010. С. 83.

LEGAL EDUCATION AS THE BASIS LEGITIMACY OF BEHAVIOR IN SOCIETY

G. Khachikyan

SUMMARY

The article discusses the opportunity of realizing the tasks of formation of the developmental high level of legal counciousness in the process of legal education and corresponding this counciousness the individual's behaviour. Realizing law norms in the society is estimated as a leading form of realising law that witnesses about the individual's political and social – legal activity.
Keywords: legal education, behavior, norms.

ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԴԱՍՏԻՐԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ՀԻՄՔ ԼԵԳԻՏԻՄՈՒԹՅՈՒՆԸ ՎԱՐՔԻ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Գ. Ա. Խաչիկյան

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում դիտարկվում են բարձր մակարդակի իրավական գիտակցության ձևավորման խնդիրները իրավական դաստիարակման գործընթացում և դրան համապատասխան անձի օրինապահ վարքի դրսևորումները:
Հիմնաբառեր՝ իրավական կրթություն, վարքագիծ, նորմեր:

Из университетской жизни

15 июня 2016 года в Доме культуры РАУ состоялась Конференция научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся Российско-Армянского университета. В рамках общего собрания делегаты ознакомились с докладом ректора А.Р. Дарбиняна о деятельности и перспективах развития университета и утвердили Устав вуза в новой редакции.

«Мы провели один из самых динамичных, эффективных и успешных годов в своей истории. 2015 год был примечателен тем, что мы, как университет, стали очень значимым, знаковым фактором высококачественного образования и высокой науки в сообществе российских и армянских вузов, – отметил А.Р. Дарбинян. – *Мы были признаны таковыми согласно официальному рейтингу Министерства образования и науки РА, в котором мы заняли* ***второе место*** *в стране* по *агрегированному показателю успешности университета»*.

Миссия Российско-Армянского университета, по словам ректора вуза, заключается в формировании нового качества высшего образования, подготовке конкурентоспособных на международном рынке труда профессиональных кадров высокой квалификации и создании ведущего центра науки в регионе.

Ректор РАУ А.Р. Дарбинян, в частности, отметил: «*Как патриот, я согласен с таким результатом и хотелось бы, чтобы он сохранялся в будущем. Мы обязаны сохранить за собой как минимум второе место в стране. Отмечу, что среди ключевых показателей, обеспечивших РАУ в рейтинге второе место, был научный потенциал университета. Научные показатели РАУ были высоки и существенно отличались от показателей других вузов Армении.*

Наши высокие позиции в рейтинге также были обусловлены успешностью международной деятельности РАУ. В прошлом году в рамках программ "TEMPUS" и "ERASMUS" РАУ принял участие в 12 международных проектах, в некоторых из них мы имеем реальные достижения. Немаловажное значение имел процент иностранных студентов в общем количестве обучающихся в РАУ. В этом вопросе у нас всегда есть естественное преимущество, поскольку около 25% студентов нашего вуза являются иностранными гражданами, включая граждан РФ. Это достаточно высокий показатель. Даже 10% считаются абсолютно удовлетворяющим показателем во многих ведущих вузах мира».

В докладе было отмечено, что 2015–2016 учебном году Университет преуспел в вопросе создания *совместных образовательных программ с ведущими университетами РФ.* Были подписаны протоколы с 9 лучшими российскими университетами – лидерами в отрасли технического и технологического образования: Санкт-

Петербургским политехническим университетом Петра Великого (СПбПУ), Санкт-Петербургским университетом информационных технологий, механики и оптики (ИТМО), Национальным исследовательским технологическим университетом «МИСиС», Национальным исследовательским университетом «МЭИ», Научно-исследовательским ядерным университетом «МИФИ», Российским государственным университетом нефти и газа им. И.М. Губкина, Московским государственным техническим университетом им. М.Э. Баумана, Российским химико-технологическим университетом им. Д.И. Менделеева, Московским физико-техническим институтом (МФТИ). Данные вузы сегодня являются главными партнерами РАУ и это – блестящий результат. Также высоко были оценены достижения ученых вуза: два профессора А.А. Саркисян и В.Г. Аветисян стали штатными профессорами Института физики нанотехнологий и телекоммуникаций СПбПУ.

Дальнейшее развитие сотрудничества с вышеуказанными вузами должно идти по пути создания совместных образовательных программ на английском языке для привлечения иностранных студентов. В РАУ должна быть создана определенная база программ, осуществляемых на иностранных языках, в особенности по техническим направлениям (математика, программирование, физика, биохимия, биоинформатика). Указанные отрасли науки сегодня являются наиболее востребованными и приоритетными. За предыдущий год удалось достичь значительных достижений в этих направлениях, а значит, налицо –потенциал для расширения спектра услуг и смелого входа в англоязычное образовательное пространство. Сотрудничество с работодателями сегодня является одной из приоритетных задач для вузов. Образовательная деятельность РАУ должна быть привлекательной, прежде всего, для тех, для кого готовятся специалисты. А если ими окажутся компании – лидеры на рынке в своих областях, соответственно, это автоматически поднимет авторитет вуза и рейтинг.

Кроме того, Российско-Армянский университет ведет активную работу в направлении создания *образовательных программ,* рассчитанных на *конкретного потребителя*, *конкретную компанию*. 21 июля 2016 году было подписано официальное соглашение с «Лабораторией Касперского» об открытии в РАУ новой программы магистратуры по IT-безопасности. «Лаборатория Касперского» впервые реализует образовательный проект подобного рода. У РАУ есть все перспективы для того, чтобы стать лидером в области информационной безопасности, имея такого ключевого партнера, как «Лаборатория Касперского».

«За период своей деятельности РАУ подготовил не одно поколение специалистов, востребованных на рынке труда. У нас более 6000 выпускников, большинство из них трудоустроены в различных компаниях, где демонстрируют высокий уровень профессиональных компетенций. Многие студенты РАУ находят работу, еще учась в Университете, – сказал А.Р. Дарбинян. – Успехи выпускников, несомненно, радуют, но вместе с тем они же должны стимулировать нас на создание образовательных

программ, в особенности, программ магистратуры, рассчитанных на конкретного заказчика. У нас уже есть такой опыт: одна из наших магистерских программ по направлению «Экономика» реализуется при тесном партнёрстве с 3 крупными страховыми компаниями Армении. Нам необходимо вести интенсивную работу в этом направлении и постепенно расширять спектр подобных программ, ориентируясь в том числе и на зарубежных партнеров».

Таким образом, внедрение совместных образовательных программ и проектов совместно с ведущими университетами является *первым критерием* результативности соответствующих направлений РАУ. *Вторым критерием* является создание целевой магистратуры под конкретного заказчика. И, наконец, *третий критерий* касается внедрения в РАУ магистерских программ на иностранном языке.

Ещё один важный итог прошлого года – создание *армянского сектора* и расширение деятельности РАУ в армяноязычном образовательном пространстве. В РАУ на сегодняшний день действуют 17 направлений бакалавриата на русском языке и 4 – на армянском. В новом проекте Устава есть конкретный пункт, касающийся осуществления РАУ образовательной деятельности на армянском языке с обязательным углубленным изучением русского языка.

Министерство образования и науки РА и Министерство образования и науки РФ безоговорочно признали РАУ в качестве ведущего вуза, представляющего российское образование и российскую науку за рубежом. Деятельность РАУ в системе образования и науки РФ сегодня высоко оценена именно благодаря значительным достижениям. С учетом этого из Бюджета РФ университету было выделено *отдельное финансирование на развитие науки*. В рамках Программы развития в РАУ были созданы 11 научных групп, деятельность которых будет финансироваться отдельно. Полученное научное финансирование сегодня имеет всего лишь функцию bridge financing, т.е. финансирование до определенного момента, когда группы начнут зарабатывать сами. В современном мире научная деятельность может приносить огромные доходы. Современная наука – это область зарабатывания больших денег. В России это поняли, начиная с 2005г., когда начался процесс создания исследовательских университетов и больших бюджетных вливаний в науку. В Армении пока нет такого осознания возможностей науки.

Говоря о Программе развития, ректор отметил, что в Минобрануки РФ впервые была утверждена программа развития для тех университетов, которые находятся вне территории РФ. В рамках программы РАУ за прошлый год было *существенно переоснащено оборудование имеющихся в РАУ учебно-научных и научно-исследовательских лабораторий, создана новая научно-исследовательская лаборатория*. В дальнейшем предполагается совершенствование материально-технической базы и научной инфраструктуры РАУ, в частности, в области нанотехнологий, биотехнологий, генной инженерии и биоинженерии.

В разделе «Миссия РАУ» были представлены три пункта: формирование нового качества высшего образования, подготовка конкурентоспособных кадров и создание ведущего центра науки в регионе. Вот эти три главных компонента стали нашей общей миссией: это – задачи, которые предстоит решить в ближайшем будущем. В университете необходимо внедрить новые формы обучения и получения высшего образования: внедрение дистанционного обучения, создание качественной системы электронных образовательных ресурсов образования, разработка возможностей использования смешанных форм обучения.

Были проведены встречи с представителями AGBU (The Armenian General Benevolent Union), в рамках которых были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества и реализации совместных проектов, в частности, подключения к Виртуальному университету AGBU.

Также была достигнута договоренность о сотрудничестве с Американским университетом Армении по нескольким направлениям, в том числе по вопросу взаимного «перетока» студентов РАУ и АУА. В современном образовании действуют законы мобильности и свободы выбора.

С этого года в РАУ открываются новые программы магистратуры и аспирантуры по направлениям «*Иранистика» и «Индология»*. Внедрение этих программ не только расширит спектр образовательных возможностей РАУ, но и привлечет аспирантов и магистрантов из стран дальнего зарубежья. Еще одно достижение – это развитие в РАУ направлений *китаеведения и японоведения*. Взаимодействие с университетами Китая достаточно плодотворно: создается возможность направлять студентов в Китай для продолжения обучения. Сейчас открываются хорошие перспективы в плане продолжения обучения в Японии.

Большое значение, по словам ректора, имеет вопрос *продвижения бренда вуза в мире* путем использования эффективных маркетинговых механизмов: проблему могут и должны решать специалисты направления «Реклама и связи с общественностью». Особо важное внимание необходимо уделить сохранению и развитию связей вуза со своими выпускниками, чему должна способствовать активизация деятельности *Союза выпускников*.

Следующий год для РАУ – юбилейный: университет будет праздновать свое *20-летие со дня основания*. Уже начата работа по планированию и организации юбилейных мероприятий: весомых научных конференций, встреч со знаменитостями, концертами и т.д. Предстоит большая, но приятная работа подготовки и проведения целого ряда юбилейных событий, которые завершатся главными торжественными мероприятиями в конце октября – начале ноября 2017г. Таким образом, уверенно откроется новая страница в истории Российско-Армянского университета!

* * *

Европейская научно-промышленная палата наградила главного научного консультанта Российско-Армянского университета, выдающегося ученого-

физика, заслуженного деятеля науки Республики Армения, академика Сергея Александровича Амбарцумяна *Дипломом* качества (Diploma di Merito, 2016) и Европейской медалью. Почетная награда присуждена за весомый вклад в различные сферы науки, образования и культуры.

Труды академика Сергея Амбарцумяна по теории прочности и другим разделам механики являются существенным вкладом в мировую науку. Результаты исследований С. Амбарцумяна обобщены в 16 монографиях, переведены и изданы в России, США, Японии, Китае и Сингапуре.

Европейская научно-промышленная палата была создана в июле 1992 года и зарегистрирована в Европе как некоммерческая, неполитическая ассоциация, целью которой является укрепление международных научных, культурных и экономических связей. ЕНПП активно взаимодействует с ведущими образовательными, научными и производственными центрами, Европейскими торгово-промышленными палатами, ассоциациями малых и средних предприятий.

* * *

Российско-Армянский университет (РАУ) и Московский государственный институт международных отношений МИД России (МГИМО) подписали соглашение о реализации совместной магистерской программы «Дипломатия» (направление «Международные отношения»).

Программа начнет функционировать уже с сентября 2016–2017 учебного года. Обучение студентов будет осуществляться по согласованной программе в РАУ и в МГИМО. Студентам из Республики Армения будет предоставлена возможность проживания в общежитии МГИМО.

Как отметила заместитель директора Института права и политики РАУ М.А. Калашян, «*этот проект является прорывным*». В рамках заключенного соглашения предусмотрены эффективные механизмы обеспечения высокого уровня реализации совместной магистерской программы. По окончании обучения выпускники получат дипломы РАУ и МГИМО.

* * *

27 июня 2016г. в Российско-Армянском университете состоялся мастер-класс декана Высшей школы корпоративного управления (ВШКУ) РАНХиГС при президенте РФ, д.э.н., профессора Сергея Календжяна. Мероприятие было организовано Институтом экономики и бизнеса РАУ в формате повышения квалификации для молодых преподавателей, а также аспирантов и магистрантов. Спикер выступил с актуальной на сегодняшний день темой «Трансформация Евроменеджмента». С.О. Календжян является доктором делового администрирования и Почетным доктором делового администрирования «Европейского инсти-

тута международного менеджмента» (Франция). В 2007 году ему присвоено звание «Заслуженный экономист РФ». Сергей Календжян имеет специализированное бизнес-образование на базе Йоркского университета (Канада) по направлению «Корпоративное управление» и бизнес-школы IESE Университета Наварры (Испания) в области организации и управления обучением высших управленческих кадров. Проходил стажировки в различных бизнес-школах Америки, Канады, Испании и Германии, в частности, Гарвардской бизнес-школе по вопросам организации бизнес-образования.

Профессор Календжян внес значительный вклад в разработку и внедрение концепции обучающего консультирования, а также издал ряд научных работ, монографий, учебных пособий. Под его редакцией были изданы серии книг «Азбука бизнеса» и «Евроменеджмент для России».

По окончании мастер-класса С.О. Календжяна в РАУ всем участникам вручили соответствующие сертификаты.

* * *

21 июля 2016г. с официальным визитом Российско-Армянский университет посетил основатель и генеральный директор компании «Лаборатория Касперского», лауреат премии президента РА за вклад мирового значения в сферу информационных технологий, один из ведущих мировых экспертов по кибербезопасности Евгений Касперский.

В рамках визита ректор РАУ А.Р. Дарбинян и генеральный директор компании «Лаборатория Касперского» Е.В. Касперский подписали Меморандум о создании первой в Армении «Магистратуры Касперского»: уже с сентября 2016 года в вузе будет действовать уникальная совместная магистерская программа «Защита информационной безопасности». Согласно соглашению, в процессе сотрудничества стороны реализуют инновационные образовательные проекты в области информационной безопасности на базе Российско-Армянского университета, а также разработают продуктивные программы и курсы по кибербезопасности.

«Открытие данной программы даст возможность многочисленным продвинутым армянским студентам поступить в магистратуру и получить качественные знания из первоисточника», – заверил А.Р. Дарбинян. По словам ректора вуза, кибербезопасность является неотъемлемой и актуальной составляющей в контексте основных тенденций современного мира, в частности, информационного пространства Армении.

В свою очередь, Е.В. Касперский подчеркнул, что одна из ключевых проблем в сфере кибербезопасности – нехватка высококвалифицированных специалистов: *«Именно поэтому мы придаем большое значение поддержке подобных*

образовательных программ. Надеемся, выпускники новой магистерской программы начнут активно спасать мир от различных киберугроз».

Решением Ученого совета РАУ Евгению Валентиновичу Касперскому присуждено звание **«Почетный доктор Российско-Армянского университета»**. Основатель и генеральный директор компании «Лаборатория Касперского» удостоился данного звания за выдающийся вклад в развитие сферы IT-безопасности, за создание эффективной системы защиты информации от киберугроз, за просветительскую деятельность и тесное сотрудничество с РАУ.

* * *

20 июня 2016г. в Российско-Армянском университете стартовала II международная японоведческая научная конференция «Ex Orient Lux. Изменение мировоззренческой парадигмы от европоцентризма к универсализму».

С приветственным словом к присутствующим обратился чрезвычайный и полномочный посол Японии в РА господин Эйджи Тагучи. Посол поблагодарил руководство вуза за организацию данного мероприятия и отметил, что вклад РАУ в развитие японистики в Армении очень велик.

В работе конференции приняли участие ведущие специалисты данной области из Японии, Грузии, Болгарии, России и Армении. Среди гостей РАУ – профессор Киотского университета Накамура Тадаси, доцент Института литературы АН Болгарии Йорган Люцканов, профессор Токийского университета Моури Куми, мастер кэндо международной категории Маэно Ёрихико, преподаватель Тбилисского Свободного Университета К. Церетели, преподаватель учебно-культурного центра «Ироха» Минамиэ Сюити, научный сотрудник Института Востоковедения АН РА Е.В. Арутюнян, профессор кафедры Зарубежной литературы ЕГУ Т.С. Симян, старший преподаватель факультета международных отношений ЕГУ Хасегава Арихико и др.

«*Мы хорошо понимаем, что готовить высококвалифицированных специалистов без научного сопровождения невозможно: наши ежегодные традиционные конференции – хорошая платформа для обсуждения проблем по различным направлениям японистики*, – подчеркнул проректор РАУ Г.З. Саркисян. – *Думаю, эти конференции будут играть определенную роль при формировании научных школ по японистике в Армении*».

Участники II международной японоведческой научной конференции «Ex Orient Lux. Изменение мировоззренческой парадигмы от европоцентризма к универсализму» обсудили широкий спектр вопросов, связанных с историей, философией, экономикой, культурой и литературой Японии, а также с японским языком и методами преподавания, теоретическим осмыслением особенностей

японского мировоззрения, влиянием, которое оказывала и продолжает оказывать Япония на экономические, исторические и культурные процессы во всем мире. По итогам конференции планируется издание сборника научных трудов.

* * *

«ПОСЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ»

20 июля 2016г. в Армению прибыли волонтёры, студенты ведущих российских вузов, прошедшие серьёзный профессиональный отбор на федеральном уровне, проведённый ГосИРЯ им. А.С. Пушкина.

В октябре прошлого года «Послы русского языка в мире» совместно с Институтом русской словесности РАУ и 10 студентами по направлению «Филология» начали свою «планетарную» миссию в 5 школах Армавирского марза. В этом году Послы подняли планку выше в прямом и переносном смысле: они будут преподавать русский язык армянским школьникам, отдыхающим в горных лагерях «Сирануш» (Вайоцдзорский марз) и «Асмик» (Котайкский марз).

Второй этап стартует 28-го июля и завершится 16-го августа традиционным костром в детском лагере «Асмик».

* * *

30 июня 2016г. в Российско-Армянском университете стартовала летняя школа по международному публичному праву, а также двухдневный тренинг по международному праву в области прав человека.

Среди основных целей проведения летней школы – повышение уровня правовой осведомленности будущих юристов, расширение знаний и улучшение навыков участников, стимулирование эффективности организации подобных мероприятий.

«*Учитывая геополитическую ситуацию в регионе, уверена,что полученные знания будут полезны для профессионального и личностного развития молодых юристов*» – отметила директор Института права и политики РАУ Л.А. Алавердян.

По словам Л.А. Алавердян, летняя школа послужит хорошей платформой для обмена мнениями и опытом, обсуждения актуальных вопросов, касающихся данной сферы.

Мероприятие состоялось с результате успешного сотрудничества РАУ с представительством УВКБ ООН в Армении, Ереванским офисом ОБСЕ, международным комитетом Красного Креста и благотворительной общественной организацией «Миссия Армения».

По окончании участникам будут вручены сертификаты.

* * *

КАВКАЗСКИЙ ДИАЛОГ – 2016

26–31 июля 2016г. в Чеченской республике – в городе Грозном и на озере Кезеной Ам прошел ежегодный Международный научно-образовательный проект Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова «Кавказский диалог». На этот раз проект был организован при содействии Министерства Чеченской Республики по делам молодежи. «Кавказ и глобальная турбулентность» – так организаторы сформулировали общую тему дискуссий форума. Работы форума прошли во Дворце молодежи, Чеченском государственном университете, Чеченском государственном педагогическом университете, а также на озере Кезеной-Ам.

В молодежном форуме приняли участие молодые политологи, журналисты, ученые, студенты и аспиранты из Абхазии, Азербайджана, Армении, Грузии, России и Южной Осетии. В качестве экспертов и спикеров выступили известные ученые (С.М. Маркедонов, Н.Ю. Силаев, А.А. Ярлыкапов, К.И. Тасиц, А.Н. Гуня).

Заведующий кафедрой политологии РАУ О.Л. Саркисян был приглашен в качестве спикера на круглый стол «Карабахский конфликт в региональном контексте», где его оппонентом стал депутат Милли Меджлиса Азербайджана Расим Насреддин оглы Мусабеков. Стороны представили свое видение проблемы. О.Л. Саркисян подчеркнул, что для начала настоящего диалога, в первую очередь нужно вернуть в переговорный процесс представителей Нагорного Карабаха, ибо без воли народа Арцаха, возможный консенсус вряд ли может быть достигнут. Он также отметил, что нельзя сводить проблему только к вопросу о территориях, так как первоочередным является обеспечение физической безопасности населения Нагорного Карабаха.

В дискуссиях приняли участие также представители региональной и федеральной власти: заместитель председателя парламента ЧР С.Н. Юсупов, министр Чеченской Республики по делам молодежи М.С. Тагиев, министр ЧР по национальной политике, внешним связям, печати и информации Д.В. Умаров, заместитель руководителя Департамента инвестиционных проектов и программ Министерства Российской Федерации по делам Северного Кавказа Р.В. Тапаев, помощник главы ЧР, председатель Совета при главе ЧР по развитию гражданского общества и правам человека Т.М. Алиев. Представители властных структур Чеченской республики поделились уникальным опытом Чечни по превращению территории войны в территорию мира и созидания, а также осветили достаточно интересный процесс синтеза национально-конфессиональных традиций и гражданско-государственного сознания.

Саркисян О.Л. отметил, что, в отличие от других организаций в области публичной дипломатии, деятельность которых отличается определенным характером, мероприятия, организованные Фондом поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, носят диалогичный характер, что позволяет превратить их в площадку публичной дипломатии не только России, но и других стран, представители которых участвуют на этих мероприятиях.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аветисян П.С. – д.филос.н., к.ф.-м.н., профессор, проректор по науке Российско-Армянского университета

Аветисян Л.А. – преподаватель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Института экономики и бизнеса РАУ, соискатель по специальности: Ը.00.06 «Международная экономика»

Акопян А.А. – аспирант кафедры Политологии Института права и политики РАУ

Багратян Г.А. – д.э.н., профессор кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Института экономики и туризма РАУ

Варданян С. – соискатель кафедры Теории и истории психологии, лектор университета Практической психологии и Социологии «Урарту»

Галикян Г.Э. – к.филос.н., доцент, зав.кафедрой Философии Института гуманитарных наук РАУ

Давтян В.С. – к.п.н., доцент кафедры Политологии Института права и политики РАУ

Дунамалян Н.А. – аспирант кафедры Политологии Института права и политики РАУ

Заславская М.И. – д.соц.н., профессор кафедры Социологии Ереванского государственного университета

Малхасян А.Г. – аспирант кафедры Конституционного и муниципального права права Института права и политики РАУ

Макарян Ц.М. – соискатель кафедры Муниципального права Института права и политики РАУ

Мирумян Р.А. – д.филос.н., профессор кафедры Политологии Института права и политики РАУ

Назарян Н. – преподаватель, майор полиции (Образовательный комплекс полиции РА)

Петросян И.Б. – к.э.н., доцент кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Института экономики и туризма РАУ

Саркизов Л.А. – аспирант кафедры Гражданского и гражданско-процессуального права Института права и политики РАУ

Саркисян О.Л. – к.филос.н., доцент., зав.кафедрой Политологии Института права и политики РАУ

Симонян В.М. – аспирант кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода Института экономики и туризма РАУ

Хачикян Г.А. – к.псих.н. кафедры Психологии Института гуманитарных наук РАУ

Главный редактор *– М.Э. Авакян*

Корректор *– Э.А. Рухкян*

Редактор *– Ш.Г. Мелик-Адамян*

Компьютерная верстка *– А.С. Бжикян*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского (Славянского)
университета:

0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52(внутр. 42-02)
e-mail: redaction.rau@gmail.com

Заказ № 19
Подписано к печати 15.08.2016г.
Формат $60x84^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 12 п.л. Тираж 100 экз.